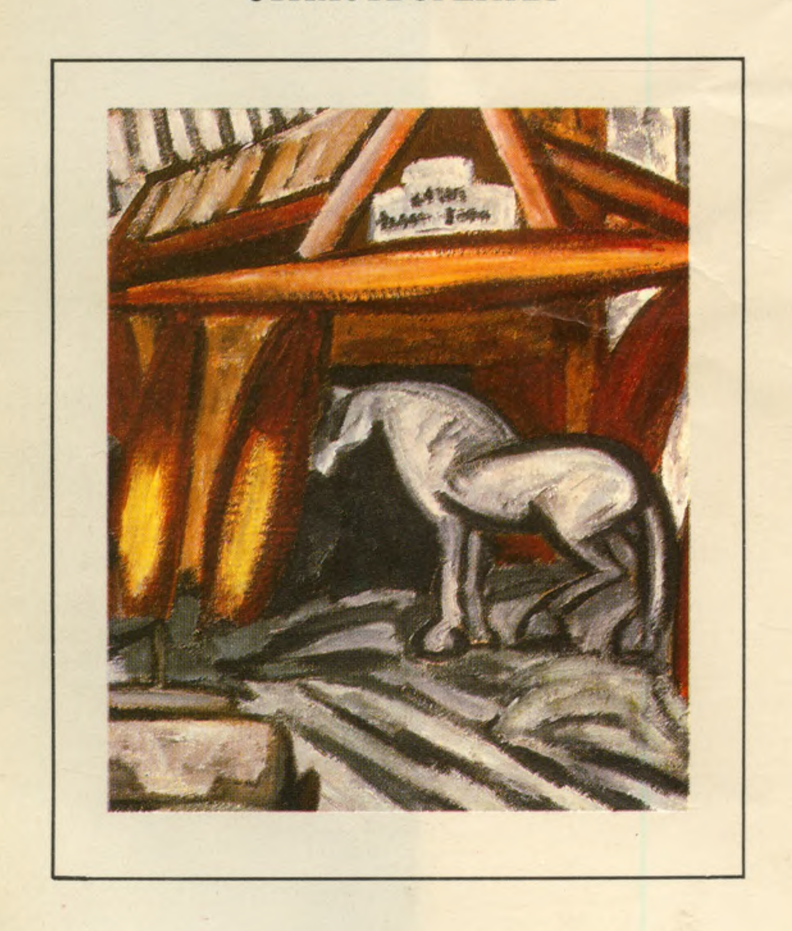
МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

СТИХОТВОРЕНИЯ



Эллис Лак

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

EL
ELLIS LUCK
ЭЛЛИС ЛАК

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений в семи томах

Москва
Эллис Лак
1994

МАРИНА

ЦВЕТАЕВА

Собрание сочинений в семи томах

Том 1

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
Эллис Лак
1994

ББК 84 Ря44
Ц 25

Составление, подготовка текста и комментарии
Анны Саакянц и Льва Мнухина

Художник А. А. Семенов

В оформлении суперобложки использованы
фрагменты картин О. В. Розановой

Ц $\frac{4700000000-012}{130(03)-94}$ Без объявл.

ISBN 5-7195-0013-8 (Т. 1)
ISBN 5-7195-0012-X

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящее издание представляет собой первое наиболее полное собрание сочинений и писем Марины Цветаевой. В него вошли все опубликованные как в России, так и за рубежом произведения поэта, включая письма. Семитомник не может, разумеется, претендовать ни на строгую научность, ни на исчерпывающую полноту. Единственная и главная причина того и другого — закрытость архива Марины Цветаевой до начала будущего века.

Произведения распределены по томам следующим образом:

том первый. Стихотворения 1906—1920 гг.

том второй. Стихотворения 1921—1941 гг.

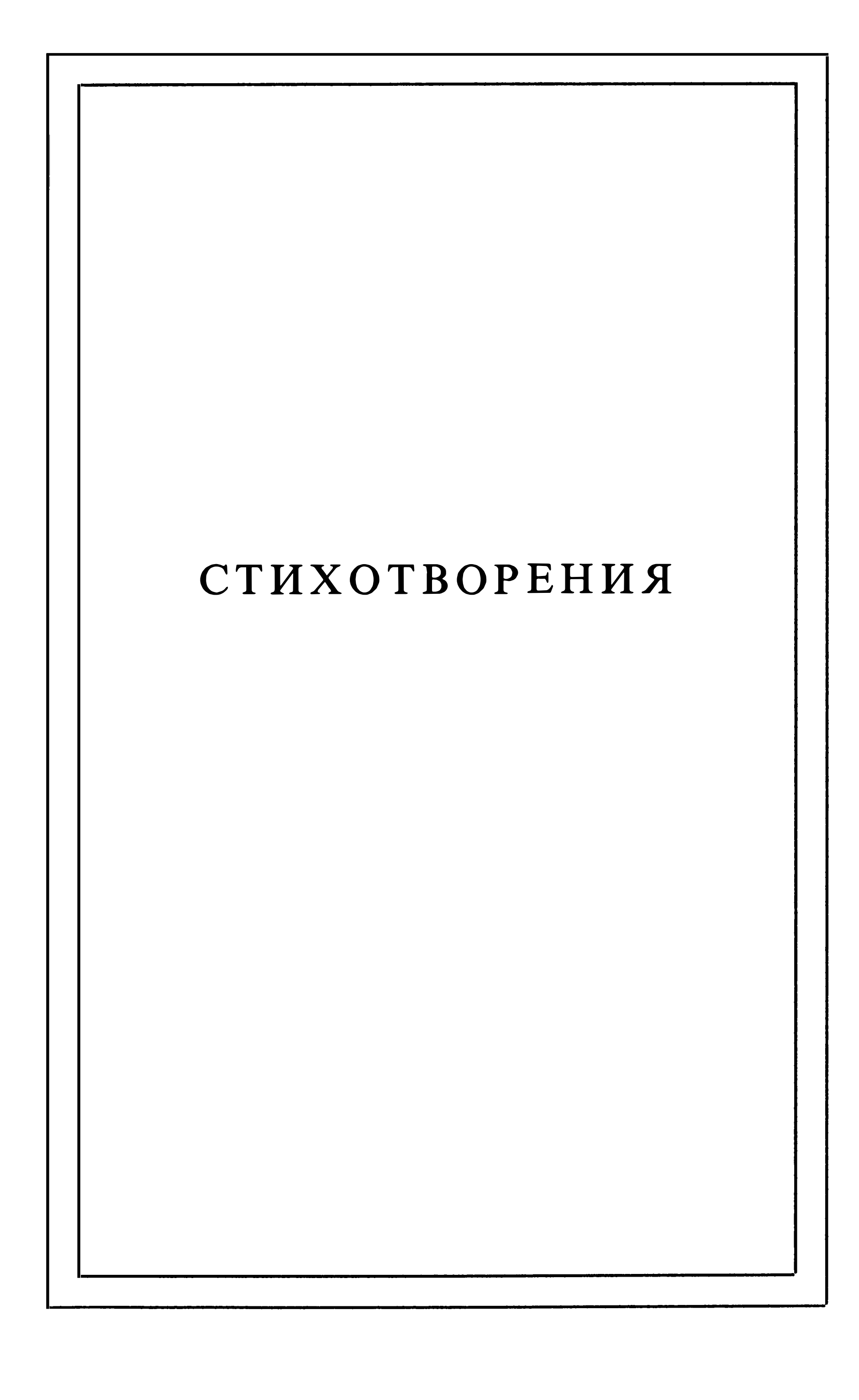
том третий. Поэмы. Драматические произведения;

том четвертый. Воспоминания. Записи. Интервью. Впервые осуществлена попытка собрать воедино записи дневникового характера, рассеянные в рабочих тетрадях поэта и выявленные к настоящему времени;

том пятый. Автобиографическая проза. Эссе. Критические статьи. Здесь впервые публикуется цветаевский перевод французского романа Анны де Ноаль—«Новое упование»;

тома шестой, седьмой. Письма 1905—1941 гг. (около девятисот).

Тексты печатаются с сохранением особенностей орфографии и пунктуации Марины Цветаевой.



СТИХОТВОРЕНИЯ

□ □ □

Не смейтесь вы над юным поколеньем!
Вы не поймете никогда,
Как можно жить одним стремленьем,
Лишь жаждой воли и добра...

Вы не поймете, как пылает
Отвагой бранной грудь бойца,
Как свято отрок умирает,
Девизу верный до конца!
. . . .

Так не зовите их домой
И не мешайте их стремленьям, —
Ведь каждый из бойцов — герой!
Гордитесь юным поколеньем!

⟨1906⟩

МАМЕ

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо,
(Без тебя лишь месяц в них глядел!)
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!

Все бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

(ОТРЫВОК)

Где-то маятник качался, голоса звучали пьяно.
Преимущество мадеры я доказывал с трудом.
Вдруг заметил я, как в пляске закружилися стаканы,
Вызывающе сверкая ослепительным стеклом.

Что вы, дерзкие, кружитесь, ведь настроен я не кротко.
Я поклонник бога Вакха, я отныне сам не свой.
А в соседней зале пели, и покачивалась лодка,
И смыкались с плеском волны над уставшей головой.

Проснулась улица. Глядит, усталая
Глазами хмурыми немых окон
На лица сонные, от стужи алые,
Что гонят думами упорный сон.

Покрыты инеем деревья черные, —
Следом таинственным забав ночных,
В парче сияющей стоят минорные,
Как будто мертвые среди живых.
Мелькает серое пальто измятое,
Фуражка с венчиком, унылый лик
И руки красные, к ушам прижатые,
И черный фартучек со связкой книг.
Проснулась улица. Глядит, угрюмая
Глазами хмурыми немых окон.
Уснуть, забыться бы с отрадной думою,
Что жизнь нам грезится, а это — сон!

Март 1908

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО

Асе

Ты — принцесса из царства не светского,
Он — твой рыцарь, готовый на все...
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твое!

В светлой чаще берез, где просветами
Голубеет сквозь листья вода,
Хорошо обменяться ответами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихим вечером, медленно тающим,
Там, где сосны, болото и мхи,
Хорошо над костром догорающим
Говорить о закате стихи;

Возвращаться опасной дорогою
С соучастницей вечной — луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лесной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, как паж,
И принцесса с глазами зелеными, –
Этот миг, он короткий, но ваш!

Не смущайтесь словами нетвердыми!
Знайте: молодость, ветер – одно!
Вы сошлись и расстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И как искры сгореть – на лету!

Таруса, лето 1908

В ЗАЛЕ

Над миром вечерних видений
Мы, дети, сегодня цари.
Спускаются длинные тени,
Горят за окном фонари,
Темнеет высокая зала,
Уходят в себя зеркала...
Не медлим! Минута настала!
Уж кто-то идет из угла.
Нас двое над темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Бледнеем, не смеем вздохнуть.
Посмотрим, что ныне творится
Под пологом вражеской тьмы?
Темнее, чем прежде, их лица, –
Опять победители мы!
Мы цепи таинственной звенья,
Нам духом в борьбе не упасть,
Последнее близко сраженье,
И темных окончится власть.

Мы старших за то презираем,
Что скучны и просты их дни...
Мы знаем, мы многое знаем
Того, что не знают они!

МИРОК

Дети — это взгляды глазок боязливых,
Ножек шаловливых по паркету стук,
Дети — это солнце в пасмурных мотивах,
Целый мир гипотез радостных наук.

Вечный беспорядок в золоте колечек,
Ласковых словечек шепот в полусне,
Мирные картинки птичек и овечек,
Что в уютной детской дремлют на стене.

Дети — это вечер, вечер на диване,
Сквозь окно, в тумане, блестки фонарей,
Мерный голос сказки о царе Салтане,
О русалках-сестрах сказочных морей.

Дети — это отдых, миг покоя краткий,
Богу у кроватки трепетный обет,
Дети — это мира нежные загадки,
И в самих загадках кроется ответ!

□ □ □

Месяц высокий над городом лег,
Грезили старые зданья...

Голос ваш был безучастно-далек:
—«Хочется спать. До свиданья».
Были друзья мы иль были враги?
Рук было кратко пожатье,
Сухо звучали по камню шаги
В шорохе длинного платья.
Что-то мелькнуло,—знакомая грусть,
—Старой тоски переливы...
Хочется спать Вам? И спите, и пусть
Сны Ваши будут красивы;
Пусть не мешает анализ больной
Вашей уютной дремоте.
Может быть в жизни Вы тоже покой
Муке пути предпочтете.
Может быть Вас не захватит волна,
Сгубят земные соблазны,—
В этом тумане так смутно видна
Цель, а дороги так разны!
Снами отрадно страдания гнать,
Спящим не ведать стремленья,
Только и светлых надежд им не знать,
Им не видать возрожденья,
Им не сложить за мечту головы,—
Бури—герои достойны!
Буду бороться и плакать, а Вы
Спите спокойно!

В КРЕМЛЕ

Там, где мильоны звезд-лампадок
Горят пред ликом старины,
Где звон вечерний сердцу сладок,
Где башни в небо влюблены;
Там, где в тени воздушных складок
Прозрачно-белы бродят сны—
Я понял смысл былых загадок,
Я стал поверенным луны.

В бреду, с прерывистым дыханьем,
Я всё хотел узнать, до дна:
Каким таинственным страданьям
Царица в небе предана
И почему к столетним зданьям
Так нежно льнет, всегда одна...
Что на земле зовут преданьем, —
Мне всё поведала луна.

В расшитых шёлком покрывалах,
У окон сумрачных дворцов,
Я увидал цариц усталых,
В глазах чьих замер тихий зов.
Я увидал, как в старых сказках,
Мечи, венец и древний герб,
И в чьих-то детских, детских глазках
Тот свет, что льет волшебный серп.

О, сколько глаз из этих окон
Глядели вслед ему с тоской,
И скольких за собой увлек он
Туда, где радость и покой!
Я увидал монахинь бледных,
Земли отверженных детей,
И в их молитвах заповедных
Я уловил пожар страстей.
Я угадал в блужданьи взглядов:
— «Я жить хочу! На что мне Бог?»
И в складках траурных нарядов
К луне идущий, долгий вздох.

Скажи, луна, за что страдали
Они в плену своих светлиц?
Чему в угоду погибали
Рабыни с душами цариц,
Что из глухих опочивален
Рвались в зеленые поля?
— И был луны ответ печален
В стенах угрюмого Кремля.

Осень 1908. Москва

У ГРОБИКА

Екатерине Павловне Пешковой

Мама светло разукрасила гробик.
Дремлет малютка в воскресном наряде.
Больше не рвутся на лобик
Русые пряди;

Детской головки, видавшей так мало,
Круглая больше не давит гребенка...
Только о радостном знало
Сердце ребенка.

Век пятилетний так весело прожит:
Много проворные ручки шалили!
Грези, никто не тревожит,
Грези меж лилий...

Ищут цветы к ней поближе местечко,
(Тесно ей кажется в новой кровати).
Знают цветы: золотое сердечко
Было у Кати!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Л. А. Т.

О будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой как ты нельзя обидеть:
Суровый звук — порвется нить!

Не нам судить, не нам винить...
Нельзя за тайну ненавидеть.

В стране несбывшихся гаданий
Живешь одна, от всех вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своих страданий.

Ведь нашей жизни вся отрада
К бокалу прошлого прильнуть.
Не знаем мы, где верный путь,
И не судить, а плакать надо.

ЭПИТАФИЯ

Л. А. Т.

НА ЗЕМЛЕ

— «Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
— «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне все равно!»

В ЗЕМЛЕ

— «Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
— «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне все равно!»

НАД ЗЕМЛЕЙ

— «Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло — возмущало ль тебя оно?»
— «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне все равно!»

ДАМЕ С КАМЕЛИЯМИ

Все твой путь блестящей залой зла,
Маргарита, осуждают смело.
В чем вина твоя? Грешило тело!
Душу ты — невинной сберегла.

Одному, другому, всем равно,
Всем кивала ты с усмешкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто поймет? Рука поможет чья?
Всех одно пленяет без изъятья!
Вечно ждут раскрытые объятья,
Вечно ждут: «Я жажду! Будь моя!»

День и ночь признаний лживых яд...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорил красноречивей слова
Темный взгляд твой, мученицы взгляд.

Все тесней проклятое кольцо,
Мстит судьба богине полусветской...
Нежный мальчик вдруг с улыбкой детской
Заглянул тебе, грустя, в лицо...

О любовь! Спасает мир — она!
В ней одной спасенье и защита.
Всё в любви. Спи с миром, Маргарита...
Всё в любви... Любила — спасена!

ЖЕРТВАМ ШКОЛЬНЫХ СУМЕРОК

Милые, ранние веточки,
Гордость и счастье земли,
Деточки, грустные деточки,
О, почему вы ушли?

Думы смущает заветные
Ваш неуслышанный стон.
Сколько-то листья газетные
Кроют безвестных имен!..
Губы, теперь онемелые,
Тихо шепнули: «Не то...»
Смерти довериться, смелые,
Что вас заставило, что?
Ужас ли дум неожиданных,
Душу зажегший вопрос,
Подвигов жажда ль невиданных,
Или предчувствие гроз, —
Спите в покое чарующем!
Смерть хороша — на заре!
Вспомним о вас на пирующем,
Бурно-могучем костре.
— Правы ли на смерть идущие?
Вечно ли будет темно?
Это узнают грядущие,
Нам это знать — не дано.

СЕРЕЖЕ

Ты не мог смирить тоску свою,
Победив наш смех, что ранит, жаля.
Догорев, как свечи у рояля,
Всех светлей проснулся ты в раю.

И сказал Христос, отец любви:
«По тебе внизу тоскует мама,
В ней душа грустней пустого храма,
Грустен мир. К себе ее зови».

С той поры, когда желтеет лес,
Вверх она, сквозь листьев позолоту,

Все глядит, как будто ищет что-то
В синеве темнеющих небес.

И когда осенние цветы
Льнут к земле, как детский взгляд без смеха,
С ярких губ срывается, как эхо,
Тихий стон: «Мой мальчик, это ты!»

О, зови, зови сильней ее!
О земле, где всё — одна тревога
И о том, как дивно быть у Бога,
Всё скажи, — ведь дети знают всё!

Понял ты, что жизнь иль смех, иль бред,
Ты ушел, сомнений не тревожа...
Ты ушел... Ты мудрый был, Сережа!
В мире грусть. У Бога грусти нет!

ДОРТУАР ВЕСНОЙ

Ане Ланиной

О весенние сны в дортуаре,
О блужданье в раздумье средь спящих,
Звук шагов, как нарочно, скрипящих,
И тоска, и мечты о пожаре.

Неспокойны уснувшие лица,
Газ заботливо кем-то убавлен,
Воздух прян и как будто отравлен,
Дортуар — как большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачном свете
Все бледны. От тоски ль ожиданья,
Оттого ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшие дети.

Косы длинны, а руки так тонки!
Бред внезапный: «От вражеских пушек
Войско турок...» Недвижны иконки,
Что склонились над снегом подушек.

Кто-то плачет во сне, не упрямо...
Так слабы эти детские всхлипы!
Снятся девочке старые липы
И умершая, бледная мама.

Расцветает в душе небылица.
Кто там бродит? Неспящая поздно?
Иль цветок, воскресающий грозно,
Что сгубила весною теплица?

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

«Плывите!» молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пена,
Диван-корабль в озерах сна
Помчал нас к сказке Андерсена.

Какой-то добрый Чародей
Его из вод направил сонных
В страну гигантских орхидей,
Печальных глаз и рощ лимонных.

Мы плыли мимо берегов,
Где зеленеет Пальма Мира,
Где из спокойных жемчугов
Дворцы, а башни из сапфира.

Исчез последний снег зимы,
Нам цвел душистый снег магнолий...
Куда летим? Не знали мы!
Да и к чему? Не все равно ли?

Тянулись гибкие цветы,
Как зачарованные змеи,
Из просветленной темноты
Мигали хитрые пигмеи...

Последний луч давно погас,
В краях последних тучек тая,
Мелькнуло облачко-Пегас,
И рыб воздушных скрылась стая,

И месяц меж стеблей травы
Мелькнул в воде, как круг эмали...
Он был так близок, но, увы —
Его мы в сети не поймали!

Под пестрым зонтиком чудес,
Полны мечтаний затаенных,
Лежали мы и страх исчез
Под взором чьих-то глаз зеленых.

Лилось ручьем на берегах
Вино в хрустальные графины,
Служили нам на двух ногах
Киты и грузные дельфины...

Вдруг — звон! Он здесь! Пощады нет!
То звон часов протяжно-гулок!
Как, это папин кабинет?
Диван? Знакомый переулок?

Уж утро брезжит! Боже мой!
Полу во сне и полу-бдея
По мокрым улицам домой
Мы провожали Чародея.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Нет возврата. Уж поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори нам желанную дверь,
Покажи нам заветные комнаты.
Красен факел у негра в руках,
Реки света струятся зигзагами...
Клеопатра ли там в жемчугах?
Лорелея ли с рейнскими сагами?
Может быть...—отворяй же скорей
Тайным знаком серебряной палочки!—
Там фонтаны из слез матерей?
И в распущенных косах русалочки?
Не горящие жаждой уснуть—
Как несчастны, как жалко-бездомны те!
Дай нам в душу тебе заглянуть
В той лиловой, той облачной комнате!

ЛЕТОМ

—«Ася, поверьте!» и что-то дрожит
В Гришином деланном басе.
Ася лукава и дальше бежит...
Гриша—мечтает об Асе.

Шепчутся листья над ним с ветерком,
Клонятся трепетной нишей...
Гриша глаза вытирает тайком,
Ася—смеется над Гришей!

САМОУБИЙСТВО

Был вечер музыки и ласки,
Все в дачном садике цвело.
Ему в задумчивые глазки
Взглянула мама так светло!
Когда ж в пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Он понял — жестом злого жезла
Ее колдун увлек туда.
Рыдала с дальней дачи флейта
В сияньи розовых лучей...
Он понял — прежде был он чей-то,
Теперь же нищий стал, ничей.
Он крикнул: «Мама!», вновь и снова,
Потом пробрался, как в бреду,
К постельке, не сказав ни слова
О том, что мамочка в пруду.
Хоть над подушкою икона,
Но страшно! — «Ах, вернись домой!»
...Он тихо плакал. Вдруг с балкона
Раздался голос: «Мальчик мой!»

В изящном узеньком конверте
Нашли ее «прости»: «Всегда
Любовь и грусть — сильнее смерти».
Сильнее смерти... Да, о да!..

ВОКЗАЛЬНЫЙ СИЛУЭТ

Не знаю вас и не хочу
Терять, узнав, иллюзий звездных.
С таким лицом и в худших безднах
Бывают преданны лучу.

У всех, отмеченных судьбой,
Такие замкнутые лица.
Вы непрочтенная страница
И, нет, не станете рабой!

С таким лицом рабой? О, нет!
И здесь ошибки нет случайной.
Я знаю: многим будут тайной
Ваш взгляд и тонкий силуэт,

Волос тяжелое кольцо
Из-под наброшенного шарфа
(Вам шла б гитара или арфа)
И ваше бледное лицо.

Я вас не знаю. Может быть
И вы как все любезно-средни...
Пусть так! Пусть это будут бредни!
Ведь только бредней можно жить!

Быть может, день недалеко,
Я всё пойму, что неприглядно...
Но ошибаться — так отрадно!
Но ошибиться — так легко!

Слегка за шарф держась рукой,
Там, где свистки гудят с тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить вас — такой.

Севастополь. Пасха, 1909

□ □ □

Как простор наших горестных нив,
Вы окутаны грустною дымкой;
Вы живете для всех невидимкой,
Слишком много в груди схоронив.

В вас певучий и мерный отлив,
Не сродни вам с людьми поединки,
Вы живете, с кристальностью льдинки
Бесконечную ласковость слив.

Я люблю в вас большие глаза,
Тонкий профиль задумчиво-четкий,
Ожерелье на шее, как четки,
Ваши речи – ни против, ни за...

Из страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой нитке.
Вы, как все самородные слитки,
Так невольно, так гордо скромны.

За отливом приходит прилив,
Тая, льдинки светлее, чем слезки,
Потухают и лунные блестки,
Замирает и лучший мотив...

Вы ж останетесь той, что теперь,
На огне затаенном сгорая...
Вы чисты, и далекого рая
Вам откроется светлая дверь!

НИНЕ

К утешениям друга-рояля
Ты ушла от излюбленных книг.
Чей-то шепот в напевах возник,
Беспокоя тебя и печаля.

Те же синие летние дни,
Те же в небе и звезды и тучки...
Ты сомкнула усталые ручки,
И лицо твое, Нина, в тени.

Словно просьбы застенчивой ради,
Повторился последний аккорд.
Чей-то образ из сердца не стерт!..
Всё как прежде: портреты, тетради,

Грустных ландышей в вазе цветы,
Там мирок на диване кошачий...
В тихих комнатках маленькой дачи
Всё как прежде. Как прежде и ты.

Детский взор твой, что грустно тревожит,
Я из сердца, о нет, не сотру.
Я любила тебя как сестру
И нежнее, и глубже, быть может!

Как сестру, а теперь вдалеке,
Как царевну из грез Андерсена...
Здесь, в Париже, где катится Сена,
Я с тобою, как там, на Оке.

Пусть меж нами молчанья равнина
И запутанность сложных узлов.
Есть напевы, напевы без слов,
О любимая, дальняя Нина!

В ПАРИЖЕ

Дома до звезд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерние бульвары,
Последний луч зари угас,
Везде, везде всё пары, пары,
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана
Прильнуть так сладко голове!
И в сердце плачет стих Ростана
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,
Дороже сердцу прежний бред!
Иду домой, там грусть фиалок
И чей-то ласковый портрет.

Там чей-то взор печально-братский.
Там нежный профиль на стене.
Rostand и мученик Рейхштадтский
И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде глубока.

Париж, июнь 1909

В ШЕНБРУННЕ

Нежен первый вздох весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
В замке сумрачном Шенбрунна.

Чей-то белый силуэт
Над столом поникнул ниже.
Снова вздохи, снова бред:
«Марсельеза! Трон!.. В Париже...»

Буквы ринулись с страниц,
Строчка — полк. Запели трубы...
Капли падают с ресниц,
«Вновь с тобой я!» шепчут губы.

Лампы тусклый полусвет
Меркнет, ночь зато светлее.
Чей там грозный силуэт
Вырос в глубине аллеи?

...Принц австрийский? Это роль!
Герцог? Сон! В Шенбрунне зимы?
Нет, он маленький король!
— «Император, сын любимый!

Мчимся! Цепи далеки,
Мы свободны. Нету плена.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!»

Как широк отцовский плащ!
Конь летит, огнем объятый.
«Что рокочет там, меж чащ?
Море, что ли?» — «Сын, — солдаты!»

— «О, отец! Как ты горишь!
Погляди, а там направо, —
Это рай?» — «Мой сын — Париж!»
— «А над ним склонилась?» — «Слава».

В ярком блеске Тюилери,
Развеваются знамена.
— «Ты страдал! Теперь цари!
Здравствуй, сын Наполеона!»

Барабаны, звуки струн,
Все в цветах.. Ликуют дети...
Всё спокойно. Спит Шенбрунн.
Кто-то плачет в лунном свете.

КАМЕРАТА

«Au moment où je me disposais à monter l'escalier, voilà qu'une femme, envelopée dans un manteau, me saisit vivement la main et l'embrassa».

Prokesh-Osten. «Mes relations avec le duc de Reichstadt»[1].

Его любя сильней, чем брата,
— Любя в нем род, и трон, и кровь, —
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь.

Ты вдруг, не венчана обрядом,
Без пенья хора, мирт и лент,
Рука с рукой вошла с ним рядом
В прекраснейшую из легенд.

Благословив его на муку,
Склонившись, как идут к гробам,
Ты, как святыню, принца руку,
Бледнея, поднесла к губам.

И опустились принца веки,
И понял он без слов, в тиши,
Что этим жестом вдруг навеки
Соединились две души.

Что вам Ромео и Джульетта,
Песнь соловья меж темных чащ!
Друг другу вняли — без обета
Мундир как снег и черный плащ.

[1] «В тот момент, как я собирался подняться по лестнице, какая-то женщина в запахнутом плаще живо схватила меня за руку и поцеловала ее».

Прокеш-Остен. «Мои отношения с герцогом Рейхштадтским» *(фр.)*.

И вот, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лет
Жених и бледная невеста,
Хоть не был изречен обет.

Стоите: в траурном наряде,
В волнах прически темной — ты,
Он — в ореоле светлых прядей,
И оба дети, и цветы.

Вас не постигнула расплата,
Затем, что в вас — дремала кровь...
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, как горит любовь!

РАССТАВАНИЕ

Твой конь, как прежде, вихрем скачет
По парку позднею порой...
Но в сердце тень, и сердце плачет,
Мой принц, мой мальчик, мой герой.

═══

Мне шепчет голос без названья:
— «Ах, гнета грезы — не снести!»
Пред вечной тайной расставанья
Прими, о принц, мое прости.

═══

О сыне Божьем эти строфы:
Он, вечно-светел, вечно-юн,
Купил бессмертье днем Голгофы,
Твоей Голгофой был Шенбрунн.

═══

Звучали мне призывом Бога
Твоих крестин колокола...
Я отдала тебе — так много!
Я слишком много отдала!

═══

Теперь мой дух почти спокоен,
Его укором не смущай...
Прощай, тоской сраженный воин,
Орленок раненый, прощай!

═══

Ты был мой бред светло-немудрый,
Ты сон, каких не будет вновь...
Прощай, мой герцог светлокудрый,
Моя великая любовь!

МОЛИТВА

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
— «Терпи, еще не кончен срок».
Ты сам мне подал — слишком много!
Я жажду сразу — всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!

Люблю и крест и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!

Таруса, 26 сентября 1909

КОЛДУНЬЯ

Я — Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спелая рожь,
И тянутся к ним из хлебов васильки.
Загадочный век мой — хорош.

Видал ли ты эльфов в полночную тьму
Сквозь дым лиловатый костра?
Звенящих монет от тебя не возьму, —
Я призрачных эльфов сестра...
А если забросишь колдунью в тюрьму,
То гибель в неволе быстра!

Ты рыцарь, ты смелый, твой голос ручей,
С утеса стремящийся вниз.
От глаз моих темных, от дерзких речей
К невесте любимой вернись!
Я, Эва, как ветер, а ветер — ничей...
Я сон твой. О рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозор,
Сказали: «Закрой свою дверь
Безумной колдунье, чьи речи позор.
Колдунья лукава, как зверь!»

— Быть может и правда, но темен мой взор,
Я тайна, а тайному верь!

В чем грех мой? Что в церкви слезам не учусь,
Смеясь наяву и во сне?
Поверь мне: я смехом от боли лечусь,
Но в смехе не радостно мне!
Прощай же, мой рыцарь, я в небо умчусь
Сегодня на лунном коне!

АСЕ

Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!
Ждет тебя моря волна изумрудная,
Всплеск голубого весла,
Жить нашей жизнью подпольною, трудною
Ты не смогла.
Что же, иди, коль борьба наша мрачная
В наши ряды не зовет,
Если заманчивей влага прозрачная,
Чаек сребристых полет!
Солнцу горячему, светлому, жаркому
Ты передай мой привет.
Ставь свой вопрос всему сильному, яркому —
Будет ответ!
Гул предвечерний в заре догорающей
В сумерках зимнего дня.
Третий звонок. Торопись, отъезжающий,
Помни меня!

⟨ШУТОЧНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ⟩

Придет весна и вновь заглянет
Мне в душу милыми очами,
Опять на сердце легче станет,
Нахлынет счастие — волнами.

Как змейки быстро зазмеятся
Все ручейки вдоль грязных улицев,
Опять захочется смеяться
Над глупым видом сытых курицев.

А сыты курицы — те люди,
Которым дела нет до солнца,
Сидят, как лавочники — пуды
И смотрят в грязное оконце.

ШАРМАНКА ВЕСНОЙ

— «Herr Володя, глядите в тетрадь!»
— «Ты опять не читаешь, обманщик?
Погоди, не посмеет играть
Nimmer mehr[1] этот гадкий шарманщик!»

Золотые дневные лучи
Теплой лаской травку согрели.
— «Гадкий мальчик, глаголы учи!»
— О, как трудно учиться в апреле!..

Наклонившись, глядит из окна
Гувернантка в накидке лиловой.
Fräulein Else[2] сегодня грустна,
Хоть и хочет казаться суровой.

[1] Никогда *(нем.)*.
[2] Барышня Эльза *(нем.)*.

В ней минувшие грезы свежат
Эти отклики давних мелодий,
И давно уж слезинки дрожат
На ресницах больного Володи.

Инструмент неуклюж, неказист:
Ведь оплачен сумой небогатой!
Все на воле: жилец-гимназист,
И Наташа, и Дорик с лопатой,

И разносчик с тяжелым лотком,
Что торгует внизу пирожками...
Fräulein Else закрыла платком
И очки, и глаза под очками.

Не уходит шарманщик слепой,
Легким ветром колеблется штора,
И сменяется: «Пой, птичка, пой»
Дерзким вызовом Тореадора.

Fräulein плачет: волнует игра!
Водит мальчик пером по бювару.
—«Не грусти, lieber Junge[1],—пора
Нам гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!»
—«Я конфет попрошу у Алеши!
Fräulein Else, где черненький мяч?
Где мои, Fräulein Else, калоши?»

Не осилить тоске леденца!
О великая жизни приманка!
На дворе без надежд, без конца
Заунывно играет шарманка.

[1] Любимый мальчик *(нем.)*.

ЛЮДОВИК XVII

Отцам из роз венец, тебе из терний,
Отцам — вино, тебе — пустой графин.
За их грехи ты жертвой пал вечерней,
О на заре замученный дофин!

Не сгнивший плод — цветок неживше-свежий
Втоптала в грязь народная гроза.
У всех детей глаза одни и те же:
Невыразимо-нежные глаза!

Наследный принц, ты стал курить из трубки,
В твоих кудрях мятежников колпак,
Вином сквернили розовые губки,
Дофина бил сапожника кулак.

Где гордый блеск прославленных столетий?
Исчезло все, развеялось во прах!
За все терпели маленькие дети:
Малютка-принц и девочка в кудрях.

Но вот настал последний миг разлуки.
Чу! Чья-то песнь! Так ангелы поют...
И ты простер слабеющие руки
Туда наверх, где странникам — приют.

На дальний путь доверчиво вступая,
Ты понял, принц, зачем мы слезы льем,
И знал, под песнь родную засыпая,
Что в небесах проснешься — королем.

НА СКАЛАХ

Он был синеглазый и рыжий,
(Как порох во время игры!)
Лукавый и ласковый. Мы же
Две маленьких русых сестры.

Уж ночь опустилась на скалы,
Дымится над морем костер,
И клонит Володя усталый
Головку на плечи сестер.

А сестры уж ссорятся в злобе:
«Он – мой!» – «Нет – он мой!» – «Почему ж?»
Володя решает: «Вы обе!
Вы – жены, я – турок, ваш муж».

Забыто, что в платьицах дыры,
Что новый костюмчик измят.
Как скалы заманчиво-сыры!
Как радостно пиньи шумят!

Обрывки каких-то мелодий
И шепот сквозь сон: «Нет, он мой!»
– «Домой! Ася, Муся, Володя!»
– Нет, лучше в костер, чем домой!

За скалы цепляются юбки,
От камешков рвется карман.
Мы курим – как взрослые – трубки,
Мы – воры, а он атаман.

Ну, как его вспомнишь без боли,
Товарища стольких побед?
Теперь мы большие и боле
Не мальчики в юбках, – о нет!

Но память о нем мы уносим
На целую жизнь. Почему?
– Мне десять лет было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

ДАМА В ГОЛУБОМ

Где-то за лесом раскат грозовой,
Воздух удушлив и сух.
В пышную траву ушел с головой
Маленький Эрик-пастух.
Темные ели, клонясь от жары,
Мальчику дали приют.
Душно... Жужжание пчел, мошкары,
Где-то барашки блеют.
Эрик задумчив: — «Надейся и верь,
В церкви аббат поучал.
Верю... О Боже... О, если б теперь
Колокол вдруг зазвучал!»
Молвил — и видит: из сумрачных чащ
Дама идет через луг:
Легкая поступь, синеющий плащ,
Блеск ослепительный рук;
Резвый поток золотистых кудрей
Зыблется, ветром гоним.
Ближе, все ближе, ступает быстрей,
Вот уж склонилась над ним.
— «Верящий чуду не верит вотще,
Чуда и радости жди!»
Добрая дама в лазурном плаще
Крошку прижала к груди.
Белые розы, орган, торжество,
Радуга звездных колонн...
Эрик очнулся. Вокруг — никого,
Только барашки и он.
В небе незримые колокола
Пели-звенели: бим-бом...
Понял малютка тогда, кто была
Дама в плаще голубом.

В OUCHY

Держала мама наши руки,
К нам заглянув на дно души.
О, этот час, канун разлуки,
О предзакатный час в Ouchy!

—«Всё в знаньи, скажут вам науки...
Не знаю... Сказки—хороши!»
О эти медленные звуки,
О эта музыка в Ouchy!

Мы рядом. Вместе наши руки.
Нам грустно. Время, не спеши!..
О этот час, преддверье муки,
О вечер розовый в Ouchy!

АКВАРЕЛЬ

Амбразуры окон потемнели,
Не вздыхает ветерок долинный,
Ясен вечер; сквозь вершину ели
Кинул месяц первый луч свой длинный.
Ангел взоры опустил святые,
Люди рады тени промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нежной девочки, к окну прильнувшей.

СКАЗОЧНЫЙ ШВАРЦВАЛЬД

Ты, кто муку видишь в каждом миге,
Приходи сюда, усталый брат!
Все, что снилось, сбудется, как в книге —
Темный Шварцвальд сказками богат!

Все людские помыслы так мелки
В этом царстве доброй полумглы.
Здесь лишь лани бродят, скачут белки...
Пенье птиц... Жужжание пчелы...

Погляди, как скалы эти хмуры,
Сколько ярких лютиков в траве!
Белые меж них гуляют куры
С золотым хохлом на голове.

На поляне хижина-игрушка
Мирно спит под шепчущий ручей.
Постучишься — ветхая старушка
Выйдет, щурясь от дневных лучей.

Нос как клюв, одежда земляная,
Золотую держит нить рука, —
Это Waldfrau, бабушка лесная,
С колдовством знакомая слегка.

Если добр и ласков ты, как дети,
Если мил тебе и луч, и куст,
Все, что встарь случалося на свете,
Ты узнаешь из столетних уст.

Будешь радость видеть в каждом миге,
Всё поймешь: и звезды, и закат!
Что приснится, сбудется, как в книге, —
Темный Шварцвальд сказками богат!

КАК МЫ ЧИТАЛИ «LICHTENSTEIN»

Тишь и зной, везде синеют сливы,
Усыпительно жужжанье мух,
Мы в траве уселись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

В пятнах губы, фартучек и платье,
Сливу руки нехотя берут.
Ярким золотом горит распятье
Там, внизу, где склон дороги крут.

Ульрих — мой герой, а Ге́орг — Асин,
Каждый доблестью пленить сумел:
Герцог Ульрих так светло-несчастен,
Рыцарь Георг так влюбленно-смел!

Словно песня — милый голос мамы,
Волшебство творят ее уста.
Ввысь уходят ели, стройно-прямы,
Там, на солнце, нежен лик Христа...

Мы лежим, от счастья молчаливы,
Замирает сладко детский дух.
Мы в траве, вокруг синеют сливы,
Мама Lichtenstein читает вслух.

НАШИ ЦАРСТВА

Владенья наши царственно-богаты,
Их красоты не рассказать стиху:
В них ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогодние во мху.

Мы обе — феи, добрые соседки,
Владенья наши делит темный лес.

Лежим в траве и смотрим, как сквозь ветки
Белеет облачко в выси небес.

Мы обе—феи, но большие (странно!)
Двух диких девочек лишь видят в нас.
Что ясно нам—для них совсем туманно:
Как и на всё—на фею нужен глаз!

Нам хорошо. Пока еще в постели
Все старшие, и воздух летний свеж,
Бежим к себе. Деревья нам качели.
Беги, танцуй, сражайся, палки режь!..

Но день прошел, и снова феи—дети,
Которых ждут и шаг которых тих...
Ах, этот мир и счастье быть на свете
Ещё невзрослый передаст ли стих?

ОТЪЕЗД

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень, осень!
Мы уезжаем. Боже, как всегда
Отъезд сердцам желанен и несносен!

Чуть вдалеке раздастся стук колес,—
Четыре вздрогнут детские фигуры.
Глаза Марилэ не глядят от слез,
Вздыхает Карл, как заговорщик, хмурый.

Мы к маме жмемся: «Ну зачем отъезд?
Здесь хорошо!»—«Ах, дети, вздохи лишни».
Прощайте, луг и придорожный крест,
Дорога в Хорбен... Вы, прощайте, вишни,

Что рвали мы в саду, и сеновал,
Где мы, от всех укрывшись, их съедали...

(Какой-то крик... Кто звал? Никто не звал!)
И вы, Шварцвальда золотые дали!

Марилэ пишет мне стишок в альбом,
Глаза в слезах, а буквы кривы-кривы!
Хлопочет мама; в платье голубом
Мелькает Ася с Карлом там, у ивы.

О на крыльце последний шепот наш!
О этот плач о промелькнувшем лете!
Какой-то шум. Приехал экипаж.
— «Скорей, скорей! Мы опоздаем, дети!»

— «Марилэ, друг, пиши мне!» Ах, не то!
Не это я сказать хочу! Но что же?
— «Надень берет!» — «Не раскрывай пальто!»
— «Садитесь, ну?» и папин голос строже.

Букет сует нам Асин кавалер,
Сует Марилэ плитку шоколада...
Последний миг... — «Nun, kann es losgehn, Herr?»[1]
Погибло все. Нет, больше жить не надо!

Мы ехали. Осенний вечер блек.
Мы, как во сне, о чем-то говорили...
Прощай, наш Карл, шварцвальдский паренек!
Прощай, мой друг, шварцвальдская Марилэ!

КНИГИ В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Из рая детского житья
Вы мне привет прощальный шлете,
Неизменившие друзья
В потертом, красном переплете.
Чуть легкий выучен урок,

[1] «Так можно отправляться, господин?» *(нем.)*.

Бегу тотчас же к вам бывало.
— «Уж поздно!» — «Мама, десять строк!»...
Но к счастью мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет... В воздухе свежо...
Том в счастье с Бэкки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы...
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
— О, почему средь красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

ИНЦИДЕНТ ЗА СУПОМ

— «За дядю, за тетю, за маму, за папу»...
— «Чтоб Кутику Боженька вылечил лапу»...
— «Нельзя баловаться, нельзя, мой пригожий!»...
(Уж хочется плакать от злости Сереже.)
— «Не плачь, и на трех он на лапах поскачет».
Но поздно: Сереженька-первенец — плачет!

Разохалась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросает тетради,
Отец опечален: семейная драма!
Волнуется там, перед зеркалом, мама...
—«Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы ждете?»
—«За папу, за маму, за дядю, за тетю»...

МАМА ЗА КНИГОЙ

...Сдавленный шепот... Сверканье кинжала...
—«Мама, построй мне из кубиков домик!»
Мама взволнованно к сердцу прижала
Маленький томик.

... Гневом глаза загорелись у графа:
«Здесь я, княгиня, по благости рока!»
—«Мама, а в море не тонет жирафа?»
Мама душою—далеко!

—«Мама, смотри: паутинка в котлете!»
В голосе детском упрек и угроза.
Мама очнулась от вымыслов: дети—
Горькая проза!

ПРОБУЖДЕНЬЕ

Холодно в мире! Постель
Осенью кажется раем.
Ветром колеблется хмель,
Треплется хмель над сараем;
Дождь повторяет: кап-кап,
Льется и льется на дворик...

Свет из окошка — так слаб!
Детскому сердцу — так горек!
Братец в раздумии трет
Сонные глазки ручонкой:
Бедный разбужен! Черед
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и таз
В темном углу — наготове.
Холодно! Кукла без глаз
Мрачно нахмурила брови:
Куколке солнышка жаль!
В зале — дрожащие звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки.

УТОМЛЕНЬЕ

Жди вопроса, придумывай числа...
Если думать — то где же игра?
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

В зале страшно: там ведьмы и черти
Появляются все вечера.
Папа болен, мама в концерте...
Спать пора!

Братец шубу надел наизнанку,
Рукавицы надела сестра,
— Но устанешь пугать гувернантку...
Спать пора!

Ах, без мамы ни в чем нету смысла!
Приуныла в углах детвора,
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

БАЛОВСТВО

В темной гостиной одиннадцать бьет.
Что-то сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дает!
Эта мама совсем баловница!

Сдернет, смеясь, одеяло с плеча,
(Плакать смешно и стараться!)
Дразнит, пугает, смешит, щекоча
Полусонных сестрицу и братца.

Косу опять распустила плащом,
Прыгает, точно не дама...
Детям она не уступит ни в чем,
Эта странная девочка-мама!

Скрыла сестренка в подушке лицо,
Глубже ушла в одеяльце,
Мальчик без счета целует кольцо
Золотое у мамы на пальце...

ЛУЧШИЙ СОЮЗ

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
—«С ним—лишь на небе!»—«Здесь—не с ней!»
Уж с колыбельных нежных дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты

В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,
Но ваши встречи — только муки,
И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!
Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни — только тени.

САРА В ВЕРСАЛЬСКОМ МОНАСТЫРЕ

Голубей над крышей вьется пара,
Засыпает монастырский сад.
Замечталась маленькая Сара
На закат.

Льнет к окну, лучи рукою ловит,
Как былинка нежная слаба,
И не знает крошка, что готовит
Ей судьба.

Вся застыла в грезе молчаливой,
От раздумья щечки розовей,
Вьются кудри золотистой гривой
До бровей.

На губах улыбка бродит редко,
Чуть звенит цепочкою браслет, —
Все дитя как будто статуэтка
Давних лет.

Этих глаз синее не бывает!
Резкий звук развеял пенье чар:
То звонок воспитанниц сзывает
В дортуар.

Подымает девочку с окошка,
Как перо, монахиня-сестра.
Добрый голос шепчет: «Сара-крошка,
Спать пора!»

Село солнце в медленном пожаре,
Серп луны прокрался из-за туч,
И всю ночь легенды шепчет Саре
Лунный луч.

МАЛЕНЬКИЙ ПАЖ

Этот крошка с душой безутешной
Был рожден, чтобы рыцарем пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потешной,
Как наивные драмы,
Эту детскую страсть.

Он мечтал о погибели славной,
О могуществе гордых царей
Той страны, где восходит светило.
Но она находила забавной
Эту мысль и твердила:
— «Вырастай поскорей!»

Он бродил одинокий и хмурый
Меж поникших, серебряных трав,
Все мечтал о турнирах, о шлеме...
Был смешон мальчуган белокурый
Избалованный всеми
За насмешливый нрав.

Через мостик склонясь над водою,
Он шепнул (то последний был бред!)
—«Вот она мне кивает оттуда!»
Тихо плыл, озаренный звездою,
По поверхности пруда
Темно-синий берет.

Этот мальчик пришел, как из грезы,
В мир холодный и горестный наш.
Часто ночью красавица внемлет,
Как трепещут листвою березы
Над могилой, где дремлет
Ее маленький паж.

DIE STILLE STRASSE[1]

Die stille Strasse: юная листва
Светло шумит, склоняясь над забором,
Дома—во сне... Блестящим детским взором
Глядим наверх, где меркнет синева.

С тупым лицом немецкие слова
Мы вслед за Fräulein повторяем хором,
И воздух тих, загрезивший, в котором
Вечерний колокол поет едва.

Звучат шаги отчетливо и мерно,
Die stille Strasse распрощалась с днем
И мирно спит под шум деревьев. Верно.

Мы на пути не раз еще вздохнем
О ней, затерянной в Москве бескрайной,
И чье названье нам осталось тайной.

[1] Тихая улица *(нем.)*.

ВСТРЕЧА

Вечерний дым над городом возник,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдруг промелькнул, прозрачней анемоны,
В одном из окон полудетский лик

На веках тень. Подобием короны
Лежали кудри... Я сдержала крик:
Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мертвых наши стоны.

С той девушкой у темного окна
—Виденьем рая в сутолке вокзальной—
Не раз встречалась я в долинах сна.

Но почему была она печальной?
Чего искал прозрачный силуэт?
Быть может ей—и в небе счастья нет?..

НОВОЛУНЬЕ

Новый месяц встал над лугом,
Над росистою межой.
Милый, дальний и чужой,
Приходи, ты будешь другом.

Днем—скрываю, днем—молчу.
Месяц в небе,—нету мочи!
В эти месячные ночи
Рвусь к любимому плечу.

Не спрошу себя: «Кто ж он?»
Все расскажут—твои губы!
Только днем объятья грубы,
Только днем порыв смешон.

Днем, томима гордым бесом,
Лгу с улыбкой на устах.
Ночью ж... Милый, дальний... Ах!
Лунный серп уже над лесом!

Таруса, октябрь 1909

ЭПИТАФИЯ

Тому, кто здесь лежит под травкой вешней,
Прости, Господь, злой помысел и грех!
Он был больной, измученный, нездешний,
Он ангелов любил и детский смех.

Не смял звезды сирени белоснежной,
Хоть и желал Владыку побороть...
Во всех грехах он был — ребенок нежный,
И потому — прости ему, Господь!

В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ

Склоняются низко цветущие ветки,
Фонтана в бассейне лепечут струи,
В тенистых аллеях всё детки, всё детки...
О детки в траве, почему не мои?

Как будто на каждой головке коронка
От взоров, детей стерегущих, любя.
И матери каждой, что гладит ребенка,
Мне хочется крикнуть: «Весь мир у тебя!»

Как бабочки девочек платьица пестры,
Здесь ссора, там хохот, там сборы домой...
И шепчутся мамы, как нежные сестры:
— «Подумайте, сын мой»... — «Да что вы! А мой»...

Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать, и копье, —
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное — женское — счастье мое!

В СУМЕРКАХ

(На картину «Au Crépouscule» Paul Chabas[1]
в Люксембургском музее)

Клане Макаренко

Сумерки. Медленно в воду вошла
Девочка цвета луны.
Тихо. Не мучат уснувшей волны
Мерные всплески весла.
Вся — как наяда. Глаза зелены,
Стеблем меж вод расцвела.
Сумеркам — верность, им, нежным, хвала:
Дети от солнца больны.
Дети — безумцы. Они влюблены
В воду, в рояль, в зеркала...
Мама с балкона домой позвала
Девочку цвета луны.

ЭЛЬФОЧКА В ЗАЛЕ

Ане Калин

Запела рояль неразгаданно-нежно
Под гибкими ручками маленькой Ани.
За окнами мчались неясные сани,
На улицах было пустынно и снежно.

[1] «В сумерках» Поля Шабаса *(фр.)*.

Воздушная эльфочка в детском наряде
Внимала тому, что лишь эльфочкам слышно.
Овеяли тонкое личико пышно
Пушистых кудрей беспокойные пряди.

В ней были движенья таинственно-хрупки.
— Как будто старинный портрет перед вами! —
От дум, что вовеки не скажешь словами,
Печально дрожали капризные губки.

И пела рояль, вдохновеньем согрета,
О сладостных чарах безбрежной печали,
И души меж звуков друг друга встречали,
И кто-то светло улыбался с портрета.

Внушали напевы: «Нет радости в страсти!
Усталое сердце, усни же, усни ты!»
И в сумерках зимних нам верилось власти
Единственной, странной царевны Аниты.

ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА

Всему внимая чутким ухом,
— Так недоступна! Так нежна! —
Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.

Ей все казались странно-грубы:
Скрывая взор в тени углов,
Она без слов кривила губы
И ночью плакала без слов.

Бледнея гасли в небе зори,
Темнел огромный дортуар;
Ей снилось розовое Гори
В тени развесистых чинар...

Ах, не растет маслины ветка
Вдали от склона, где цвела!
И вот весной раскрылась клетка,
Метнулись в небо два крыла.

Как восковые — ручки, лобик,
На бледном личике — вопрос.
Тонул нарядно-белый гробик
В волнах душистых тубероз.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокруг лампады, образа...
А был красив гортанный голос!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье — лишь рассказа,
За гробом радость глубока.
Да будет девочке с Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепелив, угас пожар...
Спи с миром, пленница-джигитка,
Спи с миром, крошка-сазандар.

Как наши радости убоги
Душе, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Светло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909

ПЛЕННИЦА

Она покоится на вышитых подушках,
Слегка взволнована мигающим лучом.
О чем загрезила? Задумалась о чем?
О новых платьях ли? О новых ли игрушках?

Шалунья-пленница томилась целый день
В покоях сумрачных тюрьмы Эскуриала.
От гнета пышного, от строгого хорала
Уводит в рай ее ночная тень.

Не лгали в книгах бледные виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахин,
И слышен смех звенящий мандолин,
И о любви вздыхают кастаньеты.

Склонив колено, ждет кудрявый паж
Ее, наследницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, в бассейнах плещут рыбки
И ждет серебряный, тяжелый экипаж.

Но... грезы всё! Настанет миг расплаты;
От злой слезы ресницы дрогнет шелк,
И уж с утра про королевский долг
Начнут твердить суровые аббаты.

СЕСТРЫ

«Car tout n'est que rêve, ô ma soeur!»[1]

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоем над ним склонились.

Над ним, любившим только древность,
Они вдвоем шепнули: «Ах!»...
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.

И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,

[1] «Ибо все лишь сон, о моя сестра!» *(фр.)*.

К его задумчивым губам
Они прильнули обе... обе...

Сквозь сон ответил он: «Люблю я!»...
Раскрыл объятья — зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

23 — 30 декабря 1909

НА ПРОЩАНЬЕ

Mein Herz trägt schwere Ketten,
Die Du mir angelegt.
Ich möcht' mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer trägt[1].

Франкфуртская песенка.

Мы оба любили, как дети,
Дразня, испытуя, играя,
Но кто-то недобрые сети
Расставил, улыбку тая —
И вот мы у пристани оба,
Не ведав желанного рая,
Но знай, что без слов и до гроба
Я сердцем пребуду — твоя.

Ты всё мне поведал — так рано!
Я всё разгадала — так поздно!
В сердцах наших вечная рана,
В глазах молчаливый вопрос,
Земная пустыня бескрайна,
Высокое небо беззвездно,
Подслушана нежная тайна,
И властен навеки мороз.

[1] «Мое сердце в тяжелых оковах,
Которыми ты его опутал.
Клянусь жизнью,
Что ни у кого нет цепей тяжелей» *(нем.)*.

Я буду беседовать с тенью!
Мой милый, забыть нету мочи!
Твой образ недвижен под сенью
Моих опустившихся век...
Темнеет... Захлопнули ставни,
На всем приближение ночи...
Люблю тебя, призрачно-давний,
Тебя одного — и навек!

4—9 января 1910

СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением сестер.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:
Его мечты боязнью не сгуби!
Будь той ему, кем быть я не сумела:
Люби без мер и до конца люби!

PERPETUUM MOBILE[1]

Как звезды меркнут понемногу
В сияньи солнца золотом,
К нам другу друг давал дорогу,
Осенним делаясь листом,
— И каждый нес свою тревогу
В наш без того тревожный дом.

Мы всех приветствием встречали,
Шли без забот на каждый пир,
Одной улыбкой отвечали
На бубна звон и рокот лир,
— И каждый нес свои печали
В наш без того печальный мир.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрец-филолог с грудой книг...
Вдруг за лампадой — блеск ракеты!
За проповедником — шутник!
— И каждый нес свои букеты
В наш без того большой цветник.

СЛЕДУЮЩЕМУ

Quasi una fantasia[2].

Нежные ласки тебе уготованы
Добрых сестричек.
Ждем тебя, ждем тебя, принц заколдованный
Песнями птичек.
Взрос ты, вспоенная солнышком веточка,
Рая явленье,

[1] Вечно движущееся *(лат.)*.
[2] Сплошь фантазия *(лат.)*.

Нежный как девушка, тихий как деточка,
Весь — удивленье.
Скажут не раз: «Эти сестры изменчивы
В каждом ответе!»
— С дерзким надменны мы, с робким застенчивы,
С мальчиком — дети.
Любим, как ты, мы березки, проталинки,
Таянье тучек.
Любим и сказки, о глупенький, маленький
Бабушкин внучек!
Жалобен ветер, весну вспоминающий...
В небе алмазы...
Ждем тебя, ждем тебя, жизни не знающий,
Голубоглазый!

МАМА В САДУ

Гале Дьяконовой

Мама стала на колени
Перед ним в траве.
Солнце пляшет на прическе,
На голубенькой матроске,
На кудрявой голове.
Только там, за домом, тени...

Маме хочется гвоздику
Крошке приколоть, —
Оттого она присела.
Руки белы, платье бело...
Льнут к ней травы вплоть.
— Пальцы только мнут гвоздику. —

Мальчик светлую головку
Опустил на грудь.
— «Не вертись, дружок, стой прямо!»
Что-то очень медлит мама!

Как бы улизнуть
Ищет маленький уловку.

Мама плачет. На колени
Ей упал цветок.
Солнце нежит взгляд и листья,
Золотит незримой кистью
Каждый лепесток.
—Только там, за домом, тени...

МАМА НА ЛУГУ

Вы бродили с мамой на лугу
И тебе она шепнула: «Милый!
Кончен день, и жить во мне нет силы.
Мальчик, знай, что даже из могилы
Я тебя, как прежде, берегу!»

Ты тихонько опустил глаза,
Колокольчики в руке сжимая.
Все цвело и пело в вечер мая...
Ты не поднял глазок, понимая,
Что смутит ее твоя слеза.

Чуть вдали завиделись балкон,
Старый сад и окна белой дачи,
Зашептала мама в горьком плаче:
«Мой дружок! Ведь мне нельзя иначе,—
До конца лишь сердце нам закон!»

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщин лучшая находка!
Здесь дремать мешала ей решетка,
А теперь она уснула кротко
Там, в саду, где Бог и облака.

ЛУЧ СЕРЕБРИСТЫЙ

Эхо стонало, шумела река,
Ливень стучал тяжело,
Луч серебристый пронзил облака.
Им любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

ВТРОЕМ

—«Мы никого так»...
—«Мы никогда так»...
—«Ну, что же? Кончайте»...

27-го декабря 1909 г.

Горькой расплаты, забвенья ль вино,—
Чашу мы выпьем до дна!
Эта ли? та ли? Не все ли равно!
Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть голове
Справа и слева—к плечу.
Знаю одно лишь: сегодня их две!
Большего знать не хочу.

Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах...

Тише, сестрички! Мы будем молчать,
Души без слова сольем.
Как неизведано утро встречать
В детской, прижавшись, втроем...

Розовый отсвет на зимнем окне,
Утренний тает туман,
Девочки крепко прижались ко мне...
О, какой сладкий обман!

ОШИБКА

Когда снежинку, что легко летает,
Как звездочка упавшая скользя,
Берешь рукой — она слезинкой тает,
И возвратить воздушность ей нельзя.

Когда пленясь прозрачностью медузы,
Ее коснемся мы капризом рук,
Она, как пленник, заключенный в узы,
Вдруг побледнеет и погибнет вдруг.

Когда хотим мы в мотыльках-скитальцах
Видать не грезу, а земную быль —
Где их наряд? От них на наших пальцах
Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: «Будь страсть! Горя безумствуй, рдей!»
Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но без любви мы гибнем, Чародей!

МУКА́ И МУ́КА

—«Все перемелется, будет мукой!»
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше му́кой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победны над скукой.
Все перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше му́кой!

КАТОК РАСТАЯЛ

...«но ведь есть каток»...
Письмо 17 января 1910 г.

Каток растаял... Не услада
За зимней тишью стук колес.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слез.

Зимою грусть была едина...
Вдруг новый образ встанет... Чей?
Душа людская—та же льдина
И так же тает от лучей.

Пусть в желтых лютиках пригорок!
Пусть смёл снежинку лепесток!
—Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток...

ВСТРЕЧА

...«есть встречи случайные»...
Из дорогого письма.

Гаснул вечер, как мы умиленный
Этим первым весенним теплом.
Был тревожен Арбат оживленный;
Добрый ветер с участливой лаской
Нас касался усталым крылом.
В наших душах, воспитанных сказкой,
Тихо плакала грусть о былом.

Он прошел — так нежданно! так спешно! —
Тот, кто прежде помог бы всему.
А вдали чередой безутешно
Фонарей лучезарные точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Все кругом покупали цветочки;
Мы купили букетик... К чему?

В небесах фиолетово-алых
Тихо вянул неведомый сад.
Как спастись от тревог запоздалых?
Все вернулось. На миг ли? На много ль?
Мы глядели без слов на закат,
И кивал нам задумчивый Гоголь
С пьедестала, как горестный брат.

БЫВШЕМУ ЧАРОДЕЮ

Вам сердце рвет тоска, сомненье в лучшем сея.
— «Брось камнем, не щади! Я жду, больней ужаль!»
Нет, ненавистна мне надменность фарисея,
Я грешников люблю, и мне вас только жаль.

Стенами темных слов, растущими во мраке,
Нас, нет, — не разлучить! К замкам найдем ключи
И смело подадим таинственные знаки
Друг другу мы, когда задремлет всё в ночи.

Свободный и один, вдали от тесных рамок,
Вы вновь вернетесь к нам с богатою ладьей,
И из воздушных строк возникнет стройный замок,
И ахнет тот, кто смел поэту быть судьей!

— «Погрешности прощать прекрасно, да, но эту —
Нельзя: культура, честь, порядочность... О нет».
— Пусть это скажут все. Я не судья поэту,
И можно всё простить за плачущий сонет!

ЧАРОДЕЮ

Рот как кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.

Над тобою и днем не слабели
В дальнем детстве сказанья ночей,
Оттого ты с рожденья — ничей,
Оттого ты любил — с колыбели.

О, как многих любил ты, поэт:
Темнооких, светло-белокурых,
И надменных, и нежных, и хмурых,
В них вселяя свой собственный бред.

Но забвение, ах, на груди ли?
Есть ли чары в земных голосах?
Исчезая, как дым в небесах,
Уходили они, уходили.

Вечный гость на чужом берегу,
Ты замучен серебряным рогом...
О, я знаю о многом, о многом,
Но откуда — сказать не могу.

Оттого тебе искры бокала
И дурман наслаждений бледны:
Ты возлюбленный Девы-Луны,
Ты из тех, что Луна приласкала.

В ЧУЖОЙ ЛАГЕРЬ

«Да, для вас наша жизнь
действительно в тумане».

Разговор 20-го декабря 1909 г.

Ах, вы не братья, нет, не братья!
Пришли из тьмы, ушли в туман...
Для нас безумные объятья
Еще неведомый дурман.

Пока вы рядом — смех и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Уж ваши речи странно-жутки,
И чует сердце: вы враги.

Сильны во всем, надменны даже,
Меняясь вечно, те, не те —
При ярком свете мы на страже,
Но мы бессильны — в темноте!

Нас вальс и вечер — всё тревожит,
В нас вечно рвется счастья нить...
Неотвратимого не может,
Ничто не сможет отклонить!

Тоска по книге, вешний запах,
Оркестра пение вдали —

И мы со вздохом в темных лапах,
Сожжем, тоскуя, корабли.

Но знайте: в миг, когда без силы
И нас застанет страсти ад,
Мы потому прошепчем: «Милый!»
Что будет розовым закат.

АНЖЕЛИКА

Темной капеллы, где плачет орган,
Близости кроткого лика!..
Счастья земного мне чужд ураган:
Я — Анжелика.

Тихое пенье звучит в унисон,
Окон неясны разводы,
Жизнью моей овладели, как сон,
Стройные своды.

Взор мой и в детстве туда ускользал,
Он городами измучен.
Скучен мне говор и блещущий зал,
Мир мне — так скучен!

Кто-то пред Девой затеплил свечу,
(Ждет исцеленья ль больная?)
Вот отчего я меж вами молчу:
Вся я — иная.

Сладостна слабость опущенных рук,
Всякая скорбь здесь легка мне.
Плющ темнолиственный обнял как друг
Старые камни;

Бело и розово, словно миндаль,
Здесь расцвела повилика...
Счастья не надо. Мне мира не жаль:
Я – Анжелика.

ДОБРЫЙ КОЛДУН

Всё видит, всё знает твой мудрый зрачок,
Сердца тебе ясны, как травы.
Зачем ты меж нами, лесной старичок,
Колдун безобидно-лукавый?

Душою до гроба застенчиво-юн,
Живешь, упоен небосводом.
Зачем ты меж нами, лукавый колдун,
Весь пахнущий лесом и медом?

Как ранние зори покинуть ты мог,
Заросшие маком полянки,
И старенький улей, и серый дымок,
Встающий над крышей землянки?

Как мог променять ты любимых зверей,
Свой лес, где цветет Небылица,
На мир экипажей, трамваев, дверей,
На дружески-скучные лица?

Вернись: без тебя не горят светляки,
Не шепчутся темные елки,
Без ласково-твердой хозяйской руки
Скучают мохнатые пчелки.

Поверь мне: меж нами никто не поймет,
Как сладок черемухи запах.
Не медли, а то не остался бы мед
В невежливых мишкиных лапах!

Кто снадобье знает, колдун, как не ты,
Чтоб вылечить зверя иль беса?
Уйди, старичок, от людской суеты
Под своды родимого леса!

ПОТОМОК ШВЕДСКИХ КОРОЛЕЙ

О, вы, кому всего милей
Победоносные аккорды, —
Падите ниц! Пред вами гордый
Потомок шведских королей.

Мой славный род — моя отрава!
Я от тоски сгораю — весь!
Падите ниц: пред вами здесь
Потомок славного Густава.

С надменной думой на лице
В своем мирке невинно-детском
Я о престоле грезил шведском,
О войнах, казнях и венце.

В моих глазах тоской о чуде
Такая ненависть зажглась,
Что этих слишком гневных глаз,
Не вынося, боялись люди.

Теперь я бледен стал и слаб,
Я пленник самой горькой боли,
Я призрак утренний — не боле...
Но каждый враг мне, кто не раб!

Вспоен легендой дорогою,
Умру, легенды паладин,
И мой привет для всех один:
«Ты мог бы быть моим слугою!»

НЕДОУМЕНИЕ

Как не стыдно! Ты, такой не робкий,
Ты, в стихах поющий новолунье,
И дриад, и глохнущие тропки, —
Испугался маленькой колдуньи!

Испугался глаз ее янтарных,
Этих детских, слишком алых губок,
Убоявшись чар ее коварных,
Не посмел испить шипящий кубок?

Был испуган пламенной отравой
Светлых глаз, где только искры видно?
Испугался девочки кудрявой?
О, поэт, тебе да будет стыдно!

ОБРЕЧЕННАЯ

Бледные ручки коснулись рояля
Медленно, словно без сил.
Звуки запели, томленьем печаля.
Кто твои думы смутил,
Бледная девушка, там, у рояля?

Тот, кто следит за тобой,
— Словно акула за маленькой рыбкой —
Он твоей будет судьбой!
И не о добром он мыслит с улыбкой,
Тот, кто стоит за тобой.

С радостным видом хлопочут родные:
Дочка — невеста! Их дочь!
Если и снились ей грезы иные, —
Грезы развеются в ночь!
С радостным видом хлопочут родные.

Светлая церковь, кольцо,
Шум, поздравления, с образом мальчик...
Девушка скрыла лицо,
Смотрит с тоскою на узенький пальчик,
Где загорится кольцо.

□ □ □

На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!
Чтоб только не видел ваш радостный взор
Во всяком прохожем судью.
Бегите на волю, в долины, в поля,
На травке танцуйте легко
И пейте, как резвые дети шаля,
Из кружек больших молоко.
О, ты, что впервые смущенно влюблен,
Доверься превратностям грез!
Беги с ней на волю, под ветлы, под клен,
Под юную зелень берез;
Пасите на розовых склонах стада,
Внимайте журчанию струй;
И друга, шалунья, ты здесь без стыда
В красивые губы целуй!
Кто юному счастью прошепчет укор?
Кто скажет: «Пора!» забытью?
—На солнце, на ветер, на вольный простор
Любовь уносите свою!

Шолохово, февраль 1910

ОТ ЧЕТЫРЕХ ДО СЕМИ

В сердце, как в зеркале, тень,
Скучно одной—и с людьми...
Медленно тянется день
От четырех до семи!

К людям не надо — солгут,
В сумерках каждый жесток.
Хочется плакать мне. В жгут
Пальцы скрутили платок.
Если обидишь — прощу,
Только меня не томи!
— Я бесконечно грущу
От четырех до семи.

ВОЛЕЙ ЛУНЫ

Мы выходим из столовой
Тем же шагом, как вчера:
В зале облачно-лиловой
Безутешны вечера!
Здесь на всем оттенок давний,
Горе всюду прилегло,
Но пока открыты ставни,
Будет облачно-светло.
Всюду ласка легкой пыли.
(Что послушней? Что нежней?)
Те, ушедшие, любили
Рисовать ручонкой в ней.
Этих маленьких ручонок
Ждут рояль и зеркала.
Был рояль когда-то звонок!
Зала радостна была!
Люстра, клавиш — всё звенело,
Увлекаясь их игрой...
Хлопнул ставень — потемнело,
Закрывается второй...
Кто там шепчет еле-еле?
Или в доме не мертво?
Это струйкой льется в щели
Лунной ночи колдовство.

В зеркалах при лунном свете
Снова жив огонь зрачков,
И недвижен на паркете
След остывших башмачков.

ROUGE ET BLEUE[1]

Девочка в красном и девочка в синем
Вместе гуляли в саду.
— «Знаешь, Алина, мы платьица скинем,
Будем купаться в пруду?».
Пальчиком тонким грозя,
Строго ответила девочка в синем:
— «Мама сказала — нельзя».

Девушка в красном и девушка в синем
Вечером шли вдоль межи.
— «Хочешь, Алина, все бросим, все кинем,
Хочешь, уедем? Скажи!»
Вздохом сквозь вешний туман
Грустно ответила девушка в синем:
— «Полно! ведь жизнь — не роман»...

Женщина в красном и женщина в синем
Шли по аллее вдвоем.
— «Видишь, Алина, мы блекнем, мы стынем, —
Пленницы в счастье своем»...
С полуулыбкой из тьмы
Горько ответила женщина в синем:
— «Что же? Ведь женщины мы!»

---

[1] Красное и голубое *(фр.)*.

СТОЛОВАЯ

Столовая, четыре раза в день
Миришь на миг во всем друг друга чуждых.
Здесь разговор о самых скучных нуждах,
Безмолвен тот, кому ответить лень.

Все неустойчиво, недружелюбно, ломко,
Тарелок стук... Беседа коротка:
—«Хотела в семь она придти с катка?»
—«Нет, к девяти»,—ответит экономка.

Звонок.—«Нас нет: уехали, скажи!»
—«Сегодня мы обедаем без света»...
Вновь тишина, не ждущая ответа;
Ведут беседу с вилками ножи.

—«Все кончили? Анюта, на́ тарелки!»
Враждебный тон в негромких голосах,
И все глядят, как на стенных часах
Одна другую догоняют стрелки.

Роняют стул... Торопятся шаги...
Прощай, о мир из-за тарелки супа!
Благодарят за пропитанье скупо
И вновь расходятся—до ужина враги.

ПАСХА В АПРЕЛЕ

Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?
Травку ласкают лучи, дорогая,
С улицы фраз отголоски...

Тихо брожу от крыльца до сарая,
Меряю доски.
В небе, как зарево, внешняя зорька,
Волны пасхального звона...
Вот у соседей заплакал так горько
Звук граммофона,
Вторят ему бесконечно-уныло
Взвизги гармоники с кухни...
Многое было, ах, многое было...
Прошлое, рухни!
Нет, не помогут и яйца на блюде!
Поздно... Лучи догорели...
Что безнадежней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?

Москва. Пасха, 1910

СКАЗКИ СОЛОВЬЕВА

О, эта молодость земная!
Все так старо — и все так ново!
У приоткрытого окна я
Читаю сказки Соловьева.

Я не дышу — в них все так зыбко!
Вдруг вздохом призраки развею?
Неосторожная улыбка
Спугнет волшебника и фею.

Порою смерть — как будто ласка,
Порою жить — почти неловко!
Блаженство в смерти, Звездоглазка!
Что жизнь, Жемчужная Головка?

Не лучше ль уличного шума
Зеленый пруд, где гнутся лозы?
И темной власти Чернодума
Не лучше ль сон Апрельской Розы?

Вдруг чей-то шепот: «Вечно в жмурки
Играть с действительностью вредно.
Настанет вечер, и бесследно
Растают в пламени Снегурки!

Все сны апрельской благодати
Июльский вечер уничтожит».
— О, ты, кто мудр — и так некстати! —
Я не сержусь. Ты прав, быть может...

Ты прав! Здесь сны не много значат,
Здесь лжет и сон, не только слово...
Но, если хочешь знать, как плачут,
Читай в апреле Соловьева!

КАРТИНКА С КОНФЕТЫ

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лед не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет под добрым взглядом мужа!

То кавалеру даст, смеясь, цветок,
То, не смутясь, подсядет к злым старухам,
Твердит о долге, теребя платок.
И страшно мил упрямый завиток
Густых волос над этим детским ухом.

Как сладко жить: удачен туалет,
Прическа сделана рукой искусной,
Любимый муж, успех, семнадцать лет...
Как сладко жить! Вдруг блестки эполет
И чей-то взор неумолимо-грустный.

О, ей знаком бессильно-нежный рот,
Знакомы ей нахмуренные брови

И этот взгляд... Пред ней тот прежний, тот,
Сказавший ей в слезах под Новый Год:
—«Умру без слов при вашем первом слове!»

Куда исчез когда-то яркий гнев?
Ведь это он, ее любимый, первый!
Уж шепчет муж сквозь медленный напев:
—«Да ты больна?» Немного побледнев,
Она в ответ роняет: «Это нервы».

RICORDO DI TIVOLI[1]

Мальчик к губам приложил осторожно свирель,
Девочка, плача, головку на грудь уронила...
—Грустно и мило!—
Скорбно склоняется к детям столетняя ель.

Темная ель в этой жизни видала так много
Слишком красивых, с большими глазами, детей.
Нет путей
Им в нашей жизни. Их счастье, их радость—у Бога.

Море синет вдали, как огромный сапфир,
Детские крики доносятся с дальней лужайки,
В воздухе—чайки...
Мальчик играет, а девочке в друге весь мир...

Ясно читая в грядущем, их ель осенила,
Мощная, мудрая, много видавшая ель!
Плачет свирель...
Девочка, плача, головку на грудь уронила.

Берлин, лето 1910

[1] Воспоминание о Тиволи *(итал.)*.

У КРОВАТКИ

Вале Генерозовой

— «Там, где шиповник рос аленький,
Гномы нашли колпачки»...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

— «Солнце глядело сквозь веточки,
К розе летела пчела»...
Мама у маленькой деточки
Тихо чулочки сняла.

— «Змей не прождал ни минуточки,
Свистнул, — и в горы скорей!»
Мама у сонной малюточки
Шелк расчесала кудрей.

— «Кошку завидевши, курочки
Стали с индюшками в круг»...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу из рук.

— «Вечером к девочке маленькой
Раз прилетел ангелок»...
Мама над дремлющей Валенькой
Кукле вязала чулок.

ТРИ ПОЦЕЛУЯ

— «Какие маленькие зубки!
И заводная! В парике!»
Она смеясь прижала губки
К ее руке.

— «Как хорошо уйти от гула!
Ты слышишь скрипку вдалеке?»
Она задумчиво прильнула
К его руке.

— «Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строим — на песке!»
Она в слезах прижала губы
К своей руке.

ДВА В КВАДРАТЕ

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестер для них «она»?
Здесь умолкают все укоры, —
Ведь две мы. Ваша ль то вина?

— «Прошел он!» — «Кто из них? Который?»
К обоим каждая нежна.
Здесь умолкают все укоры. —
Вас двое. Наша ль то вина?

СВЯЗЬ ЧЕРЕЗ СНЫ

Всё лишь на миг, что людьми создается,
Блекнет восторг новизны,
Но неизменной, как грусть, остается
Связь через сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуть бы...
Сладость опущенных век...
Сны открывают грядущего судьбы,
Вяжут навек.

Всё мне, что бы ни думал украдкой,
Ясно, как чистый кристалл.
Нас неразрывной и вечной загадкой
Сон сочетал.

Я не молю: «О, Господь, уничтожи
Муку грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему, Боже,
Сон про меня!»

Пусть я при встрече с тобою бледнею, —
Как эти встречи грустны!
Тайна одна. Мы бессильны пред нею:
Связь через сны.

□ □ □

Не гони мою память! Лазурны края,
Где встречалось мечтание наше.
Будь правдивым: не скоро с такою, как я,
Вновь прильнешь ты к серебряной чаше.

Все не нашею волей разрушено. Пусть! —
Сладок вздох об утраченном рае!
Весь ты — майский! Тебе моя майская грусть.
Все твое, что пригрезится в мае.

Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там,
Где на правду я правдой отвечу;
Каждый вечер по лёгким и зыбким мостам
Мы выходим друг другу навстречу.

Чуть завижу знакомый вдали силуэт, —
Бьется сердце то чаще, то реже...
Ты как прежде: не гневный, не мстительный, нет!
И глаза твои, грустные, те же.

Это грезы. Обоим нам ночь дорога,
Все преграды рушащая смело.
Но, проснувшись, мой друг, не гони, как врага,
Образ той, что солгать не сумела.

И когда он возникнет в вечерней тени
Под призывы былого напева,
Ты минувшему счастью с улыбкой кивни
И ушедшую вспомни без гнева.

ПРИВЕТ ИЗ ВАГОНА

Сильнее гул, как будто выше — зданья,
В последний раз колеблется вагон,
В последний раз... Мы едем... До свиданья,
Мой зимний сон!

Мой зимний сон, мой сон до слез хороший,
Я от тебя судьбой унесена.
Так суждено! Не надо мне ни ноши
В пути, ни сна.

Под шум вагона сладко верить чуду
И к дальним дням, еще туманным, плыть.
Мир так широк! Тебя в нем позабуду
Я может быть?

Вагонный мрак как будто давит плечи,
В окно струей вливается туман...
Мой дальний друг, пойми — все эти речи
Самообман!

Что новый край? Везде борьба со скукой,
Всё тот же смех и блестки тех же звезд,
И там, как здесь, мне будет сладкой мукой
Твой тихий жест.

9 июня 1910

ЗЕЛЕНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Целый вечер играли и тешились мы ожерельем
Из зеленых, до дна отражающих взоры, камней.
Ты непрочную нить потянул слишком сильно,
И посыпались камни обильно,
При паденьи сверкая сильней.
Мы в тоске разошлись по своим неустроенным кельям.

Не одно ожерелье вокруг наших трепетных пальцев
Обовьется еще, отдавая нас новым огням.
Нам к сокровищам бездн все дороги открыты,
Наши жадные взоры не сыты,
И ко всем драгоценным камням
Направляем шаги мы с покорностью вечных скитальцев.

Пусть погибла виной одного из движений нежданных
Только раз в этом мире, лишь нам заблестевшая нить!
Пусть над пламенным прошлым холодные плиты!
Разве сможем мы те хризолиты
Придорожным стеклом заменить?
Нет, не надо замен! Нет, не надо подделок стеклянных!

Наши души, не правда ль, еще не привыкли к разлуке?
Всё друг друга зовут трепетанием блещущих крыл!
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки,
Но о помнящих душах забыл.

Каждый вечер, зажженный по воле волшебницы кроткой,
Каждый вечер, когда над горами и в сердце туман,
К незабывшей душе неуверенно-робкой походкой
Приближается прежний обман.

Словно ветер, что беглым порывом минувшее будит,
Ты из блещущих строчек опять улыбаешься мне.
Всё позволено, всё! Нас дневная тоска не осудит:
Ты из сна, я во сне...

Кто-то высший нас предал неназванно-сладостной муке,
(Будет много блужданий-скитаний средь снега и тьмы!)
Кто-то высший развел эти нежно-сплетенные руки...
Не ответственны мы!

КРОМЕ ЛЮБВИ

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но все же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было все в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы – ты и я – принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность – других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши!
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробужденьи души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме...
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной – любви.

ПЛОХОЕ ОПРАВДАНЬЕ

Как влюбленность старо, как любовь забываемо-ново:
Утро в карточный домик, смеясь, превращает наш храм.
О мучительный стыд за вечернее лишнее слово!
О тоска по утрам!

Утонула в заре голубая, как месяц, трирема,
О прощании с нею пусть лучше не пишет перо!
Утро в жалкий пустырь превращает наш сад из Эдема...
Как влюбленность – старо!

Только ночью душе посылаются знаки оттуда,
Оттого все ночное, как книгу от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо – враги!

Твой восторженный бред, светом розовых люстр золоченый,
Будет утром смешон. Пусть его не услышит рассвет!
Будет утром – мудрец, будет утром – холодный ученый
Тот, кто ночью – поэт.

Как могла я, лишь ночью живя и дыша, как могла я
Лучший вечер отдать на терзанье январскому дню?
Только утро виню я, прошедшему вздох посылая,
Только утро виню!

ПРЕДСКАЗАНЬЕ

– «У вас в душе приливы и отливы!»
Ты сам сказал, ты это понял сам!
О, как же ты, не верящий часам,
Мог осудить меня за миг счастливый?

Что принесет грядущая минута?
Чей давний образ вынырнет из сна?

Веселый день, а завтра ночь грустна...
Как осуждать за что-то, почему-то?

О, как ты мог! О, мудрый, как могли вы
Сказать «враги» двум белым парусам?
Ведь знали вы... Ты это понял сам:
В моей душе приливы и отливы!

ОБА ЛУЧА

Солнечный? Лунный? О мудрые Парки,
Что мне ответить? Ни воли, ни сил!
Луч серебристый молился, а яркий
Нежно любил.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
Каждую искорку, сердце, лови!
В каждой молитве — любовь, и молитва —
В каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенных в плаче
Жалкая мне не заменит свеча.
Буду любить, не умея иначе —
Оба луча!

Weisser Hirsch, лето 1910

ДЕТСКАЯ

Наша встреча была — в полумраке беседа
Полувзрослого с полудетьми.
Хлопья снега за окнами, песни метели...
Мы из детской уйти не хотели,
Вместо сказки не жаждали бреда...
Если можешь — пойми!

Мы любили тебя – как могли, как умели;
Целый сад в наших душах бы мог расцвести,
Мы бы рай увидали воочью!..
Но, испуганы зимнею ночью,
Мы из детской уйти не посмели...
Если можешь – прости!

РАЗНЫЕ ДЕТИ

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, –
Они не играют с огнем.

Есть дети – как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осеня,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
«Огня побоялась – так гибни во мгле!»
Твои обвиненья мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них
И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле...
– Мой милый, был так беспощаден твой суд! –
Но все же я сердцем твоя – и во мгле
«За несколько светлых минут!»

НАША ЗАЛА

Мне тихонько шепнула вечерняя зала
Укоряющим тоном, как няня любовно:
— «Почему ты по дому скитаешься, словно
Только утром приехав с вокзала?

═══

Беспорядочной грудой разбросаны вещи,
Погляди, как растрепаны пыльные ноты!
Хоть как прежде с покорностью смотришь в окно ты,
Но шаги твои мерные резче.

═══

В этом дремлющем доме ты словно чужая,
Словно грустная гостья, без силы к утехам.
Никого не встречаешь взволнованным смехом,
Ни о ком не грустишь, провожая.

═══

Много женщин видала на долгом веку я,
— В этом доме их муки, увы, не случайны! —
Мне в октябрьский вечер тяжелые тайны
Не одна поверяла, тоскуя.

═══

О, не бойся меня, не противься упрямо:
Как столетняя зала внимает не каждый!
Всё скажи мне, как всё рассказала однажды
Мне твоя одинокая мама.

═══

Я слежу за тобою внимательным взглядом,
Облегчи свою душу рассказом нескорым!
Почему не с тобой он, тот милый, с которым
Ты когда-то здесь грезила рядом?»

—«К смелым душам, творящим лишь страсти веленье,
Он умчался, в моей не дождавшись прилива.
Я в решительный вечер была боязлива,
Эти муки—мое искупленье.

Этим поздним укором я душу связала,
Как предателя бросив ее на солому,
И теперь я бездушно скитаюсь по дому,
Словно утром приехав с вокзала».

□ □ □

По тебе тоскует наша зала,
—Ты в тени ее видал едва—
По тебе тоскуют те слова,
Что в тени тебе я не сказала.
Каждый вечер я скитаюсь в ней,
Повторяя в мыслях жесты, взоры...
На обоях прежние узоры,
Сумрак льется из окна синей;
Те же люстры, полукруг дивана,
(Только жаль, что люстры не горят!)
Филодендронов унылый ряд,
По углам расставленных без плана.
Спичек нет,— уж кто-то их унес!
Серый кот крадется из передней...
Это час моих любимых бредней,
Лучших дум и самых горьких слез.
Кто за делом, кто стремится в гости...
По роялю бродит сонный луч.
Поиграть? Давно потерян ключ!
О часы, свой бой унылый бросьте!
По тебе тоскуют те слова,

Что в тени услышит только зала.
Я тебе так мало рассказала, –
Ты в тени меня видал едва!

□ □ □

Ваши белые могилки рядом,
Ту же песнь поют колокола
Двум сердцам, которых жизнь была
В зимний день светло расцветшим садом.

Обо всем сказав другому взглядом,
Каждый ждал. Но вот из-за угла
Пронеслась смертельная стрела,
Роковым напитанная ядом.

Спите ж вы, чья жизнь богатым садом
В зимний день, средь снега, расцвела...
Ту же песнь вам шлют колокола,
Ваши белые могилки – рядом.

Weisser Hirsch, лето 1910

«ПРОСТИ» НИНЕ

Прощай! Не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!
Поверь, не хватит наших сил
Для примирительного слова.
Твой нежный образ вечно мил,
Им сердце вечно жить готово, –
Но все ж не думаю, чтоб снова
Нас в жизни Бог соединил!

ЕЕ СЛОВА

—«Слова твои льются, участьем согреты,
Но темные взгляды в былом».
—«Не правда ли, милый, так смотрят портреты,
Задетые белым крылом?»
—«Слова твои—струи, вскипают и льются,
Но нежные губы в тоске».
—«Не правда ли, милый, так дети смеются
Пред львами на красном песке?»
—«Слова твои—песни, в них вызов и силы,
Ты снова, как прежде, бодра»...
—«Так дети бодрятся, не правда ли, милый,
Которым в кроватку пора?»

НАДПИСЬ В АЛЬБОМ

Пусть я лишь стих в твоем альбоме,
Едва поющий, как родник;
(Ты стал мне лучшею из книг,
А их немало в старом доме!)
Пусть я лишь стебель, в светлый миг
Тобой, жалеющим, не смятый;
(Ты для меня цветник богатый,
Благоухающий цветник!)
Пусть так. Но вот в полуистоме
Ты над страничкою поник...
Ты вспомнишь всё... Ты сдержишь крик...
—Пусть я лишь стих в твоем альбоме!

СЕРДЦА И ДУШИ

Души в нас — залы для редких гостей,
Знающих прелесть тепличных растений.
В них отдыхают от скорбных путей
Разные милые тени.

Тесные келейки — наши сердца.
В них заключенный один до могилы.
В келью мою заточен до конца
Ты без товарища, милый!

ЗИМОЙ

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Серп серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?
Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.

Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!

Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

ТАК БУДЕТ

Словно тихий ребенок, обласканный тьмой,
С бесконечным томленьем в блуждающем взоре,
Ты застыл у окна. В коридоре
Чей-то шаг торопливый — не мой!

═══

Дверь открылась... Морозного ветра струя...
Запах свежести, счастья... Забыты тревоги...
Миг молчанья, и вот на пороге
Кто-то слабо смеется — не я!

═══

Тень трамваев, как прежде, бежит по стене,
Шум оркестра внизу осторожней и глуше...
— «Пусть сольются без слов наши души!»
Ты взволнованно шепчешь — не мне!

═══

— «Сколько книг!.. Мне казалось... Не надо огня:
Так уютней... Забыла сейчас все слова я»...
Видят беглые тени трамвая
На диване с тобой — не меня!

ПРАВДА

Vitam impendere vero[1].

Мир утомленный вздохнул от смятений,
Розовый вечер струит забытье...
Нас разлучили не люди, а тени,
Мальчик мой, сердце мое!

Высятся стены, туманом одеты,
Солнце без сил уронило копье...
В мире вечернем мне холодно. Где ты,
Мальчик мой, сердце мое?

Ты не услышишь. Надвинулись стены,
Все потухает, сливается все...
Не было, нет и не будет замены,
Мальчик мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910

СТУК В ДВЕРЬ

Сердце дремлет, но сердце так чутко,
Помнит все: и блаженство, и боль.
Те лучи догорели давно ль?
Как забыть тебя, грустный малютка,
Синеглазый малютка король?

Ты, как прежде, бредешь чрез аллею,
Неуступчив, надменен и дик;

[1] Отдать жизнь за правду *(лат.)*.

На кудрях — золотящийся блик...
Я молчу, я смущенно не смею
Заглянуть тебе в гаснущий лик.

Я из тех, о мой горестный мальчик,
Что с рожденья не здесь и не там.
О, внемли запоздалым мольбам!
Почему ты с улыбкою пальчик
Приложил осторожно к губам?

В бесконечность ступень поманила,
Но, увы, обманула ступень:
Бесконечность окончилась в день!
Я для тени тебе изменила,
Изменила для тени мне тень.

СЧАСТЬЕ

— «Ты прежде лишь розы ценила,
В кудрях твоих венчик другой.
Ты страстным цветам изменила?»
— «Во имя твое, дорогой!»

— «Мне ландышей надо в апреле,
Я в мае топчу их ногой.
Что шепчешь в ответ еле-еле?»
— «Во имя твое, дорогой!»

— «Мне мил колокольчик-бубенчик,
Его я пребуду слугой.
Ты молча срываешь свой венчик?»
— «Во имя твое, дорогой!»

НЕВЕСТАМ МУДРЕЦОВ

Над ними древность простирает длани,
Им светит рок сияньем вещих глаз,
Их каждый миг — мучительный экстаз.
Вы перед ними — щепки в океане!
Для них любовь — минутный луч в тумане,
Единый свет немеркнущий — для вас.

═══

Вы лишь в любви таинственно-богаты,
В ней всё: пожар и голубые льды,
Последний луч и первый луч звезды,
Все ручейки, все травы, все закаты!..
— Над ними лик склоняется Гекаты,
Им лунной Греции цветут сады...

═══

Они покой находят в Гераклите,
Орфея тень им зажигает взор...
А что у вас? Один венчальный флёр!
Вяжите крепче золотые нити
И каждый миг молитвенно стелите
Свою любовь, как маленький ковер!

ЕЩЕ МОЛИТВА

И опять пред Тобой я склоняю колени,
В отдаленьи завидев Твой звездный венец.
Дай понять мне, Христос, что не всё только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец!

Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...

4 Зак 199

Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцати лет на земле?

И поют ведь, и пишут, что счастье вначале!
Расцвести всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда ль: ведь счастия нет, вне печали?
Кроме мертвых, ведь нету друзей?

Ведь от века зажженные верой иною
Укрывались от мира в безлюдьи пустынь?
Нет, не надо улыбок, добытых ценою
Осквернения высших святынь.

Мне не надо блаженства ценой унижений.
Мне не надо любви! Я грущу — не о ней.
Дай мне душу, Спаситель, отдать — только тени
В тихом царстве любимых теней.

Москва, осень, 1910

ОСУЖДЕННЫЕ

Сестрам Тургеневым

У них глаза одни и те же
И те же голоса.
Одна цветок неживше-свежий,
Другая луч, что блещет реже,
В глазах у третьей — небо. Где же
Такие встретишь небеса?

Им отдала при первой встрече
Я чаянье свое.
Одна глядит, как тают свечи,
Другая вся в капризной речи,
А третьей так поникли плечи,
Что плачешь за нее.

Одна, безмолвием пугая,
Под игом тишины;

Еще изменчива другая,
А третья ждет, изнемогая...
И все, от жизни убегая,
Уже осуждены.

Москва, осень 1910

ИЗ СКАЗКИ В ЖИЗНЬ

Хоть в вагоне темном и неловко,
Хорошо под шум колес уснуть!
Добрый путь, Жемчужная Головка,
Добрый путь!

Никому — с участьем или гневно —
Не позволь в былое заглянуть.
Добрый путь, погибшая царевна,
Добрый путь!

В ЗЕРКАЛЕ КНИГИ М. Д.-В.

Это сердце — мое! Эти строки — мои!
Ты живешь, ты во мне, Марселина!
Уж испуганный стих не молчит в забытьи,
И слезами растаяла льдина.

Мы вдвоем отдались, мы страдали вдвоем,
Мы, любя, полюбили на муку!
Та же скорбь нас пронзила и тем же копьем,
И на лбу утомленно-горячем своем
Я прохладную чувствую руку.

Я, лобзанья прося, получила копье!
Я, как ты, не нашла властелина!..
Эти строки — мои! Это сердце — мое!
Кто же, ты или я — Марселина?

ЭСТЕТЫ

Наши встречи, — только ими дышим все мы,
Их предчувствие лелея в каждом миге, —
Вы узнаете, разрезав наши книги.
Всё, что любим мы и верим — только темы.

Сновидение друг другу подарив, мы
Расстаемся, в жажде новых сновидений,
Для себя и для другого — только тени,
Для читающих об этом — только рифмы.

ОНИ И МЫ

Героини испанских преданий
Умирали, любя,
Без укоров, без слез, без рыданий.
Мы же детски боимся страданий
И умеем лишь плакать, любя.

Пышность замков, разгульность охоты,
Испытанья тюрьмы, —
Всё нас манит, но спросят нас: «Кто ты?»
Мы согнать не сумеем дремоты
И сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!
Потому на заре
Детский грех непонятен нам Евы.
Потому, как испанские девы,
Мы не гибнем, любя, на костре.

□ □ □

Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!
Вы дитя и Вам нужны игрушки,
Потому я и боюсь ловушки,
Потому и сдержан мой привет.
Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!

Вы дитя, а дети так жестоки:
С бедной куклы рвут, шутя, парик,
Вечно лгут и дразнят каждый миг,
В детях рай, но в детях все пороки, —
Потому надменны эти строки.

Кто из них доволен дележом?
Кто из них не плачет после елки?
Их слова неумолимо-колки,
В них огонь, зажженный мятежом.
Кто из них доволен дележом?

Есть, о да, иные дети — тайны,
Темный мир глядит из темных глаз.
Но они отшельники меж нас,
Их шаги по улицам случайны.
Вы — дитя. Но все ли дети — тайны?!

Москва, 27 ноября 1910

МАМЕ

Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним
И пышные пряди волос,

Замедленный вздох над тетрадкой
И в ярких рубинах кольцо,

Когда над уютной кроваткой
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль
И капельки слез на ресницах,
Когда умолкала рояль.

В СУББОТУ

Темнеет... Готовятся к чаю...
Дремлет Ася под маминой шубой.
Я страшную сказку читаю
О старой колдунье беззубой.

О старой колдунье, о гномах,
О принцессе, ушедшей закатом.
Как жутко в лесах незнакомых
Бродить ей с невидящим братом!

Одна у колдуньи забота:
Подвести его к пропасти прямо!
Темнеет... Сегодня суббота,
И будет печальная мама.

Темнеет... Не помнишь о часе.
Из столовой позвали нас к чаю.
Клубочком свернувшейся Асе
Я страшную сказку читаю.

«КУРЛЫК»

Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово «курлык».

Вдруг беспричинно в парадной столовой
Чопорной гостье покажешь язык
И задрожишь и заплачешь под слово,
Глупое слово «курлык».

Бедная Fräulein[1] в накидке лиловой,
Шею до боли стянувший башлык, —
Все воскресает под милое слово,
Детское слово «курлык».

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

У мамы сегодня печальные глазки,
Которых и дети и няня боятся.
Не смотрят они на солдатика в каске
И даже не видят паяца.

У мамы сегодня прозрачные жилки
Особенно сини на маленьких ручках.
Она не сердита на грязные вилки
И детские губы в тянучках.

У мамы сегодня ни песен, ни сказки,
Бледнее, чем прежде, холодные щечки,
И даже не хочет в правдивые глазки
Взглянуть она маленькой дочке.

---

[1] Барышня *(нем.)*.

В КЛАССЕ

Скомкали фартук холодные ручки,
Вся побледнела, дрожит баловница.
Бабушка будет печальна: у внучки
Вдруг — единица!

Смотрит учитель, как будто не веря
Этим слезам в опустившемся взоре.
Ах, единица большая потеря!
Первое горе!

Слезка за слезкой упали, сверкая,
В белых кругах уплывает страница...
Разве учитель узнает, какая
Боль — единица?

НА БУЛЬВАРЕ

В небе — вечер, в небе — тучки,
В зимнем сумраке бульвар.
Наша девочка устала,
Улыбаться перестала.
Держат маленькие ручки
Синий шар.

Бедным пальчикам неловко:
Синий шар стремится вдаль.
Не дается счастье даром!
Сколько муки с этим шаром!
Миг — и выскользнет веревка.
Что останется? Печаль.

Утомились наши ручки,
— В зимнем сумраке бульвар. —

Наша детка побежала,
Ручки сонные разжала...
Мчится в розовые тучки
Синий шар.

СОВЕТ

«Если хочешь ты папе советом помочь»,
Шепчет папа любимице-дочке,
«Будут целую ночь, будут целую ночь
Над тобою летать ангелочки.

Блещут крылышки их, а на самых концах
Шелестят серебристые блестки.
Что мне делать, дитя, чтоб у мамы в глазах
Не дрожали печальные слезки?

Плещут крылышки их и шумят у дверей.
Все цвета ты увидишь, все краски!
Чем мне маме помочь? Отвечай же скорей!»
—«Я скажу: расцелуй ее в глазки!

А теперь ты беги (только свечку задуй
И сложи аккуратно чулочки).
И сильнее беги, и сильнее целуй!
Будут, папа, летать ангелочки?»

МАЛЬЧИК С РОЗОЙ

Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом грезить вечерами!
Вот в тени уютная кроватка
И портрет над нею в темной раме.

На портрете белокурый мальчик
Уронил увянувшую розу,
И к губам его прижатый пальчик
Затаил упрямую угрозу.

Этот мальчик был любимец графа,
С колыбели грезивший о шпаге,
Но открыл он, бедный, дверцу шкафа,
Где лежали тайные бумаги.

Был он спрошен и солгал в ответе,
Затаив упрямую угрозу.
Только розу он любил на свете
И погиб изменником за розу.

Меж бровей его застыла складка,
Он печален в потемневшей раме...
Хорошо невзрослой быть и сладко
О невзрослом плакать вечерами!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ АСЕ

Спи, царевна! Уж в долине
Колокол затих,
Уж коснулся сумрак синий
Башмачков твоих.

Чуть колышутся березы,
Ветерок свежей.
Ты во сне увидишь слезы
Брошенных пажей.

Тронет землю легким взмахом
Трепетный плюмаж.
Обо всем шепнет со страхом
Непокорный паж.

Будут споры... и уступки,
(Ах, нельзя без них!)
И коснутся чьи-то губки
Башмачков твоих.

ПОДРАСТАЮЩЕЙ

Опять за окнами снежок
Светло украсил ель...
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

Летят снежинки, льнут ко всем
И тают без числа...
Зачем, ты, глупая, зачем
Ее переросла?

В ней не давила тяжесть дней,
В ней так легко спалось!
Теперь глаза твои темней
И золото волос...

Широкий мир твой взгляд зажег,
Но счастье даст тебе ль?
Зачем переросла, дружок,
Свою ты колыбель?

ВОЛШЕБНИК

Непонятный учебник,
Чуть умолкли шаги, я на стул уронила скорей.
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, войти ли и хитро мигает волшебник.

До земли борода,
Темный плащ розоватым огнем отливает...
И стоит и кивает
И кивая глядит, а под каждою бровью — звезда.

Я навстречу и мигом
Незнакомому гостю свой стул подаю.
«Знаю мудрость твою,
Ведь и сам ты не друг непонятным и путаным книгам.

Я устала от книг!
Разве сердце от слов напечатанных бьется?»
Он стоит и смеется:
«Ты, шалунья, права! Я для деток веселый шутник.

Что для взрослых — вериги,
Для шалуньи, как ты, для свободной души — волшебство.
Так проси же всего!»
Я за шею его обняла: «Уничтожь мои книги!

Я веселья не вижу ни в чем,
Я на маму сержусь, я с учителем спорю.
Увези меня к морю!
Посильней обними и покрепче укутай плащом!

Надоевший учебник
Разве стоит твоих серебристых и пышных кудрей?»
Вдруг я вижу: стоит у дверей
И не знает, уйти ли и грустно кивает волшебник.

ПЕРВАЯ РОЗА

Девочка мальчику розу дарит,
Первую розу с куста.
Девочку мальчик целует в уста,
Первым лобзаньем дарит.

Солнышко скрылось, аллея пуста...
Стыдно в уста целовать!
Девочка, надо ли было срывать
Первую розу с куста?

ИСПОВЕДЬ

Улыбаясь, милым крошкой звали,
Для игры сажали на колени...
Я дрожал от их прикосновений
И не смел уйти, уже неправый.
А они упрямца для забавы
Целовали!

В их очах я видел океаны,
В их речах я пенье ночи слышал.
«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»
Сколько горечи в таких вопросах!
Ведь ко мне клонился в темных косах
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,
У дверей шепча с последней дрожью:
«Если да,— зачем же мучить ложью?
Если нет,— зачем же целовали?»
А они с улыбкою давали
Мне конфеты.

ДЕВОЧКА-СМЕРТЬ

Луна омывала холодный паркет
Молочной и ровной волной.
К горячей щеке прижимая букет,
Я сладко дремал под луной.

Сияньем и сном растревожен вдвойне,
Я сонные глазки открыл,
И девочка-смерть наклонилась ко мне,
Как розовый ангел без крыл.

На тоненькой шее дрожит медальон,
Румянец струится вдоль щек,
И видно бежала: чуть-чуть запылен
Ее голубой башмачок.

Затейлив узор золотой бахромы,
В кудрях бирюзовая нить.
«Ты — маленький мальчик, я — девочка: мы
Дорогою будем шалить.

Надень же (ты — рыцарь) мой шарф кружевной!»
Я молча ей подал букет...
Молочной и ровной, холодной волной
Луна омывала паркет.

МАЛЬЧИК-БРЕД

Алых роз и алых маков
Я принес тебе букет.
Я ни в чем не одинаков,
Я — веселый мальчик-бред.

Свечку желтую задую, —
Будет розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надену, словно царь.

Полно, царь ли? Я волшебник,
Повелитель сонных царств,
Исцеляющий лечебник
Без пилюль и без лекарств.

Что лекарства! Что пилюли!
Будем, детка, танцевать!
Уж летит верхом на стуле
Опустевшая кровать.

Алый змей шуршит и вьется,
А откуда,— мой секрет!
Я смеюсь, и всё смеется.
Я — веселый мальчик-бред!

ПРИНЦ И ЛЕБЕДИ

В тихий час, когда лучи неярки
И душа устала от людей,
В золотом и величавом парке
Я кормлю спокойных лебедей.

Догорел вечерний праздник неба.
(Ах, и небо устает пылать!)
Я стою, роняя крошки хлеба
В золотую, розовую гладь.

Уплывают беленькие крошки,
Покружась меж листьев золотых.
Тихий луч мои целует ножки
И дрожит на прядях завитых.

Затенен задумчивой колонной,
Я стою и наблюдаю я,
Как мой дар с печалью благосклонной
Принимают белые друзья.

В темный час, когда мы всё лелеем,
И душа томится без людей,
Во дворец по меркнущим аллеям
Я иду от белых лебедей.

ЗА КНИГАМИ

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая,— мне семь лет,
Я упряма,— это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возьмись за дело,
Домик строй».— «А где картон?»
«Что за тон?» — «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие — палачи,
Давид Копперфильд»...— «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки...
Огонечки фонарей...
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я все прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус соленого прилавка.

НЕРАВНЫЕ БРАТЬЯ

«Я колдун, а ты мой брат».
«Ты меня посадишь в яму!»
«Ты мой брат и ты не рад?»
«Спросим маму!»

«Хорошо, так ты солдат».
«Я всегда играл за даму!»
«Ты солдат и ты не рад?»
«Спросим маму!»

«Я придумал: акробат».
«Не хочу такого сраму!»
«Акробат — и ты не рад?»
«Спросим маму!»

СКУЧНЫЕ ИГРЫ

Глупую куклу со стула
Я подняла и одела.
Куклу я на пол швырнула:
В маму играть — надоело!

Не поднимаясь со стула
Долго я в книгу глядела.
Книгу я на пол швырнула:
В папу играть — надоело!

МЯТЕЖНИКИ

Что за мука и нелепость
Этот вечный страх тюрьмы!
Нас домой зовут, а мы
Строим крепость.

Как помочь такому горю?
Остается лишь одно:
Изловчиться — и в окно,
Прямо к морю!

Мы — свободные пираты,
Смелым быть — наш первый долг.
Ненавистный голос смолк.
За лопаты!

Слов не слышно в этом вое,
Ветер, море, — всё за нас.
Наша крепость поднялась,
Мы — герои!

Будет славное сраженье.
Ну, товарищи, вперед!
Враг не ждет, а подождет
Умноженье.

ЖИВАЯ ЦЕПОЧКА

Эти ручки кто расцепит,
Чья тяжелая рука?
Их цепочка так легка
Под умильный детский лепет.

Кто сплетенные разнимет?
Перед ними каждый — трус!
Эту тяжесть, этот груз
Кто у мамы с шеи снимет?

А удастся, — в миг у дочки
Будут капельки в глазах.
Будет девочка в слезах,
Будет мама без цепочки.

И умолкнет милый лепет,
Кто-то всхлипнет; скрипнет дверь...
Кто разнимет их теперь
Эти ручки, кто расцепит?

БАЯРД

За умноженьем — черепаха,
Зато чертенок за игрой,
Мой первый рыцарь был без страха,
Не без упрека, но герой!

Его в мечтах носили кони,
Он был разбойником в лесу,
Но приносил мне на ладони
С магнолий снятую росу.

Ему на шее загорелой
Я поправляла талисман,
И мне, как он чужой и смелой,
Он покорялся, атаман!

Улыбкой принц и школьник платьем,
С кудрями точно из огня,
Учителям он был проклятьем
И совершенством для меня!

За принужденье мстил жестоко, —
Великий враг чернил и парт!
И был, хотя не без упрека,
Не без упрека, но Баярд!

МАМА НА ДАЧЕ

Мы на даче: за лугом Ока серебрится,
Серебрится, как новый клинок.
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венок.

Наша мама не любит тяжелой прически, —
Только время и шпильки терять!
Тихий лучик упал сквозь березки
На одну шелковистую прядь.

В небе облачко плыло и плакало, тая.
Назвала его мама судьбой.
Наша мама теперь золотая,
А венок у нее голубой.

Два веночка на ней, два венка, в самом деле:
Из цветов, а другой из лучей.
Это мы васильковый надели,
А другой, золотистый — ничей.

Скоро вечер: за лесом луна загорится,
На плотах заблестят огоньки...
Наша мама сегодня царица,
На головке у мамы венки.

ЖАР-ПТИЦА

Максу Волошину

Нет возможности, хоть брось!
Что ни буква — клякса,
Строчка вкривь и строчка вкось,
Строчки веером, — все врозь!
Нету сил у Макса!

— «Барин, кушать!» Что еда!
Блюдо вечно блюдо
И вода всегда вода.
Что еда ему, когда
Ожидает чудо?

У больших об этом речь,
А большие правы.
Не спешит в постельку лечь,
Должен птицу он стеречь,
Богатырь кудрявый.

Уж часы двенадцать бьют,
(Бой промчался резкий),
Над подушкой сны встают
В складках занавески.

Промелькнет — не Рыба-Кит,
Трудно ухватиться!
Точно радуга блестит!
Почему же не летит
Чудная Жар-Птица?

Плакать — глупо. Он не глуп,
Он совсем не плакса,
Не надует гордых губ, —
Ведь Жар-Птица, а не суп
Ожидает Макса!

Как зарница! На хвосте
Золотые блестки!
Много птиц, да все не те...
На ресницах в темноте
Засияли слезки.

Он тесней к окну приник:
Серые фигуры...
Вдалеке унылый крик...
—В эту ночь он всё постиг,
Мальчик белокурый!

«ТАК»

«Почему ты плачешь?» — «Так».
«Плакать «так» смешно и глупо.
Зареветь, не кончив супа!
Отними от глаз кулак!

Если плачешь, есть причина.
Я отец и я не враг.
Почему ты плачешь?» — «Так».
«Ну, какой же ты мужчина?

Отними от глаз кулак!
Что за нрав такой? Откуда?
Рассержусь, и будет худо!
Почему ты плачешь?» — «Так».

МОЛИТВА В СТОЛОВОЙ

Самовар отшумевший заглох;
Погружается дом в полутьму.
Мне счастья не надо, — ему
Отдай мое счастье, Бог!

Зимний сумрак касается роз
На обоях и ярких углей.
Пошли ему вечер светлей,
Теплее, чем мне, Христос!

Я сдержу и улыбку и вздох,
Я с проклятием рук не сожму,
Но только — дай счастье ему,
О, дай ему счастье, Бог!

□ □ □

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

ЮНГЕ

Сыплют волны, с колесами споря,
Серебристые брызги вокруг.
Ни смущения в сердце, ни горя, —
Будь счастливым, мой маленький друг!

В синеву беспокойного моря
Выплывает отважный фрегат.
Ни смущения в сердце, ни горя, —
Будь счастливым, мой маленький брат!

ОЧАГ МУДРЕЦА

Не поэтом он был: в незнакомом
Не искал позабытых созвучий,
Без гнева на звезды и тучи
Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,
Уступала забвенью измена,
За окнами пышная пена
За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь — странно,
Мы не знаем грядущего мига!),
Что с колен его мудрая книга
На ковер соскользнула нежданно.

И комната стала каютой,
Где душа говорит с тишиною...
Он плыл, убаюкан волною,
Окруженный волненьем и смутой.

Дорогие, знакомые виды
Из рам потемневших кивали,
А за окнами там проплывали
И вздыхали, плывя, Нереиды.

ПУТЬ КРЕСТА

Сколько светлых возможностей ты погубил, не желая.
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд.
Лучезарного дня после стольких мучений ждала я,
Получила лишь крест.

Что горело во мне? Назови это чувство любовью,
Если хочешь, иль сном, только правды от сердца не скрой:
Я сумела бы, друг, подойти к твоему изголовью
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко и смело,
Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных книг.
Как больное дитя я тебя б убаюкать сумела
В неутешенный миг.

Сколько светлых возможностей, милый, и сколько смятений!
Было больше их в сердце, чем в небе сияющих звезд...
Но во имя твое я без слез — мне свидетели тени —
Поднимаю свой крест.

ПАМЯТЬЮ СЕРДЦА

Памятью сердца — венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером — нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
«Всё заживает», мне люди сказали...
Вечером — нет.

ДОБРЫЙ ПУТЬ!

В мои глаза несмело
Ты хочешь заглянуть.
За лугом солнце село...
Мой мальчик, добрый путь!

Любви при первой встрече
Отдайся и забудь.
Уж на балконе свечи...
Мой мальчик, добрый путь!

Успокоенье — сердцу,
Позволь ему уснуть!
Я распахнула дверцу...
Мой мальчик, добрый путь!

ПОБЕДА

Но и у нас есть волшебная чаша,
(В сонные дни вы потянетесь к ней!)
Но и у нас есть улыбка, и наша
Тайна темней.

Тень Эвридики и факел Гекаты, —
Всё промелькнет, исчезая в одном.
Наша победа: мы вечно богаты
Новым вином!

В РАЮ

Воспоминанье слишком давит плечи,
Я о земном заплачу и в раю,
Я старых слов при нашей новой встрече
Не утаю.

Где сонмы ангелов летают стройно,
Где арфы, лилии и детский хор,
Где всё покой, я буду беспокойно
Ловить твой взор.

Виденья райские с усмешкой провожая,
Одна в кругу невинно-строгих дев,
Я буду петь, земная и чужая,
Земной напев!

Воспоминанье слишком давит плечи,
Настанет миг, — я слез не утаю...
Ни здесь, ни там, — нигде не надо встречи,
И не для встреч проснемся мы в раю!

НИ ЗДЕСЬ, НИ ТАМ

Опять сияющим крестам
Поют хвалу колокола.
Я вся дрожу, я поняла,
Они поют: «и здесь и там».

Улыбка просится к устам,
Еще стремительней хвала...
Как ошибиться я могла?
Они поют: «не здесь, а там».

О, пусть сияющим крестам
Поют хвалу колокола...
Я слишком ясно поняла:
«Ни здесь, ни там... Ни здесь, ни там»...

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

О, я помню прощальные речи,
Их шептавшие помню уста.
«Только чистым даруются встречи.
Мы увидимся, будь же чиста».

Я учителю молча внимала.
Был он нежность и ласковость весь.
Он о «там» говорил, но как мало
Это «там» заменяло мне «здесь»!

Тишина посылается роком, —
Тем и вечны слова, что тихи.
Говорил он о самом глубоком,
Баратынского вспомнил стихи;

Говорил о игре отражений,
О лучах закатившихся звезд...
Я не помню его выражений,
Но улыбку я помню и жест.

Ни следа от былого недуга,
Не мучительно бремя креста.
Только чистые узрят друг друга, —
Мой любимый, я буду чиста!

НА ЗАРЕ

Их души неведомым счастьем
Баюкал предутренний гул.
Он с тайным и странным участьем
В их детские сны заглянул.

И, сладким предчувствием ранен
Каких-то безудержных гроз,
Спросил он, и был им так странен
Его непонятный вопрос.

Оне, притаясь, промолчали
И молча порвали звено...
За миг бесконечной печали
Да будет ему прощено!

□ □ □

И как прежде оне улыбались,
Обожая изменчивый дым;
И как прежде оне ошибались,
Улыбаясь ошибкам своим;

И как прежде оне безустанно
Отдавались нежданной волне.
Но по-новому грустно и странно
Вечерами молчали оне.

ЭПИЛОГ

Очарованье своих же обетов,
Жажда любви и незнанье о ней...
Что же осталось от блещущих дней?
Новый портрет в галерее портретов,
Новая тень меж теней.

Несколько строк из любимых поэтов,
Прелесть опасных, иных ступеней...
Вот и разгадка таинственных дней!
Лишний портрет в галерее портретов,
Лишняя тень меж теней.

НЕ В НАШЕЙ ВЛАСТИ

Возвращение в жизнь — не обман, не измена.
Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!» чуть дыша,
Все же сердце вернется из плена,
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,
(Разве может солгать, — ошибается бред!)
Но проходят недели, — мы живы,
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый
Нам казалось: на солнце навек пелена,
Нам казалось: подвинутся горы,
И погаснет луна.

В этот горестный миг — на печаль или радость —
Мы и душу и сердце, мы всё отдаем,
Прозревая великую сладость
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,
Мы томительно спим от зари до зари...
Но за дверью знакомые звуки:
«Мы пришли, отвори!»

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.
Наше сердце смеется над пленом,
И смеется душа!

РАСПЯТИЕ

Ты помнишь? Розовый закат
Ласкал дрожащие листы,
Кидая луч на темный скат
И темные кресты.

Лилось заката торжество,
Смывая боль и тайный грех,
На тельце нежное Того,
Кто распят был за всех.

Закат погас; в последний раз
Блеснуло золото кудрей,
И так светло взглянул на нас
Малютка Назарей.

Мой друг, незнанием томим,
Ты вдаль шагов не устреми:
Там правды нет! Будь вечно с Ним
И с нежными детьми.

И, если сны тебе велят
Идти к «безвестной красоте»,
Ты вспомни безответный взгляд
Ребенка на кресте.

ПРИВЕТ ИЗ БАШНИ

Скоро вечер: от тьмы не укрыться,
Чья-то тень замелькает в окне...
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

В неизвестном, в сияющем свете
Помяни незнакомку добром!
Уж играет изменчивый ветер
Золотым и зеленым пером.

Здесь оконца узорные узки,
Здесь и утром портреты в тени...
На зеленом, на солнечном спуске
Незнакомку добром помяни!

Видит Бог, от судьбы не укрыться.
Чья-то тень замелькала в окне...
Уезжай, уезжай же, мой рыцарь,
На своем золотистом коне!

РЕЗЕДА И РОЗА

Один маня, другой с полуугрозой,
Идут цветы блестящей чередой.
Мы на заре клянемся только розой,
Но в поздний час мы дышим резедой.

Один в пути пленяется мимозой,
Другому ландыш мил, блестя в росе. —
Но на заре мы дышим только розой,
Но резедою мы кончаем все!

ИТОГ ДНЯ

Ах, какая усталость под вечер!
Недовольство собою и миром и всем!
Слишком много я им улыбалась при встрече,
Улыбалась, не зная зачем.

Слишком много вопросов без жажды
За ответ заплатить возлиянием слез.
Говорили, гадали, и каждый
Неизвестность с собою унес.

Слишком много потупленных взоров,
Слишком много ненужных бесед в терему,
Вышивания бисером слишком ненужных узоров.
Вот гирлянда, вот ангел... К чему?

Ах, какая усталость! Как слабы
Наши лучшие сны! Как легка в обыденность ступень!
Я могла бы уйти, я замкнуться могла бы...
Я Христа предавала весь день!

МОЛИТВА ЛОДКИ

В тихую пристань, где зыблются лодки,
И отдыхают от бурь корабли,
Ты, Всемогущий, и Мудрый, и Кроткий,
Мне, утомленной и маленькой лодке,
Мирно приплыть повели.
В тихую пристань, где зыблются лодки,
И, отдыхая, грустят корабли.

5 Зак 199

ПРИЗРАК ЦАРЕВНЫ

С темной веткою шепчется ветка,
Под ногами ложится трава,
Где-то плачет сова...
Дай мне руку, пугливая детка!

Я с тобою, твой рыцарь и друг,
Ты тихонько дрожишь почему-то.
Не ломай своих рук,
А плащом их теплее закутай.

Много странствий он видел и чащ,
В нем от пуль неприятельских дыры.
Ты закутайся в плащ:
Здесь туманы ползучие сыры,

Здесь сгоришь на болотном огне!
Беззащитные руки ломая,
Ты напомнила мне
Ту царевну из дальнего мая,

Ту, любимую слишком давно,
Чьи уста, как рубины горели...
Предо мною окно
И головка в плену ожерелий.

Нежный взор удержать не сумел,
Я, обняв, оторвался жестоко...
Как я мог, как я смел
Погубить эту розу Востока!

С темной веткою шепчется ветка,
Небосклон предрассветный серей.
Дай мне руку скорей
На прощанье, пугливая детка!

ПИСЬМО НА РОЗОВОЙ БУМАГЕ

В какой-то дальней рейнской саге
Печальный юноша-герой
Сжигает позднею порой
Письмо на розовой бумаге.

И я, как рыцарь (без пера,
Увы, без шлема и без шпаги!),
Письмо на розовой бумаге
На канделябре сжег вчера.

Его в поход умчали флаги,
Фанфары смех и боя пыл,
И он, счастливый, позабыл
Письмо на розовой бумаге.

Оно погибло на огне,
Но шелестит при каждом шаге,
Письмо на розовой бумаге
Уж не на мне оно, — во мне!

Пусть забывает в дальней саге
Печальный рыцарь грусть свою, —
Ах, я в груди его таю,
Письмо на розовой бумаге!

ДВА ИСХОДА

1

Со мной в ночи шептались тени,
Ко мне ласкались кольца дыма,
Я знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов,
Куда-то вдаль спешили мимо.

Я трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Я не жила, — так было встарь.
Что было встарь, то будет снова.

2

С тобой в ночи шептались тени,
К тебе ласкались кольца дыма,
Ты знала тайны всех растений
И песни всех колоколов, —
А люди мимо шли без слов
Куда-то вдаль спешили мимо.

Ты трепетала каждой жилкой
Среди безмолвия ночного,
Над жизнью пламенной и пылкой
Держа задумчивый фонарь...
Ты не жила, — так было встарь.
Что было встарь, — не будет снова.

НА КОНЦЕРТЕ

Странный звук издавала в тот вечер старинная скрипка:
Человеческим горем — и женским! — звучал ее плач.
Улыбался скрипач.
Без конца к утомленным губам возвращалась улыбка.

Странный взгляд посылала к эстраде из сумрачной ложи
Незнакомая дама в уборе лиловых камней.
Взгляд картин и теней!
Неразгаданный взгляд, на рыдание скрипки похожий.

К инструменту летел он стремительно-властно и прямо.
Стон аккорда, — и вдруг оборвался томительный плач...
Улыбался скрипач,
Но глядела в партер — безучастно и весело — дама.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

«Не уходи», они шепнули с лаской,
«Будь с нами весь!
Ты видишь сам, какой нежданной сказкой
Ты встречен здесь».

«О, подожди», они просили нежно,
С мольбою рук.
«Смотри, темно на улицах и снежно...
Останься, друг!

О, не буди! На улицах морозно...
Нам нужен сон!»
Но этот крик последний слишком поздно
Расслышал он.

□ □ □

И уж опять они в полуистоме
О каждом сне волнуются тайком;
И уж опять в полууснувшем доме
Ведут беседу с давним дневником.

Опять под музыку на маленьком диване
Звенит-звучит таинственный рассказ

О рудниках, о мертвом караване,
О подземелье, где зарыт алмаз.

Улыбка сумерок, как прежде, в окна льется;
Как прежде, им о лампе думать лень;
И уж опять из темного колодца
Встает Ундины плачущая тень.

Да, мы по-прежнему мечтою сердце лечим,
В недетский бред вплетая детства нить,
Но близок день, — и станет грезить нечем,
Как и теперь уже нам нечем жить!

ДЕКАБРЬСКАЯ СКАЗКА

Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб о нем, ушедшем, не грустить,
Мы слишком стары!

Был замок розовый, как зимняя заря,
Как мир — большой, как ветер — древний.
Мы были дочери почти царя,
Почти царевны.

Отец — волшебник был, седой и злой;
Мы, рассердясь, его сковали;
По вечерам, склоняясь над золой,
Мы колдовали;

Оленя быстрого из рога пили кровь,
Сердца разглядывали в лупы...
А тот, кто верить мог, что есть любовь,
Казался глупый.

Однажды вечером пришел из тьмы
Печальный принц в одежде серой.
Он говорил без веры, ах, а мы
Внимали с верой.

Рассвет декабрьский глядел в окно,
Алели робким светом дали...
Ему спалось и было всё равно,
Что мы страдали!

Мы слишком молоды, чтобы забыть
Того, кто в нас развеял чары.
Но, чтоб опять так нежно полюбить —
Мы слишком стары!

ПОД НОВЫЙ ГОД

Встретим пришельца лампадкой,
Тихим и верным огнем.
Только ни вздоха украдкой,
Ни вздоха о нем!

Яркого света не надо,
Лампу совсем привернем.
Только о лучшем ни взгляда,
Ни взгляда о нем!

Пусть в треволненье беспечном
Год нам покажется днем!
Только ни мысли о вечном,
Ни мысли о нем!

Станем «сестричками» снова,
Крепче друг к другу прильнем.
Только о прошлом ни слова,
Ни слова о нем!

УГОЛЬКИ

В эту ночь он спать не лег,
Все писал при свечке.
Это видел в печке
Красный уголек.

Мальчик плакал и вздыхал
О другом сердечке.
Это в темной печке
Уголек слыхал.

Все чужие... Бог далек...
Не было б осечки!
Гаснет, гаснет в печке
Красный уголек.

ДИКАЯ ВОЛЯ

Я люблю такие игры,
Где надменны все и злы.
Чтоб врагами были тигры
И орлы!

Чтобы пел надменный голос:
«Гибель здесь, а там тюрьма!»
Чтобы ночь со мной боролась,
Ночь сама!

Я несусь, — за мною пасти,
Я смеюсь, — в руках аркан...
Чтобы рвал меня на части
Ураган!

Чтобы все враги — герои!
Чтоб войной кончался пир!
Чтобы в мире было двое:
Я и мир!

ГИМНАЗИСТКА

Я сегодня всю ночь не усну
От волшебного майского гула!
Я тихонько чулки натянула
И скользнула к окну.

Я — мятежница с вихрем в крови,
Признаю только холод и страсть я.
Я читала Бурже: нету счастья
Вне любви!

«Он» отвержен с двенадцати лет,
Только Листа играет и Грига,
Он умен и начитан, как книга,
И поэт!

За один его пламенный взгляд
На колени готова упасть я!
Но родители нашего счастья
Не хотят...

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

У нас за робостью лица
Скрывается иное.
Мы непокорные сердца.
Мы молоды. Нас трое.

Мы за уроком так тихи,
Так пламенны в манеже.
У нас похожие стихи
И сны одни и те же.

Служить свободе — наш девиз,
И кончить, как герои.
Мы тенью Шиллера клялись.
Мы молоды. Нас трое.

ПОКЛОННИК БАЙРОНА

Ему в окно стучатся розы,
Струится вкрадчивый аккорд...
Он не изменит гордой позы,
Поклонник Байрона, — он горд.

В саду из бархата и блесток
Шалит с пастушкою амур.
Не улыбается подросток,
Поклонник Байрона, — он хмур.

Чу! За окном плесканье весел,
На подоконнике букет...
Он задрожал, он книгу бросил.
Прости поклоннику, поэт!

«ОН БЫЛ СИНЕГЛАЗЫЙ И РЫЖИЙ...»

Костюмчик полинялый
Мелькает под горой.
Зовет меня на скалы
Мой маленький герой.

Уж открывает где-то
Зеленый глаз маяк.
Печально ждет ответа
Мой маленький моряк.

Уж в зеркале залива
Холодный серп блестит.
Вздыхает терпеливо
Мой маленький бандит.

Сердечко просит ласки, —
Тому виною март.
И вытирает глазки
Мой маленький Баярд.

ПОД ДОЖДЕМ

Медленный дождик идет и идет,
Золото мочит кудрей.
Девочка тихо стоит у дверей,
Девочка ждет.

Серые тучи, а думы серей,
Дума: «Придет? Не придет?»
Мальчик, иди же, беги же скорей:
Девочка ждет!

С каждым мгновеньем, летящим вперед,
Детское сердце мудрей.
Долго ли, мальчик, у первых дверей
Девочка ждет?

ПОСЛЕ ЧТЕНИЯ «LES RENCONTRES DE M. DE BRÉOT» REGNER[1]

Облачко бело, и мне в облака
Стыдно глядеть вечерами.
О, почему за дарами
К Вам потянулась рука?

Не выдает заколдованный лес
Ласковой тайны мне снова.
О, почему у земного
Я попросила чудес?

Чьи-то обиженно-строги черты
И укоряют в измене.
О, почему не у тени
Я попросила мечты?

Вижу, опять улыбнулось слегка
Нежное личико в раме.
О, почему за дарами
К вам потянулась рука?

Москва, 14 января 1911

ДЕКАБРЬ И ЯНВАРЬ

В декабре на заре было счастье,
Длилось – миг.
Настоящее, первое счастье
Не из книг!

В январе на заре было горе,
Длилось – час.
Настоящее, горькое горе
В первый раз!

[1] «Встречи господина де Брео» Ренье *(фр.)*.

СЛЕЗЫ

Слезы? Мы плачем о темной передней,
Где канделябра никто не зажег;
Плачем о том, что на крыше соседней
Стаял снежок;

Плачем о юных, о вешних березках,
О несмолкающем звоне в тени;
Плачем, как дети, о всех отголосках
В майские дни.

Только слезами мы путь обозначим
В мир упоений, не данный судьбой...
И над озябшим котенком мы плачем,
Как над собой.

Отнято все, — и покой и молчанье.
Милый, ты много из сердца унес!
Но не сумел унести на прощанье
Нескольких слез.

AETERNUM VALE[1]

Aeternum vale! Сброшен крест!
Иду искать под новым бредом
И новых бездн и новых звезд,
От поражения — к победам!

Aeternum vale! Дух окреп
И новым сном из сна разбужен.
Я вся — любовь, и мягкий хлеб
Дареной дружбы мне не нужен.

[1] Прощай навеки *(лат.)*.

Aeternum vale! В путь иной
Меня ведет иная твердость.
Меж нами вечною стеной
Неумолимо встала — гордость.

ДЕТСКИЙ ЮГ

В каждом случайном объятьи
Я вспоминаю ее,
Детское сердце мое,
Девочку в розовом платье.

Где-то в горах огоньки,
(Видно, душа над могилой).
Синие глазки у милой
И до плечей завитки.

Облаком пар из пекарен,
Воздух удушливый прян,
Где-то рокочет фонтан,
Что-то лопочет татарин.

Жмутся к холодной щеке
Похолодевшие губки;
Нежные ручки так хрупки
В похолодевшей руке...

В чьем опьяненном объятьи
Ты обрела забытье,
Лучшее сердце мое,
Девочка в розовом платье.

Гурзуф, Генуэзская крепость,
апрель 1911

ТОЛЬКО ДЕВОЧКА

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду—волк
И помнить: я—овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка,—молчу.
Ах, если бы и мне

Взглянув на звезды знать, что там
И мне звезда зажглась
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

ТВЕРСКАЯ

Вот и мир, где сияют витрины,
Вот Тверская,—мы вечно тоскуем о ней.
Кто для Аси нужнее Марины?
Милой Асеньки кто мне нужней?

Мы идем, оживленные, рядом,
Всё впивая: закат, фонари, голоса,
И под чьим-нибудь пристальным взглядом
Иногда опуская глаза.

Только нам огоньками сверкая,
Только наш он, московский вечерний апрель.

Взрослым – улица, нам же Тверская –
Полувзрослых сердец колыбель.

Колыбель золотого рассвета,
Удивления миру, что утром дано...
Вот окно с бриллиантами Тэта,
Вот с огнями другое окно...

Всё поймем мы чутьем или верой,
Всю подзвездную даль и небесную ширь!
Возвышаясь над площадью серой
Розовеет Страстной монастырь.

Мы идем, ни на миг не смолкая.
Все родные – слова, все родные – черты!
О, апрель незабвенный – Тверская,
Колыбель нашей юности ты!

В ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Звенят-поют, забвению мешая,
В моей душе слова: «пятнадцать лет».
О, для чего я выросла большая?
Спасенья нет!

Еще вчера в зеленые березки
Я убегала, вольная, с утра.
Еще вчера шалила без прически,
Еще вчера!

Весенний звон с далеких колоколен
Мне говорил: «Побегай и приляг!»
И каждый крик шалунье был позволен,
И каждый шаг!

Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
—Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.

ОБЛАЧКО

Облачко, белое облачко с розовым краем
Выплыло вдруг, розовея последним огнем.
Я поняла, что грущу не о нем,
И закат мне почудился—раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Вспыхнуло вдруг, отдаваясь вечерней судьбе.
Я поняла, что грущу о себе,
И закат мне почудился—раем.

Облачко, белое облачко с розовым краем
Кануло вдруг в беспредельность движеньем крыла.
Плача о нем, я тогда поняла,
Что закат мне—почудился раем.

РОЗОВЫЙ ДОМИК

Меж великанов-соседей, как гномик
Он удивлялся всему.
Маленький розовый домик,
Чем он мешал и кому?

Чуть потемнеет, в закрытые ставни
Тихо стучит волшебство.
Домик смиренный и давний,
Чем ты смутил и кого?

Там засмеются, мы смеху ответим.
Фея откроет Эдем...
Домик, понятный лишь детям,
Чем ты грешил, перед кем?

Лучшие радости с ним погребли мы,
Феи нырнули во тьму...
Маленький домик любимый,
Чем ты мешал и кому?

ДО ПЕРВОЙ ЗВЕЗДЫ

До первой звезды (есть ли звезды еще?
Ведь всё изменяет тайком!)
Я буду молиться — кому? — горячо,
Безумно молиться — о ком?

Молитва (равно ведь, о ком и кому!)
Растопит и вечные льды.
Я буду молиться в своем терему
До первой, до первой звезды!

БАРАБАН

В майское утро качать колыбель?
Гордую шею в аркан?
Пленнице — прялка, пастушке — свирель,
Мне — барабан.

Женская доля меня не влечет:
Скуки боюсь, а не ран!
Всё мне дарует, — и власть и почет
Мой барабан.

Солнышко встало, деревья в цвету...
Сколько невиданных стран!
Всякую грусть убивай на лету,
Бей, барабан!

Быть барабанщиком! Всех впереди!
Всё остальное – обман!
Что покоряет сердца на пути,
Как барабан?

В. Я. БРЮСОВУ

Улыбнись в мое «окно»,
Иль к шутам меня причисли, –
Не изменишь, все равно!
«Острых чувств» и «нужных мыслей»
Мне от Бога не дано.

Нужно петь, что все темно,
Что над миром сны нависли...
– Так теперь заведено. –
Этих чувств и этих мыслей
Мне от Бога не дано!

КОШКИ

Максу Волошину

Они приходят к нам, когда
У нас в глазах не видно боли.
Но боль пришла – их нету боле:
В кошачьем сердце нет стыда!

Смешно, не правда ли, поэт,
Их обучать домашней роли.
Они бегут от рабской доли:
В кошачьем сердце рабства нет!

Как ни мани, как ни зови,
Как ни балуй в уютной холе,
Единый миг—они на воле:
В кошачьем сердце нет любви!

МОЛИТВА МОРЮ

Солнце и звезды в твоей глубине,
Солнце и звезды вверху, на просторе.
Вечное море,
Дай мне и солнцу и звездам отдаться вдвойне.

Сумрак ночей и улыбку зари
Дай отразить в успокоенном взоре.
Вечное море,
Детское горе мое усыпи, залечи, раствори.

Влей в это сердце живую струю,
Дай отдохнуть от терпения—в споре.
Вечное море,
В мощные воды твои свой беспомощный дух предаю!

ЖАЖДА

Лидии Александровне Тамбурер

Наше сердце тоскует о пире
И не спорит и всё позволяет.
Почему же ничто в этом мире
Не утоляет?

И рубины, и розы, и лица, —
Всё вблизи безнадежно тускнеет.
Наше сердце о книги пылится,
Но не умнеет.

Вот и юг, — мы томились по зною...
Был он дерзок, — теперь умоляет...
Почему же ничто под луною
Не утоляет?

ДУША И ИМЯ

Пока огнями смеется бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!

В круженье вальса, под нежный вздох
Забыть не могу тоски я.
Мечты иные мне подал Бог:
Морские они, морские!

Поет огнями манящий зал,
Поет и зовет, сверкая.
Но душу Бог мне иную дал:
Морская она, морская!

ВОЛШЕБСТВО

Чуть полночь бьют куранты,
Сверкают диаманты,
Инкогнито пестро.
(Опишешь ли, перо,

Волшебную картину?)
Заслышав каватину,
Раздвинул паутину
Лукавый Фигаро.

Коралловые гребни
Вздымаются волшебней
Над клубом серых змей;
Но губки розовей,
Чем алые кораллы.
Под музыку из залы
Румянец бледно-алый
Нахлынул до бровей.

Везде румянец зыбкий,
На потолке улыбки,
Улыбки на стенах...
Откормленный монах
Глядит в бутылку с ромом.
В наречье незнакомом
Беседует с альбомом
Старинный альманах.

Саксонские фигурки
Устраивают жмурки.
«A vous, marquis, veuillez!»[1]
Хохочет chevalier[2]...
Бесшумней силуэты,
Безумней пируэты,
И у Антуанэты
Срывается колье!

[1] «Ваш черед, маркиз, извольте!» *(фр.)*.
[2] Рыцарь *(фр.)*.

НА ВОЗУ

Что за жалобная нота
Летней ночью стук телег!
Кто-то едет, для кого-то
Далеко ночлег.

Целый день шумели грабли
На откосе, на лужке.
Вожжи новые ослабли
В молодой руке.

Счастье видится воочью:
В небе звезды,—сны внизу.
Хорошо июльской ночью
На большом возу!

Завтра снова будет круто:
Знай работай, знай молчи.
Хорошо ему, кому-то,
На возу в ночи!

ВОЖДЯМ

Срок исполнен, вожди! На подмостки
Вам судеб и времен колесо!
Мой удел—с мальчуганом в матроске
Погонять золотое серсо.

Ураганом святого безумья
Поднимайтесь, вожди, над толпой!
Всё безумье отдам без раздумья
За весеннее: «Пой, птичка, пой».

ИЮЛЬ – АПРЕЛЮ

Как с задумчивых сосен струится смола,
Так текут ваши слезы в апреле.
В них весеннему дань и прости колыбели
И печаль молодого ствола.

Вы листочку сродни и зеленой коре,
Полудети еще и дриады.
Что деревья шумят, что журчат водопады
Понимали и мы – на заре!

Вам струистые кудри клонить в водоем,
Вам, дриадам, кружить по аллее...
Но и нас, своенравные девочки-феи,
Помяните в апреле своем!

ВЕСНА В ВАГОНЕ

Встают, встают за дымкой синей
Зеленые холмы.
В траве, как прежде, маргаритки,
И чьи-то глазки у калитки...
Но этой сказки героини
Апрельские – не мы!

Ты улыбнулась нам, Мария,
(Ты улыбалась снам!)
Твой лик, прозрачней анемоны,
Мы помним в пламени короны...
Но этой встречи феерия
Апрельская – не нам!

Гурзуф, 1 мая 1911

В СКВЕРЕ

Пылают щеки на ветру.
Он выбран, он король!
Бежит, зовет меня в игру.
«Я все игрушки соберу,
Ну, мамочка, позволь!»

«Еще простудишься!» — «Ну да!»
Как дикие бежим.
Разгорячились, — не беда,
Уж подружились навсегда
Мы с мальчиком чужим.

«Ты рисовать умеешь?» — «Нет,
А трудно?» — «Вот так труд!
Я нарисую твой портрет».
«А рассказать тебе секрет?»
«Скорей, меня зовут!»

«Не разболтаешь? Поклянись!»
Приоткрывает рот,
Остановился, смотрит вниз:
«Ужасно стыдно, отвернись!
Ты лучше всех, — ну вот».

Уж солнце скрылось на песке,
Бледнеют облака,
Шумят деревья вдалеке...
О, почему в моей руке
Не Колина рука!

ПОСЛЕ ГОСТЕЙ

Вот и уходят. Запели вдали
Жалобным скрипом ворота.
Грустная, грустная нота...
Вот и ушли.

Мама сережки сняла, — почему?
И отстегнула браслеты,
Спрятала в шкафчик конфеты,
Точно в тюрьму.

Красную мебель, отраду детей,
Мама в чехлы одевает...
Это всегда так бывает
После гостей!

КОНЕЦ СКАЗКИ

«Тает царевна, как свечка,
Руки сложила крестом,
На золотое колечко
Грустно глядит». — «А потом?»

«Вдруг за оградою — трубы!
Рыцарь летит со щитом.
Расцеловал ее в губы,
К сердцу прижал». — «А потом?»

«Свадьбу сыграли на диво
В замке ее золотом.
Время проводят счастливо,
Деток растят». — «А потом?»

БОЛЕЗНЬ

«Полюбился ландыш белый
Одинокой резеде.
Что зеваешь?» – «Надоело!»
«Где болит?» – «Нигде!»

«Забавлял ее на грядке
Болтовнею красный мак.
Что надулся?» – «Ландыш гадкий!»
«Почему?» – «Да так!»

«Видно счастье в этом маке,
Быть у красного в плену!..
Что смеешься?» – «Волен всякий!»
«Баловник!» – «Да ну?»

«Полюбился он невольно
Одинокой резеде.
Что вздыхаешь?» – «Мама, больно!»
«Где болит?» – «Везде!»

В СОННОМ ЦАРСТВЕ

Скрипнуло... В темной кладовке
Крысы поджали хвосты.
Две золотистых головки,
Шепот: «Ты спишь?» – «Нет, а ты?»

Вот задремала и свечка,
Дремлет в графине вода.
Два беспокойных сердечка,
Шепот: «Уйдем!» – «А куда?»

Добрые очи Страдальца
Грустно глядят с высоты.
Два голубых одеяльца,
Шепот: «Ты спишь?» – «Нет, а ты?»

БАБУШКИН ВНУЧЕК

Сереже

Шпагу, смеясь, подвесил,
Люстру потрогал – звон...
Маленький мальчик весел:
Бабушкин внучек он!

Скучно играть в портретной,
Девичья ждет, балкон.
Комнаты нет запретной:
Бабушкин внучек он!

Если в гостиной странной
Жутко ему колонн,
Может уснуть в диванной:
Бабушкин внучек он!

Светлый меж темных кресел
Мальчику снится сон.
Мальчик и сонный весел:
Бабушкин внучек он!

Коктебель, 13 мая 1911

ВЕНЕРА

Сереже

1

В небо ручонками тянется,
Строит в песке купола...
Нежно вечерняя странница
В небо его позвала.

Пусть на земле увядание,
Над колыбелькою крест!
Мальчик ушел на свидание
С самою нежной из звезд.

2

Ах, недаром лучше хлеба
Жадным глазкам балаган.
Темнокудрый мальчуган,
Он недаром смотрит в небо!

По душе ему курган,
Воля, поле, даль без меры...
Он рожден в лучах Венеры,
Голубой звезды цыган.

Коктебель, 18 мая 1911

КОНТРАБАНДИСТЫ И БАНДИТЫ

Сереже

Он после книги весь усталый,
Его пугает темнота...
Но это вздор! Его мечта —
Контрабандисты и кинжалы.

На наши ровные места
Глядит в окно глазами серны.
Контрабандисты и таверны
Его любимая мечта.

Он странно-дик, ему из школы
Не ждать похвального листа.
Что бедный лист, когда мечта —
Контрабандисты и пистолы!

Что все мирское суета
Пусть говорит аббат сердитый, —
Контрабандисты и бандиты
Его единая мечта!

Коктебель, Змеиный грот. 1911

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДАМА

Серый ослик твой ступает прямо,
Не страшны ему ни бездна, ни река...
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

Я для ослика достану хлеба,
(Не увидят, не услышат, — я легка!)
Я игрушек не возьму на небо...
Увези меня с собою в облака!

Из кладовки, чуть задремлет мама,
Я для ослика достану молока.
Милая Рождественская дама,
Увези меня с собою в облака!

БЕЛОСНЕЖКА

Александру Давидовичу Топольскому

Спит Белоснежка в хрустальном гробу.
Карлики горько рыдают, малютки.
Из незабудок веночек на лбу
И на груди незабудки.

Ворон — печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Плачется карлик в смешном колпаке,
Плачется: «Плохо ее берегли мы!»
Белую ленту сжимает в руке
Маленький карлик любимый.

Средний — печальный играет в трубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

Старший у гроба стоит на часах,
Смотрит и ждет, не мелькнет ли усмешка.
Спит Белоснежка с венком в волосах,
Не оживет Белоснежка!

Ворон — печальный сидит на дубу.
Спит Белоснежка в хрустальном гробу.

ДЕТСКИЙ ДЕНЬ

Утро... По утрам мы
Пасмурны всегда.
Лучшие года
Отравляют гаммы.

Ждет опасный путь,
Бой и бриллианты, —

Скучные диктанты
Не дают вздохнуть!

Сумерки... К вечерне
Слышен дальний звон.
Но не доплетен
Наш венец из терний.

Слышится: «раз, два!»
И летят из детской
Песенки немецкой
Глупые слова.

ПРИЕЗД

Возгласами звонкими
Полон экипаж.
Ах, когда же вынырнет
С белыми колонками
Старый домик наш!

В экипаже песенки,
(Каждый о своем!)
Вот аллея длинная,
А в конце у лесенки
Синий водоем.

«Тише вы, проказники!»
И творит кресты,
Плачет няня старая.
Ворота́, как в праздники,
Настежь отперты.

Вышла за колонки я, —
Радостно до слез!
А вверху качаются
Юные и тонкие
Веточки берез.

ПАРОМ

Темной ночью в тарантасе
Едем с фонарем.
«Ася, спишь?» Не спится Асе:
Впереди паром!

Едем шагом (в гору тяжко),
В сонном поле гром.
«Ася, слышишь?» Спит бедняжка,
Проспала паром!

В темноте Ока блеснула
Жидким серебром.
Ася глазки разомкнула...
«Подавай паром!»

ОСЕНЬ В ТАРУСЕ

Ясное утро не жарко,
Лугом бежишь налегке.
Медленно тянется барка
Вниз по Оке.

Несколько слов поневоле
Всё повторяешь подряд.
Где-то бубенчики в поле
Слабо звенят.

В поле звенят? На лугу ли?
Едут ли на молотьбу?
Глазки на миг заглянули
В чью-то судьбу.

Синяя даль между сосен,
Говор и гул на гумне...

6 Зак 199

И улыбается осень
Нашей весне.

Жизнь распахнулась, но всё же...
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, Боже!
Господи, как далеки!

ОКА

1

Волшебство немецкой феерии,
Темный вальс, немецкий и простой...
А луга покинутой России
Зацвели куриной слепотой.

Милый луг, тебя мы так любили,
С золотой тропинкой у Оки...
Меж стволов снуют автомобили, —
Золотые майские жуки.

2

Ах, золотые деньки!
Где уголки потайные,
Где вы, луга заливные
Синей Оки?

Старые липы в цвету,
К взрослому миру презренье
И на жаровне варенье
В старом саду.

К Богу идут облака;
Лентой холмы огибая,
Тихая и голубая
Плещет Ока.

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, —
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.

3

Всё у Боженьки — сердце! Для Бога
Ни любви, ни даров, ни хвалы...
Ах, золотая дорога!
По бокам молодые стволы!

Что мне трепет архангельских крылий?
Мой утраченный рай в уголке,
Где вереницею плыли
Золотые плоты по Оке.

Пусть крыжовник незрелый, несладкий, —
Без конца шелухи под кустом!
Крупные буквы в тетрадке,
Поцелуи без счета потом.

Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.

4

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О, дни, где утро было рай
И полдень рай и все закаты!

Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы...

5

В светлом платьице, давно-знакомом,
Улыбнулась я себе из тьмы.
Старый сад шумит за старым домом...
Почему не маленькие мы?

Почернела дождевая кадка,
Вензеля на рубчатой коре,
Заросла крокетная площадка,
Заросли тропинки на дворе...

Не целуй! Скажу тебе, как другу:
Целовать не надо у Оки!
Почему по скошенному лугу
Не помчаться наперегонки?

Мы вдвоем, но, милый, не легко мне, —
Невозвратное меня зовет!
За Окой стучат в каменоломне,
По Оке минувшее плывет...

Вечер тих, — не надо поцелуя!
Уж на клумбах задремал левкой...
Только клумбы пестрые люблю я
И каменоломню над Окой.

НА РАДОСТЬ

С. Э.

Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
Всё зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете...
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!

Солнце жжет, — на север с юга,
Или на луну!
Им очаг и бремя плуга,
Нам простор и зелень луга...
Милый, милый, друг у друга
Мы навек в плену!

ГЕРЦОГ РЕЙХШТАДТСКИЙ

Из светлого круга печальных невест
Не раз долетали призывы.
Что нежные губы! Вздымались до звезд
Его молодые порывы!

Что жалобы скрипок, что ночи, как мед,
Что мертвые статуи в парке?
Иному навстречу! Победа не ждет,
Не ждут триумфальные арки.

Пусть пламенем пестрым кипит маскарад,
Пусть шутит с ним дед благосклонный,
Пусть кружатся пары, — на Сене парад,
Парад у Вендомской колонны!

Родному навстречу! Как пламя лицо,
В груди раскаленная лава.
И нежно сомкнула, вручая кольцо,
Глаза ему юная слава.

ЗИМА

Мы вспоминаем тихий снег,
Когда из блеска летней ночи
Нам улыбнутся старческие очи
Под тяжестью усталых век.

Ах, ведь и им, как в наши дни,
Казались все луга иными.
По вечерам в волнисто-белом дыме
Весной тонули и они.

В раю затепленным свечам
Огни земли казались грубы.
С безумной грустью розовые губы
О них шептались по ночам.

Под тихим пологом зимы
Они не плачут об апреле,
Чтобы без слез отчаянья смотрели
В лицо минувшему и мы.

Из них судьба струит на нас
Успокоенье мудрой ночи, —
И мне дороже старческие очи
Открытых небу юных глаз.

РОЗОВАЯ ЮНОСТЬ

С улыбкой на розовых лицах
Стоим у скалы мы во мраке.
Сгорело бы небо в зарницах
При первом решительном знаке,
И рухнула в бездну скала бы
При первом решительном стуке...
— Но, если б вы знали, как слабы
У розовой юности руки.

ПОЛНОЧЬ

Снова стрелки обежали целый круг:
Для кого-то много счастья позади.
Подымается с мольбою сколько рук!
Сколько писем прижимается к груди!

Где-то кормчий наклоняется к рулю,
Кто-то бредит о короне и жезле,
Чьи-то губы прошептали: «не люблю»,
Чьи-то локоны запутались в петле.

Где-то свищут, где-то рыщут по кустам,
Где-то пленнику приснились палачи,
Там, в ночи, кого-то душат, там
Зажигаются кому-то три свечи.

Там, над капищем безумья и грехов,
Собирается великая гроза,
И над томиком излюбленных стихов
Чьи-то юные печалятся глаза.

НЕРАЗЛУЧНОЙ В ДОРОГУ

Стоишь у двери с саквояжем.
Какая грусть в лице твоем!
Пока не поздно, хочешь, скажем
В последний раз стихи вдвоем.

Пусть повторяет общий голос
Доныне общие слова,
Но сердце на два раскололось.
И общий путь — на разных два.

Пока не поздно, над роялем,
Как встарь, головку опусти.
Двойным улыбкам и печалям
Споем последнее прости.

Пора! завязаны картонки,
В ремни давно затянут плед...
Храни Господь твой голос звонкий
И мудрый ум в шестнадцать лет!

Когда над лесом и над полем
Все небеса замрут в звездах,
Две неразлучных к разным долям
Помчатся в разных поездах.

БОНАПАРТИСТЫ

Длинные кудри склонила к земле,
Словно вдова молчаливо.
Вспомнилось, — там, на гранитной скале,
Тоже плакучая ива.

Бедная ива казалась сестрой
Царскому пленнику в клетке,

И улыбался плененный герой,
Гладя пушистые ветки.

День Аустерлица – обман, волшебство,
Легкая пена прилива...
«Помните, там на могиле Его
Тоже плакучая ива.

С раннего детства я – сплю и не сплю –
Вижу гранитные глыбы».
«Любите? Знаете?» – «Знаю! Люблю!»
«С Ним в заточенье пошли бы?»

«За Императора – сердце и кровь,
Всё – за святые знамена!»
Так началась роковая любовь
Именем Наполеона.

КОНЬКОБЕЖЦЫ

Асе и Борису

Башлык откинула на плечи:
Смешно кататься в башлыке!
Смеется, – разве на катке
Бывают роковые встречи?

Смеясь над «встречей роковой»,
Светло сверкают два алмаза,
Два широко раскрытых глаза
Из-под опушки меховой.

Все удается, все фигуры!
Ах, эта музыка и лед!
И как легко ее ведет
Ее товарищ белокурый.

Уж двадцать пять кругов подряд
Они летят по синей глади.
Ах, из-под шапки эти пряди!
Ах, исподлобья этот взгляд!

. . . .

Поникли узенькие плечи
Ее, что мчалась налегке.
Ошиблась, Ася: на катке
Бывают роковые встречи!

ПЕРВЫЙ БАЛ

О, первый бал – самообман!
Как первая глава романа,
Что по ошибке детям дан,
Его просившим слишком рано,

Как радуга в струях фонтана
Ты, первый бал, – самообман.
Ты, как восточный талисман,
Как подвиги в стихах Ростана.

Огни сквозь розовый туман,
Виденья пестрого экрана...
О, первый бал – самообман!
Незаживающая рана!

СТАРУХА

Слово странное — старуха!
Смысл неясен, звук угрюм,
Как для розового уха
Темной раковины шум.

В нем — непонятое всеми,
Кто мгновения экран.
В этом слове дышит время
В раковине — океан.

ДОМИКИ СТАРОЙ МОСКВЫ

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пяльцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,

Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

«ПРОСТИ» ВОЛШЕБНОМУ ДОМУ

В неосвещенной передней я
Молча присела на ларь.
Темный узор на портьере,
С медными ручками двери...
В эти минуты последние
Все полюбилось, как встарь.

Был заповедными соснами
В темном бору вековом
Прежде наш домик любимый.
Нежно его берегли мы,
Дом с небывалыми веснами,
С дивными зимами дом.

Первые игры и басенки
Быстро сменились другим.
Дом притаился волшебный,
Стали большими царевны.
Но для меня и для Асеньки
Был он всегда дорогим.

Зала от сумрака синяя,
Жажда великих путей,
Пренебреженье к науке,
Переплетенные руки,
Светлые замки из инея
И ожиданье гостей.

Возгласы эти и песенки
Чуть раздавался звонок!
Чье-нибудь близко участье?
Господи, может быть счастье?
И через залу по лесенке
Стук убегающих ног...

НА ВОКЗАЛЕ

Два звонка уже и скоро третий,
Скоро взмах прощального платка...
Кто поймет, но кто забудет эти
Пять минут до третьего звонка?

Решено за поездом погнаться,
Все цветы любимой кинуть вслед.
Наимладшему из них тринадцать,
Наистаршему под двадцать лет.

Догонять ее, что станет силы,
«Добрый путь» кричать до хрипоты.
Самый младший не сдержался, милый:
Две слезинки капнули в цветы.

Кто мудрец, забыл свою науку,
Кто храбрец, забыл свое: «вою́й!»
«Ася, руку мне!» и «Ася, руку!»
(Про себя тихонько: «Поцелуй!»)

Поезд тронулся — на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

Брестский вокзал,
3 декабря 1911

ИЗ СКАЗКИ – В СКАЗКУ

Все твое: тоска по чуду,
Вся тоска апрельских дней,
Все, что так тянулось к небу, –
Но разумности не требуй.
Я до самой смерти буду
Девочкой, хотя твоей.

Милый, в этот вечер зимний
Будь, как маленький, со мной.
Удивляться не мешай мне,
Будь, как мальчик, в страшной тайне
И остаться помоги мне
Девочкой, хотя женой.

ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОКУРОРАМ

Всё таить, чтобы люди забыли,
Как растаявший снег и свечу?
Быть в грядущем лишь горсточкой пыли
Под могильным крестом? Не хочу!

Каждый миг, содрогаясь от боли,
К одному возвращаюсь опять:
Навсегда умереть! Для того ли
Мне судьбою дано всё понять?

Вечер в детской, где с куклами сяду,
На лугу паутинную нить,
Осужденную душу по взгляду...
Всё понять и за всех пережить!

Для того я (в проявленном – сила)
Всё родное на суд отдаю,
Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.

В. Я. БРЮСОВУ

Я забыла, что сердце в вас — только ночник,
Не звезда! Я забыла об этом!
Что поэзия ваша из книг
И из зависти — критика. Ранний старик,
Вы опять мне на миг
Показались великим поэтом...

1912

□ □ □

Он приблизился, крылатый,
И сомкнулись веки над сияньем глаз.
Пламенная — умерла ты
В самый тусклый час.

Что искупит в этом мире
Эти две последних, медленных слезы?
Он задумался. — Четыре
Выбили часы.

Незамеченный он вышел,
Слово унося важнейшее из слов.
Но его никто не слышал —
Твой предсмертный зов!

Затерялся в море гула
Крик, тебе с душою разорвавший грудь.
Розовая, ты тонула
В утреннюю муть...

Москва, 1912

□ □ □

Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.

Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.

Не увидят на лице:
«Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все».

В платье белоснежном — с детства
Нелюбимый цвет! —
Лягу — с кем-то по соседству? —
До скончанья лет.

Слушайте! — Я не приемлю!
Это — западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.

Знаю! — Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.

Москва, весна 1913

□ □ □

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет —
Что звали меня Мариной
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была,* прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед:
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

Коктебель, 3 мая 1913

□ □ □

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Коктебель, 13 мая 1913

□ □ □

Солнцем жилки налиты — не кровью —
На руке, коричневой уже.
Я одна с моей большой любовью
К собственной моей душе.

Жду кузнечика, считаю до ста,
Стебелек срываю и жую...
— Странно чувствовать так сильно
и так просто
Мимолетность жизни — и свою.

15 мая 1913

□ □ □

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растраченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

□ □ □

Сердце, пламени капризней,
В этих диких лепестках,
Я найду в своих стихах
Все, чего не будет в жизни.

Жизнь подобна кораблю:
Чуть испанский замок — мимо!
Все, что неосуществимо,
Я сама осуществлю.

Всем случайностям навстречу!
Путь — не все ли мне равно?
Пусть ответа не дано, —
Я сама себе отвечу!

С детской песней на устах
Я иду — к какой отчизне?
— Все, чего не будет в жизни
Я найду в своих стихах!

Коктебель, 22 мая 1913

□ □ □

Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:

«Шалость — жизнь мне, имя — шалость.
Смейся, кто не глуп!»
И не видели усталость
Побледневших губ.

Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
— Слишком розовой и юной
Я была для Вас!

Тающая легче снега,
Я была — как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,

Скрип песка под зубом, или
Стали по стеклу...
— Только Вы не уловили
Грозную стрелу

Легких слов моих, и нежность
Гнева напоказ...
—Каменную безнадежность
Всех моих проказ!

29 мая 1913

□ □ □

Я сейчас лежу ничком
—Взбешенная! —на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
—Слышите, мой ученик?—

В золоте и в серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
—Слышите, мой ученик?

И безудержно—мой конь
Любит бешеную скачку!—
Я метала бы в огонь
Прошлое—за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
—Слышите, мой ученик?—

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда,—
Господи, какое чудо
Я бы сделала из Вас!

Юношей воскрес старик!
—Слышите, мой ученик?—

А когда бы Вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки.

Чувствуя, что ты — велик!
— Слышите, мой ученик?

1 июня 1913

□ □ □

Идите же! — Мой голос нем
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!
Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.

И не оспаривает Вас
Высокородный стих.
Вы можете — из-за других —
Моих не видеть глаз,

Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуять сил...
Какого демона во мне
Ты в вечность упустил!

Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла.

11 июля 1913

АСЕ

1

Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте, в каждом взгляде,
в каждом слове. —
Две сестры.

Своенравна наша ласка
И тонка,
Мы из старого Дамаска —
Два клинка.

Прочь, гумно и бремя хлеба,
И волы!
Мы — натянутые в небо
Две стрелы!

Мы одни на рынке мира
Без греха.
Мы — из Вильяма Шекспира
Два стиха.

11 июля 1913

2

Мы — весенняя одежда
Тополей,
Мы — последняя надежда
Королей.

Мы на дне старинной чаши,
Посмотри:
В ней твоя заря, и наши
Две зари.

И прильнув устами к чаше,
Пей до дна.
И на дне увидишь наши
Имена.

Светлый взор наш смел и светел
И во зле.
– Кто из вас его не встретил
На земле?

Охраняя колыбель и мавзолей,
Мы – последнее виденье
Королей.

11 июля 1913

СЕРГЕЮ ЭФРОН-ДУРНОВО

1

Есть такие голоса,
Что смолкаешь, им не вторя,
Что предвидишь чудеса.
Есть огромные глаза
Цвета моря.

Вот он встал перед тобой:
Посмотри на лоб и брови
И сравни его с собой!
То усталость голубой,
Ветхой крови.

Торжествует синева
Каждой благородной веной.
Жест царевича и льва
Повторяют кружева
Белой пеной.

Вашего полка – драгун,
Декабристы и версальцы!

И не знаешь — так он юн —
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

Коктебель, 19 июля 1913

2

Как водоросли Ваши члены,
Как ветви мальмэзонских ив...
Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив

На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз.

Летели солнечные стрелы
И волны — бешеные львы.
Так Вы лежали, слишком белый
От нестерпимой синевы...

А за спиной была пустыня
И где-то станция Джанкой...
И тихо золотилась дыня
Под Вашей длинною рукой.

Так, драгоценный и спокойный,
Лежите, взглядом не даря,
Но взглянете — и вспыхнут войны,
И горы двинутся в моря,

И новые зажгутся луны,
И лягут радостные львы —
По наклоненью Вашей юной,
Великолепной головы.

1 августа 1913

БАЙРОНУ

Я думаю об утре Вашей славы,
Об утре Ваших дней,
Когда очнулись демоном от сна Вы
И богом для людей.

Я думаю о том, как Ваши брови
Сошлись над факелами Ваших глаз,
О том, как лава древней крови
По Вашим жилам разлилась.

Я думаю о пальцах — очень длинных —
В волнистых волосах,
И обо всех — в аллеях и в гостиных —
Вас жаждущих глазах.

И о сердцах, которых — слишком юный —
Вы не имели времени прочесть
В те времена, когда всходили луны
И гасли в Вашу честь.

Я думаю о полутемной зале,
О бархате, склоненном к кружевам,
О всех стихах, какие бы сказали
Вы — мне, я — Вам.

Я думаю еще о горсти пыли,
Оставшейся от Ваших губ и глаз...
О всех глазах, которые в могиле.
О них и нас.

Ялта, 24 сентября 1913

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Я подымаюсь по белой дороге,
Пыльной, звенящей, крутой.
Не устают мои легкие ноги
Выситься над высотой.

Слева — крутая спина Аю-Дага,
Синяя бездна — окрест.
Я вспоминаю курчавого мага
Этих лирических мест.

Вижу его на дороге и в гроте...
Смуглую руку у лба...
— Точно стеклянная на повороте
Продребезжала арба... —

Запах — из детства — какого-то дыма
Или каких-то племен...
Очарование прежнего Крыма
Пушкинских милых времен.

Пушкин! — Ты знал бы по первому взору,
Кто у тебя на пути.
И просиял бы, и под руку в гору
Не предложил мне идти.

Не опираясь о смуглую руку,
Я говорила б, идя,
Как глубоко презираю науку
И отвергаю вождя,

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны,
— Каждого встречного пса! —

Полуулыбки в ответ на вопросы,
И молодых королей...
Как я люблю огонек папиросы
В бархатной чаще аллей,

Комедиантов и звон тамбурина,
Золото и серебро,
Неповторимое имя: Марина,
Байрона и болеро,

Ладанки, карты, флаконы и свечи,
Запах кочевий и шуб,
Лживые, в душу идущие, речи
Очаровательных губ.

Эти слова: никогда и навеки,
За колесом — колею...
Смуглые руки и синие реки,
— Ах, — Мариулу твою! —

Треск барабана — мундир властелина —
Окна дворцов и карет,
Рощи в сияющей пасти камина,
Красные звезды ракет...

Вечное сердце свое и служенье
Только ему, Королю!
Сердце свое и свое отраженье
В зеркале... — Как я люблю...

Кончено... — Я бы уж не говорила,
Я посмотрела бы вниз...
Вы бы молчали, так грустно, так мило
Тонкий обняв кипарис.

Мы помолчали бы оба — не так ли? —
Глядя, как где-то у ног,
В милой какой-нибудь маленькой сакле
Первый блеснул огонек.

И — потому что от худшей печали
Шаг — и не больше — к игре! —
Мы рассмеялись бы и побежали
За руку вниз по горе.

1 октября 1913

АЛЯ

Ах, несмотря на гаданья друзей,
Будущее — непроглядно.
В платьице — твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.

Аля! — Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: не троньте.
Будет день —

Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда летя вперед,
— Своенравно! — Без запрета! —
С ветром в комнату войдет —
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
И волшебную, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена...

Целый день — на скакуне,
А ночами — черный кофе,
Лорда Байрона в огне
Тонкий профиль.

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста.

Прелесть двух огромных глаз,
—Их угроза—их опасность—
Недоступность—гордость—страстность
В первый раз...

Благородным без границ
Станет профиль—слишком белый,
Слишком длинными ресниц
Станут стрелы.

Слишком грустными—углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных—
Слишком злы.

—Ворожит мое перо!
Аля!—Будет всё, что было:
Так же ново и старо,
Так же мило.

Будет—с сердцем не воюй,
Грудь Дианы и Минервы!—
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

Будет «он»—ему сейчас
Года три или четыре...
—Аля!—Это будет в мире—
В первый раз.

Феодосия, 13 ноября 1913

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё — как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

— К вам всем — что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду *да* и *нет*,
За то, что мне так часто — слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне — прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

□ □ □

Быть нежной, бешеной и шумной,
— Так жаждать жить! —
Очаровательной и умной, —
Прелестной быть!

Нежнее всех, кто есть и были,
Не знать вины...
— О возмущенье, что в могиле
Мы все равны!

Стать тем, что никому не мило,
— О, стать как лед! —
Не зная ни того, что было,
Ни что придет,

Забыть, как сердце раскололось
И вновь срослось,
Забыть свои слова и голос,
И блеск волос.

Браслет из бирюзы старинной —
На стебельке,
На этой узкой, этой длинной
Моей руке...

Как зарисовывая тучку
Издалека,
За перламутровую ручку
Бралась рука,

Как перепрыгивали ноги
Через плетень,
Забыть, как рядом по дороге
Бежала тень.

Забыть, как пламенно в лазури,
Как дни тихи...
— Все шалости свои, все бури
И все стихи!

Мое свершившееся чудо
Разгонит смех.
Я, вечно-розовая, буду
Бледнее всех.

И не раскроются — так надо —
— О, пожалей! —
Ни для заката, ни для взгляда,
Ни для полей —

Мои опущенные веки.
— Ни для цветка! —
Моя земля, прости навеки,
На все века.

И так же будут таять луны
И таять снег,
Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

Феодосия, Сочельник 1913

ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок — самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как — мне кажется — могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие —
И весело переходили
В небытие.

Феодосия, 26 декабря 1913

В ОТВЕТ НА СТИХОТВОРЕНИЕ

Горько таить благодарность
И на чуткий призыв отозваться не сметь,
В приближении видеть коварность
И где правда, где ложь угадать не суметь.

Горько на милое слово
Принужденно шутить, одевая ответы в броню.
Было время — я жаждала зова
И ждала, и звала. (Я того, кто не шел, — не виню).

Горько и стыдно скрываться,
Не любя, но ценя и за ценного чувствуя боль,
На правдивый призыв не суметь отозваться, —
Тяжело мне играть эту первую женскую роль!

⟨1913 – 1914⟩

□ □ □

Ты, чьи сны еще непробудны,
Чьи движенья еще тихи,
В переулок сходи Трехпрудный,
Если любишь мои стихи.

О, как солнечно и как звездно
Начат жизненный первый том,
Умоляю — пока не поздно,
Приходи посмотреть наш дом!

Будет скоро тот мир погублен,
Погляди на него тайком,
Пока тополь еще не срублен
И не продан еще наш дом.

Этот тополь! Под ним ютятся
Наши детские вечера.
Этот тополь среди акаций
Цвета пепла и серебра.

Этот мир невозвратно-чудный
Ты застанешь еще, спеши!
В переулок сходи Трехпрудный,
В эту душу моей души.

⟨1913⟩

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Сам не ведая как,
Ты слетел без раздумья,
Знак любви и безумья,
Восклицательный знак!

Застающий врасплох
Тайну каждого........
. . . .
Заключительный вздох!

В небо кинутый флаг —
Вызов смелого жеста.
Знак вражды и протеста,
Восклицательный знак!

⟨1913⟩

□ □ □

Взгляните внимательно и если возможно — нежнее,
И если возможно — подольше с нее не сводите очей,
Она перед вами — дитя с ожерельем на шее
И локонами до плечей.

В ней — все, что вы любите, все, что, летя вокруг света,
Вы уже не догоните — как поезда ни быстры.
Во мне говорят не влюбленность поэта
И не гордость сестры.

Зовут ее Ася: но лучшее имя ей—пламя,
Которого не было, нет и не будет вовеки ни в ком.
И помните лишь, что она не навек перед вами.
Что все мы умрем...

1913

□ □ □

В тяжелой мантии торжественных обрядов,
Неумолимая, меня не встреть.
На площади, под тысячами взглядов,
Позволь мне умереть.

Чтобы лился на волосы и в губы
Полуденный огонь.
Чтоб были флаги, чтоб гремели трубы
И гарцевал мой конь.

Чтобы церквей сияла позолота,
В раскаты грома превращался гул,
Чтоб из толпы мне юный кто-то
И кто-то маленький кивнул.

В лице младенца ли, в лице ли рока
Ты явишься—моя мольба тебе:
Дай умереть прожившей одиноко
Под музыку в толпе.

Феодосия, 1913

□ □ □

Вы родились певцом и пажем.
Я — с золотом в кудрях.
Мы — молоды, и мы еще расскажем
О королях.

Настроив лютню и виолу,
Расскажем в золоте сентябрьских аллей,
Какое отвращение к престолу
У королей.

В них — демон самообороны,
Величия их возмущает роль, —
И мой король не выдержит корону,
Как ваш король.

Напрасно перед их глазами
Мы простираемся в земной пыли, —
И — короли — они не знают сами,
Что — короли!

1913

Макс Волошин первый был,
Нежно Майенку любил,
Предприимчивый Бальмонт
Звал с собой за горизонт,
Вячеслав Иванов сам
Пел над люлькой по часам:
Баю-баюшки-баю,
Баю Майенку мою.

1913

В огромном липовом саду,
— Невинном и старинном —
Я с мандолиною иду,
В наряде очень длинном,

Вдыхая теплый запах нив
И зреющей малины,
Едва придерживая гриф
Старинной мандолины,

Пробором кудри разделив...
— Тугого шелка шорох,
Глубоко-вырезанный лиф
И юбка в пышных сборах. —

Мой шаг изнежен и устал,
И стан, как гибкий стержень,
Склоняется на пьедестал,
Где кто-то ниц повержен.

Упавшие колчан и лук
На зелени — так белы!
И топчет узкий мой каблук
Невидимые стрелы.

А там, на маленьком холме,
За каменной оградой,
Навеки отданный зиме
И веющий Элладой,

Покрытый временем, как льдом,
Живой каким-то чудом —
Двенадцатиколонный дом
С террасами, над прудом.

Над каждою колонной в ряд
Двойной взметнулся локон,
И бриллиантами горят
Его двенадцать окон.

Стучаться в них — напрасный труд:
Ни тени в галерее,
Ни тени в залах. — Сонный пруд
Откликнется скорее.

«О, где Вы, где Вы, нежный граф?
О, Дафнис, вспомни Хлою!»
Вода волнуется, приняв
Живое – за былое.

И принимает, лепеча,
В прохладные объятья –
Живые розы у плеча
И розаны на платье,

Уста, еще алее роз,
И цвета листьев – очи...
– И золото моих волос
В воде еще золоче.

О день без страсти и без дум,
Старинный и весенний.
Девического платья шум
О ветхие ступени...

2 января 1914

□ □ □

Над Феодосией угас
Навеки этот день весенний,
И всюду удлиняет тени
Прелестный предвечерний час.

Захлебываясь от тоски,
Иду одна, без всякой мысли,
И опустились и повисли
Две тоненьких моих руки.

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,

И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.

И скромен ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Иду вдоль крепостных валов,
В тоске вечерней и весенней.
И вечер удлиняет тени,
И безнадежность ищет слов.

Феодосия, 14 февраля 1914

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями распахнутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна.
— Всем вам, кто жил и умирал без страху. —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

Коктебель, 3 июня 1914

АЛЕ

1

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной — и всем чужой.
Пленительной амазонкой,
Стремительной госпожой.

И косы свои, пожалуй,
Ты будешь носить, как шлем,
Ты будешь царицей бала —
И всех молодых поэм.

И многих пронзит, царица,
Насмешливый твой клинок,
И всё, что мне — только снится,
Ты будешь иметь у ног.

Всё будет тебе покорно,
И все при тебе — тихи.
Ты будешь, как я — бесспорно —
И лучше писать стихи...

Но будешь ли ты — кто знает —
Смертельно виски сжимать,
Как их вот сейчас сжимает
Твоя молодая мать.

5 июня 1914

2

Да, я тебя уже ревную,
Такою ревностью, такой!
Да, я тебя уже волную
Своей тоской.

Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года—
Ты так грустна.

Все куклы мира, все лошадки
Ты без раздумия отдашь—
За листик из моей тетрадки
И карандаш.

Ты с няньками в какой-то ссоре—
Все делать хочется самой.
И вдруг отчаянье, что «море
Ушло домой».

Не передашь тебя—как гордо
Я о тебе ни повествуй!—
Когда ты просишь: «Мама, морду
Мне поцелуй».

Ты знаешь, все во мне смеется,
Когда кому-нибудь опять
Никак тебя не удается
Поцеловать.

Я—змей, похитивший царевну,—
Дракон!—Всем женихам—жених!—
О свет очей моих!—О ревность
Ночей моих!

6 июня 1914

П. Э.

1

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И – помнится – тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути:
Не надо – или надо – розу
Вам принести.

И все приготовляла фразу,
Увы, забытую потом. –
И вдруг – совсем нежданно! – сразу! –
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее – крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. – Он дома,
Сейчас придет.

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. –
Я буду помнить все разводы
Цветных обой.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере —
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери —
И Вы вошли.

═══════

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост. —
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря —
Еще за миг.

Я героически боролась.
— Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И — самое родное в Вас! —
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню — Вы уже забыли —
Вы — там сидели, я — вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут —

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву five.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

В пол-оборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
«Глаза породистой собаки,
— Прощайте, граф».

═══

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.
И, кажется, уже не пели —
Колокола.

17 июня 1914

2

Прибой курчавился у скал, —
Протяжен, пенен, пышен, звонок...
Мне Вашу дачу указал —
Ребенок.

Невольно замедляя шаг
— Идти смелей как бы не вправе —
Я шла, прислушиваясь, как
Скрежещет гравий.

Скрип проезжающей арбы
Без паруса. — Сквозь плющ зеленый
Блеснули белые столбы
Балкона.

Была такая тишина,
Как только в полдень и в июле.
Я помню: Вы лежали на
Плетеном стуле.

Ах, не оценят — мир так груб! —
Пленительную Вашу позу.
Я помню: Вы у самых губ
Держали розу.

Не подымая головы,
И тем подчеркивая скуку —
О, этот жест, которым Вы
Мне дали руку.

Великолепные глаза
Кто скажет — отчего — прищуря,
Вы знали — кто сейчас гроза
В моей лазури.

От солнца или от жары —
Весь сад казался мне янтарен,
Татарин продавал чадры,
Ушел татарин...

Ваш рот, надменен и влекущ,
Был сжат — и было все понятно.
И солнце сквозь тяжелый плющ
Бросало пятна.

Всё помню: на краю шэз-лонг
Соломенную Вашу шляпу,
Пронзительно звенящий гонг,
И запах

Тяжелых, переспелых роз
И складки в парусинных шторах,
Беседу наших папирос
И шорох,

С которым Вы, властитель дум,
На розу стряхивали пепел.
— Безукоризненный костюм
Был светел.

28 июня 1914

3

ЕГО ДОЧКЕ

С ласточками прилетела
Ты в один и тот же час,
Радость маленького тела,
Новых глаз.

В марте месяце родиться
— Господи, внемли хвале! —
Это значит быть как птица
На земле.

Ласточки ныряют в небе,
В доме все пошло вверх дном:
Детский лепет, птичий щебет
За окном.

Дни ноябрьские кратки,
Долги ночи ноября.
Сизокрылые касатки —
За моря!

Давит маленькую грудку
Стужа северной земли.
Это ласточки малютку
Унесли.

Жалобный недвижим венчик,
Нежных век недвижен край.
Спи, дитя. Спи, Божий птенчик.
Баю-бай.

12 июля 1914

4

Война, война! — Кажденья у киотов
И стрекот шпор.
Но нету дела мне до царских счетов,
Народных ссор.

На, кажется, — надтреснутом — канате
Я — маленький плясун.
Я тень от чьей-то тени. Я лунатик
Двух темных лун.

Москва, 16 июля 1914

5

При жизни Вы его любили,
И в верности клялись навек,
Несите же венки из лилий
На свежий снег.

Над горестным его ночлегом
Помедлите на краткий срок,
Чтоб он под этим первым снегом
Не слишком дрог.

Дыханием души и тела
Согрейте ледяную кровь!
Но, если в Вас уже успела
Остыть любовь —

К любовнику — любите братца,
Ребенка с венчиком на лбу, —
Ему ведь не к кому прижаться
В своем гробу.

Ах, он, кого Вы так любили
И за кого пошли бы в ад,
Он в том, что он сейчас в могиле —
Не виноват!

От шороха шагов и платья
Дрожавший с головы до ног —
Как он открыл бы Вам объятья,
Когда бы мог!

О женщины! Ведь он для каждой
Был весь — безумие и пыл!
Припомните, с какою жаждой
Он вас любил!

Припомните, как каждый взгляд вы
Ловили у его очей,
Припомните былые клятвы
Во тьме ночей.

Так и не будьте вероломны
У бедного его креста,
И каждая тихонько вспомни
Его уста.

И, прежде чем отдаться бегу
Саней с цыганским бубенцом,
Помедлите, к ночному снегу
Припав лицом.

Пусть нежно опушит вам щеки,
Растает каплями у глаз...
Я, пишущая эти строки,
Одна из вас —

Неданной клятвы не нарушу
— Жизнь! — Карие глаза твои! —
Молитесь, женщины, за душу
Самой Любви.

30 августа 1914

6

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.

Смеетесь! — В блаженной крылатке дорожной!
Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду!
— Что́ ленты от Ваших венков! —
Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.
— Письмо в бесконечность. — Письмо
в беспредельность —
Письмо в пустоту.

4 октября 1914

7

Милый друг, ушедший дальше, чем зá море!
Вот Вам розы — протянитесь на них.
Милый друг, унесший самое, самое
Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута и я обокрадена, —
Нет на память ни письма, ни кольца!
Как мне памятна малейшая впадина
Удивленного — навеки — лица.

Как мне памятен просящий и пристальный
Взгляд — поближе приглашающий сесть,
И улыбка из великого Издали, —
Умирающего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,
— Свежий холмик меж других бугорков! —
Помолитесь обо мне в райской гавани,
Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

□ □ □

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного и жданного подарка
Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая
Звенящий бег.

Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.

На, кажется, надрезанном канате
Я — маленький плясун.
Я — тень от чьей-то тени. Я — лунатик
Двух темных лун.

13 июля 1914

□ □ □

Я видела Вас три раза,
Но нам не остаться врозь.
— Ведь первая Ваша фраза
Мне сердце прожгла насквозь!

Мне смысл ее так же темен,
Как шум молодой листвы.
Вы — точно портрет в альбоме, —
И мне не узнать, кто Вы.

. . . .

Здесь всё — говорят — случайно,
И можно закрыть альбом...
О, мраморный лоб! О, тайна
За этим огромным лбом!

Послушайте, я правдива
До вызова, до тоски:
Моя золотая грива
Не знает ничьей руки.

Мой дух — не смирён никем он.
Мы — души различных каст.
И мой неподкупный демон
Мне Вас полюбить не даст.

— «Так что ж это было?» — Это
Рассудит иной Судья.
Здесь многому нет ответа,
И Вам не узнать — кто я.

13 июля 1914

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —
Локоны в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, — кто Вы?

Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
— Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от Вас ли?..

4 сентября 1914

ПОДРУГА

1

Вы счастливы? — Не скажете! Едва ли!
И лучше — пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной —
Красноречив!

Я Вас люблю. — Как грозовая туча
Над Вами — грех —
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни — разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И темный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! —
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то — что — неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы — не он.

16 октября 1914

2

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа? —
Кто побежден?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? — Кто — добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце — Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914

3

Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Взгляд отрезвленней, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю, почему. Должно быть,
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я — в тумане —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабаня
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный — этот вот, —
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,

Чем пролетающая птица
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

24 октября 1914

4

Вам одеваться было лень,
И было лень вставать из кресел.
— А каждый Ваш грядущий день
Моим весельем был бы весел.

Особенно смущало Вас
Идти так поздно в ночь и холод.
— А каждый Ваш грядущий час
Моим весельем был бы молод.

Вы это сделали без зла,
Невинно и непоправимо.
— Я Вашей юностью была,
Которая проходит мимо.

25 октября 1914

5

Сегодня, часу в восьмом,
Стремглав по Большой Лубянке,
Как пуля, как снежный ком,
Куда-то промчались санки.

Уже прозвеневший смех...
Я так и застыла взглядом:
Волос рыжеватый мех,
И кто-то высокий — рядом!

Вы были уже с другой,
С ней путь открывали санный,
С желанной и дорогой, —
Сильнее, чем я — желанной.

— Oh, je n'en puis plus, j'étouffe![1] —
Вы крикнули во весь голос,
Размашисто запахнув
На ней меховую полость.

Мир — весел и вечер лих!
Из муфты летят покупки...
Так мчались Вы в снежный вихрь,
Взор к взору и шубка к шубке.

И был жесточайший бунт,
И снег осыпался бело.
Я около двух секунд —
Не более — вслед глядела.

И гладила длинный ворс
На шубке своей — без гнева.
Ваш маленький Кай замерз,
О Снежная Королева.

26 октября 1914

[1] О, я больше не могу, я задыхаюсь! *(фр.)*.

6

Ночью над кофейной гущей
Плачет, глядя на Восток.
Рот невинен и распущен,
Как чудовищный цветок.

Скоро месяц — юн и тонок —
Сменит алую зарю.
Сколько я тебе гребенок
И колечек подарю!

Юный месяц между веток
Никого не устерег.
Сколько подарю браслеток,
И цепочек, и серег!

Как из-под тяжелой гривы
Блещут яркие зрачки!
Спутники твои ревнивы? —
Кони кровные легки!

6 декабря 1914

7

Как весело сиял снежинками
Ваш — серый, мой — соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.

Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась — шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.

Как рыжие поддевки — парусом,
Божась, сбывали нам тряпье,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабье.

Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.

Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и изможден
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времен.

Как руку Вы мою оставили,
Сказав: «О, я ее хочу!»
С какою бережностью вставили
В подсвечник — желтую свечу...

— О, светская, с кольцом опаловым
Рука! — О, вся моя напасть! —
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть!

Как в монастырскую гостиницу
— Гул колокольный и закат —
Блаженные, как имянинницы,
Мы грянули, как полк солдат.

Как я Вам — хорошеть до старости —
Клялась — и просыпала соль,
Как трижды мне — Вы были в ярости! —
Червонный выходил король.

Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.

Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...

Декабрь 1914

8

Свободно шея поднята,
Как молодой побег.
Кто скажет имя, кто — лета,
Кто — край ее, кто — век?

Извилина неярких губ
Капризна и слаба,
Но ослепителен уступ
Бетховенского лба.

До умилительности чист
Истаявший овал.
Рука, к которой шел бы хлыст,
И — в серебре — опал.

Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.

10 января 1915

9

Ты проходишь своей дорогою,
И руки твоей я не трогаю.
Но тоска во мне — слишком вечная,
Чтоб была ты мне — первой встречною.

Сердце сразу сказало: «Милая!»
Всё тебе — наугад — простила я,
Ничего не знав, — даже имени! —
О, люби меня, о, люби меня!

Вижу я по губам — извилиной,
По надменности их усиленной,
По тяжелым надбровным выступам:
Это сердце берется — приступом!

Платье — шелковым черным панцирем,
Голос с чуть хрипотцой цыганскою,
Всё в тебе мне до боли нравится, —
Даже то, что ты не красавица!

Красота, не увянешь зá лето!
Не цветок — стебелек из стали ты,
Злее злого, острее острого
Увезенный — с какого острова?

Опахалом чудишь, иль тросточкой, —
В каждой жилке и в каждой косточке,
В форме каждого злого пальчика, —
Нежность женщины, дерзость мальчика.

Все усмешки стихом парируя,
Открываю тебе и миру я
Всё, что нам в тебе уготовано,
Незнакомка с челом Бетховена!

14 января 1915

10

Могу ли не вспомнить я
Тот запах White-Rose[1] и чая,
И севрские фигурки
Над пышащим камельком...

Мы были: я — в пышном платье
Из чуть золотого фая,
Вы — в вязаной черной куртке
С крылатым воротником.

Я помню, с каким вошли Вы
Лицом — без малейшей краски,

[1] Белой розы (модные в то время духи).

Как встали, кусая пальчик,
Чуть голову наклоня.

И лоб Ваш властолюбивый,
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик, —
Но что-то сильней меня!

Движением беспричинным
Я встала, нас окружили.
И кто-то в шутливом тоне:
«Знакомьтесь же, господа».

И руку движеньем длинным
Вы в руку мою вложили,
И нежно в моей ладони
Помедлил осколок льда.

С каким-то, глядевшим косо,
Уже предвкушая стычку, —
Я полулежала в кресле,
Вертя на руке кольцо.

Вы вынули папиросу,
И я поднесла Вам спичку,
Не зная, что делать, если
Вы взглянете мне в лицо.

Я помню — над синей вазой —
Как звякнули наши рюмки.
«О, будьте моим Орестом!»,
И я Вам дала цветок.

С зарницею сероглазой
Из замшевой черной сумки
Вы вынули длинным жестом
И выронили — платок.

28 января 1915

11

Все глаза под солнцем — жгучи,
День не равен дню.
Говорю тебе на случай,
Если изменю:

Чьи б ни целовала губы
Я в любовный час,
Черной полночью кому бы
Страшно ни клялась, —

Жить, как мать велит ребенку,
Как цветочек цвесть,
Никогда ни в чью сторонку
Глазом не повесть...

Видишь крестик кипарисный?
— Он тебе знаком —
Все проснется — только свистни
Под моим окном.

22 февраля 1915

12

Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом — пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, — должно быть,
Выздоравливаю от зимы.

Я иду домой возможно тише:
Ненаписанных стихов — не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.

Голова до прелести пуста,
Оттого что сердце — слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.

8 Зак 199

Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе едва нагретом...
Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.

13 марта 1915

13

Повторю в канун разлуки,
Под конец любви,
Что любила эти руки
Властные твои

И глаза — кого-кого-то
Взглядом не дарят! —
Требующие отчета
За случайный взгляд.

Всю тебя с твоей треклятой
Страстью — видит Бог! —
Требующую расплаты
За случайный вздох.

И еще скажу устало,
— Слушать не спеши! —
Что твоя душа мне встала
Поперек души.

И еще тебе скажу я:
— Все равно — канун! —
Этот рот до поцелуя
Твоего был юн.

Взгляд — до взгляда — смел и светел,
Сердце — лет пяти...
Счастлив, кто тебя не встретил
На своем пути.

28 апреля 1915

14

Есть имена, как душные цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...
Есть темные извилистые рты
С глубокими и влажными углами.

Есть женщины. — Их волосы, как шлем,
Их веер пахнет гибельно и тонко.
Им тридцать лет. — Зачем тебе, зачем
Моя душа спартанского ребенка?

Вознесение, 1915

15

Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать — куда Вам путь
И где пристанище.

Я вижу: мачта корабля,
И Вы — на палубе...
Вы — в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...

Вечерние поля в росе,
Над ними — во́роны...
— Благословляю Вас на все
Четыре стороны!

3 мая 1915

16

В первой любила ты
Первенство красоты,
Кудри с налетом хны,
Жалобный зов зурны,

Звон — под конем — кремня,
Стройный прыжок с коня,
И — в самоцветных зернах —
Два челночка узорных.

А во второй — другой —
Тонкую бровь дугой,
Шелковые ковры
Розовой Бухары,
Перстни по всей руке,
Родинку на щеке,
Вечный загар сквозь блонды
И полунощный Лондон.

Третья тебе была
Чем-то еще мила...

— Что от меня останется
В сердце твоем, странница?

14 июля 1915

17

Вспомяните: всех голов мне дороже
Волосок один с моей головы.
И идите себе... — Вы тоже,
И Вы тоже, и Вы.

Разлюбите меня, все разлюбите!
Стерегите не меня поутру!
Чтоб могла я спокойно выйти
Постоять на ветру.

6 мая 1915

□ □ □

Уж часы — который час? —
Прозвенели.
Впадины огромных глаз,
Платья струйчатый атлас...
Еле-еле вижу Вас,
Еле-еле.

У соседнего крыльца
Свет погашен.
Где-то любят без конца...
Очерк Вашего лица
Очень страшен.

В комнате полутемно,
Ночь — едина.
Лунным светом пронзено,
Углубленное окно —
Словно льдина.

— Вы сдались? — звучит вопрос.
— Не боролась.
Голос от луны замерз.
Голос — словно за́ сто верст
Этот голос!

Лунный луч меж нами встал,
Миром движа.
Нестерпимо заблистал
Бешеных волос металл
Темно-рыжий.

Бег истории забыт
В лунном беге.
Зеркало луну дробит.
Отдаленный звон копыт,
Скрип телеги.

Уличный фонарь потух,
Бег — уменьшен.
Скоро пропоет петух
Расставание для двух
Юных женщин.

1 ноября 1914

□ □ □

Собаки спущены с цепи,
И бродят злые силы.
Спи, милый маленький мой, спи,
Котенок милый!

Свернись в оранжевый клубок
Мурлыкающим телом,
Спи, мой кошачий голубок,
Мой рыжий с белым!

Ты пахнешь шерстью и зимой,
Ты — вся моя утеха,
Переливающийся мой
Комочек меха.

Я к мордочке прильнула вплоть,
О, ба́чки золотые! —
Да сохранит тебя Господь
И все святые!

19 ноября 1914

ГЕРМАНИИ

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,
Ну, как же *я* тебя оставлю?
Ну, как же *я* тебя предам?

И где возьму благоразумье:
«За око — око, кровь — за кровь», —
Германия — мое безумье!
Германия — моя любовь!

Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland[1],
Где все еще по Кенигсбергу
Проходит узколицый Кант,

Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке —
Geheimrath Goethe[2] по аллее
Проходит с тросточкой в руке.

Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, — когда, —

— От песенок твоих в восторге —
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor[3].

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.

---

[1] Родина *(нем.)*.
[2] Тайный советник Гёте *(нем.)*.
[3] Швабские ворота *(нем.)*.

Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном — Лорелей.

Москва, 1 декабря 1914

□ □ □

Радость всех невинных глаз,
— Всем на диво! —
В этот мир я родилась —
Быть счастливой!

Нежной до потери сил,
. . . .
Только памятью смутил
Бог — богиню.

Помню ленточки на всех
Детских шляпах,
Каждый прозвеневший смех,
Каждый запах.

Каждый парус вдалеке
Жив — на муку.
Каждую в своей руке
Помню руку.

Каждое на ней кольцо
— Если б знали! —
Помню каждое лицо
На вокзале.

Все прощанья у ворот.
Все однажды...
Не поцеловавший рот —
Помню — каждый!

Все людские имена,
Все собачьи...
—Я по-своему верна,
Не иначе.

3 декабря 1914

□ □ □

Безумье—и благоразумье,
Позор—и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть—

Во мне.—Все каторжные страсти
Свились в одну!—
Так в волосах моих—все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот,
—Ах, наизусть!—
—Мой двадцатидвухлетний опыт—
Сплошная грусть!

Но облик мой—невинно розов,
—Что ни скажи!—
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик
—Ловимый вновь!—
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладби́щам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладби́щам
Метель метет...

От скрипки — от автомобиля —
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я — невеста
У жениха...
От жеста и стиха — для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, — раз голос мой нежнее, —
Когда я лгу...

3 января 1915

АННЕ АХМАТОВОЙ

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод — в весельи, зной —
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь — озноб,
И завершится — чем она?
Облачный — темен — лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть — безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
—Кажется, четверть пятого,—
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

□ □ □

Легкомыслие! — Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мои вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научил не хранить кольца, —
С кем бы жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть, как стебель, и быть, как сталь,
В жизни, где мы так мало можем...
—Шоколадом лечить печаль
И смеяться в лицо прохожим!

3 марта 1915

□ □ □

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опаленные и палящие
Роковые рты —

О, я с Вами легко боролась!
Но, — что делаете со мной
Вы, насмешка в глазах, и в голосе —
Холодок родной.

14 марта 1915

Бессрочно кораблю не плыть
И соловью не петь.
Я столько раз хотела жить
И столько умереть!

Устав, как в детстве от лото,
Я встану от игры,
Счастливая не верить в то,
Что есть еще миры.

9 мая 1915

Что видят они? — Пальто
На юношеской фигуре.
Никто не узнал, никто,
Что полы его, как буря.

Остер, как мои лета,
Мой шаг молодой и четкий.
И вся моя правота
Вот в этой моей походке.

А я ухожу навек
И думаю: день весенний
Запомнит мой бег — и бег
Моей сумасшедшей тени.

Весь воздух такая лесть,
Что я быстроту удвою.
Нет ветра, но ветер есть
Над этою головою!

Летит за крыльцом крыльцо,
Весь мир пролетает сбоку.

Я знаю свое лицо.
Сегодня оно жестоко.

Как птицы полночный крик,
Пронзителен бег летучий.
Я чувствую: в этот миг
Мой лоб рассекает — тучи!

Вознесение 1915

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас на головами,
За то, что Вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не Вами.

3 мая 1915

□ □ □

Какой-нибудь предок мой был — скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей — абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ — шиповник.
Плохой товарищ он был, — лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что — трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу чёрту продав за грош,
Он в полночь не шел кладби́щем!
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем.

Что не однажды из-за угла
Он прыгал — как кошка — гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он — *не* играл на скрипке!

И было всё ему нипочем, —
Как снег прошлогодний — летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала — таким поэтом.

23 июня 1915

АСЕ

Ты мне нравишься: ты так молода,
Что в полмесяца не спишь и полночи,
Что на карте знаешь те города,
Где глядели тебе вслед чьи-то очи.

Что за книгой книгу пишешь, но книг
Не читаешь, умиленно поникши,
Что сам Бог тебе — меньшой ученик,
Что же Кант, что же Шеллинг, что же Ницше?

Что весь мир тебе — твое озорство,
Что наш мир, он до тебя просто не был,
И что не было и нет ничего
Над твоей головой — кроме неба.

‹1915›

□ □ □

И все́ вы идете в сестры,
И больше не влюблены.
Я в шелковой шали пестрой
Восход стерегу луны.

Вы креститесь у часовни,
А я подымаю бровь...
— Но в вашей любви любовной
Стократ — моя нелюбовь!

6 июля 1915

□ □ □

Спят трещотки и псы соседовы, —
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюбленный, не выведывай,
Для чего развожу засов.

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов — и зорких птиц,
Заговорщиков час — и юношей,
Час любовников и убийц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами не звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И на площади спор и пляс...
Здесь, у маленькой Богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, — видишь, вот она —
Отравительница! — Кармен.

5 августа 1915

□ □ □

В тумане, синее ладана,
Панели — как серебро.
Навстречу летит негаданно
Развеянное перо.

И вот уже взгляды скрещены,
И дрогнул — о чем моля? —
Твой голос с певучей трещиной
Богемского хрусталя.

Мгновенье тоски и вызова,
Движенье, как длинный крик,
И в волны тумана сизого,
Окунутый легкий лик.

Все длилось одно мгновение:
Отчалила... уплыла...
Соперница! — Я не менее
Прекрасной тебя ждала.

5 сентября 1915

□ □ □

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех —
Я всё раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И всé — записки, и всé — цветы,
Которых хранить — невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915

□ □ □

Все Георгии на стройном мундире
И на перевязи черной — рука.
Черный взгляд невероятно расширен
От шампанского, войны и смычка.

Рядом — женщина, в любовной науке
И Овидия и Сафо мудрей.
Бриллиантами обрызганы руки,
Два сапфира — из-под пепла кудрей.

Плечи в соболе, и вольный и скользкий
Стан, как шелковый чешуйчатый хлыст.
И — туманящий сознание — польский
Лихорадочный щебечущий свист.

24 сентября 1915

□ □ □

Лорд Байрон! — Вы меня забыли!
Лорд Байрон! — Ва́м меня не жаль?
На .... плечи шаль
Накидывали мне — не Вы ли?
И кудри — жесткие от пыли —
Разглаживала Вам — не я ль?

Чьи арфы .... аккорды
Над озером, — скажите, сэр! —
Вас усмиряли, Кондотьер?
И моего коня, — о, гордый!
Не Вы ли целовали в морду,
Десятилетний лорд и пэр!

Кто, плача, пробовал о гладкий
Свой ноготь, ровный как миндаль,

Кинжала дедовского сталь?
Кто целовал мою перчатку?
— Лорд Байрон! — Вам меня не жаль?

25 сентября 1915 г.

□ □ □

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
— Видно, пока надо мной не пропоют литию, —
Буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!

Други! — Сообщники! — Вы, чьи наущения — жгучи!
— Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

□ □ □

Как жгучая, отточенная лесть
Под римским небом, на ночной веранде,
Как смертный кубок в розовой гирлянде —
Магических таких два слова есть.

И мертвые встают как по команде,
И Бог молчит — то ветреная весть
Язычника — языческая месть:
Не читанное мною Ars Amandi![1]

Мне синь небес и глаз любимых синь
Слепят глаза. — Поэт, не будь в обиде,
Что времени мне нету на латынь!

---

[1] Искусство любви *(лат.)*.

Любовницы читают ли, Овидий?!
—Твои тебя читали ль?—Не отринь
Наследницу твоих же героинь!

29 сентября 1915

□ □ □

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. —Ars Amandi[1]
Женщине—вся земля.

Сердце—любовных зелий
Зелье—вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы—близки во мгле...
—Бог, не суди!—Ты не был
Женщиной на земле!

29 сентября 1915

□ □ □

Мне полюбить Вас не довелось,
А может быть—и не доведется!
Напрасен водоворот волос
Над темным профилем инородца,
И раздувающий ноздри нос,
И закурчавленные реснички,
И—вероломные по привычке—
Глаза разбойника и калмычки.

[1] Искусство любви *(лат.)*.

И шаг, замедленный у зеркал,
И смех, пронзительнее занозы,
И этот хищнический оскал
При виде золота или розы,
И разлетающийся бокал,
И упирающаяся в талью
Рука, играющая со сталью,
Рука, крестящаяся под шалью.

Так, — от безделья и для игры —
Мой стих меня с головою выдал!
Но Вы красавица и добры:
Как позолоченный древний идол
Вы принимаете все дары!
И все, что голубем Вам воркую —
Напрасно — тщетно — вотще и всуе,
Как все признанья и поцелуи!

Сентябрь 1915

□ □ □

Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем — поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

□ □ □

Два солнца стынут — о Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

6 октября 1915

□ □ □

Цветок к груди приколот,
Кто приколол, — не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком,
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек —
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо —
И выстрелит в упор.

22 октября 1915

□ □ □

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

□ □ □

Полнолунье и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! — Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилостивил мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне сцеловываете, друг,
Я на дерево гляжу, — в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь — сниться,
Отоснились — Вы.

27 ноября 1915

□ □ □

Быть в аду нам, сестры пылкие,
Пить нам адскую смолу, —
Нам, что каждою-то жилкою
Пели Господу хвалу!

Нам, над люлькой да над прялкою
Не клонившимся в ночи,
Уносимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тонкие шелка китайские
Разнаряженным с утра,
Заводившим песни райские
У разбойного костра.

Нерадивым рукодельницам
— Шей не шей, а всё по швам! —
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру — госпожам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в ночи звездные
В райском яблочном саду...
— Быть нам, девицы любезные,
Сестры милые — в аду!

Ноябрь 1915

□ □ □

День угасший
Нам порознь нынче гас.
Это жестокий час —
Для Вас же.

Время — совье,
Пусть птенчика прячет мать.
Рано Вам начинать
С любовью.

Помню первый
Ваш шаг в мой недобрый дом, —
С пряничным петухом
И вербой.

Отрок чахлый,
Вы жимолостью в лесах,
Облаком в небесах —
Вы пахли!

На коленях
Снищу ли прощенья за
Слезы в твоих глазах
Оленьих.

Милый сверстник,
Еще в Вас душа — жива!
Я же люблю слова
И перстни.

18 декабря 1915

Лежат они, написанные наспех,
Тяжелые от горечи и нег.
Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век.

И слышу я, что где-то в мире — грозы,
Что амазонок копья блещут вновь.
— А я пера не удержу! — Две розы
Сердечную мне высосали кровь.

Москва, 20 декабря 1915

Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать Судьба.

Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжкой дланью
Схватила за волосы Судьба!

Петербург, 31 декабря 1915

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный, —
С крупным жемчугом перстенек,
С крупным жемчугом.

Кошкой выкралась на крыльцо,
Ветру выставила лицо.
Ветры веяли, птицы реяли,
Лебеди — слева, справа — вóроны...
Наши дороги — в разные стороны.

Ты отойдешь — с первыми тучами,
Будет твой путь — лесами дремучими,
песками горючими.

Душу — выкличешь,
Очи — выплачешь.

А надо мною — кричать сове,
А надо мною — шуметь траве...

Москва, январь 1916

□ □ □

Посадила яблоньку:
Малым — забавоньку,
Старому — младость,
Садовнику — радость.

Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору — досада,
Хозяйке — услада.

Породила доченьку —
Синие оченьки,
Горлинку — голосом,
Солнышко — волосом.
На горе девицам,
На горе молодцам.

23 января 1916

□ □ □

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды в снег сбиты,
На́ голос воют. Рвут пасти —
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В се́ребро пены кань, злато,
Кань с песней.

Ярой дугою — как брызнет!
Встречной дугою — млад-лебедь
Как всполохнется, как взмоет
В день сизый!

6 февраля 1916

□ □ □

Никто ничего не отнял!
Мне сладостно, что мы врозь.
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,
Мой голос впервые — тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:
Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, —
Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет.

12 февраля 1916

□ □ □

Собирая любимых в путь,
Я им песни пою на память —
Чтобы приняли как-нибудь,
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
Ты без устали, ветер, пой,
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слез не лей, —
Как на праздник они обуты!
Ущеми себе жало, змей,
Кинь, разбойничек, нож свой лютый.

Ты, прохожая красота,
Будь веселою им невестой.
Потруди за меня уста, —
Наградит тебя Царь Небесный!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.
Богородица в небесах,
Вспомяни о моих прохожих!

17 февраля 1916

□ □ □

Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,

Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая тебя верста... —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика, —
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

18 февраля 1916

□ □ □

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
— Откуда такая нежность? —
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,

Венчаемая — о нежность! —
На самой груди певца.

Откуда такая нежность,
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?

18 февраля 1916

□ □ □

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем — взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь — перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич — зво́нок.
Серебряно мне — петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

1 марта 1916

□ □ □

Не сегодня-завтра растает снег.
Ты лежишь один под огромной шубой.
Пожалеть тебя, у тебя навек
Пересохли губы.

Тяжело ступаешь и трудно пьешь,
И торопится от тебя прохожий.
Не в таких ли пальцах садовый нож
Зажимал Рогожин?

А глаза, глаза на лице твоем —
Два обугленных прошлолетних круга!
Видно, отроком в невеселый дом
Завела подруга.

Далеко — в ночи — по асфальту — трость,
Двери настежь — в ночь — под ударом ветра...
Заходи — гряди! — нежеланный гость
В мой покой пресветлый.

4 марта 1916

□ □ □

Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...
Материнское мое благословение
Над тобой, мой жалобный
Вороненок.

Иссиня-черное, исчерна-
Синее твое оперение.
Жесткая, жадная, жаркая
Масть.

Было еще двое
Той же масти — черной молнией сгасли! —
Лермонтов, Бонапарт.

Выпустила я тебя в небо,
Лети себе, лети, болезный!
Смиренные, благословенные
Голуби реют серебряные,
Серебряные над тобой.

12 марта 1916

□ □ □

Еще и еще песни
Слагайте о моем кресте.
Еще и еще перстни
Целуйте на моей руке.

Такое со мной сталось,
Что гром прогромыхал зимой,
Что зверь ощутил жалость
И что заговорил немой.

Мне солнце горит — в полночь!
Мне в полдень занялась звезда!
Смыкает надо мной волны
Прекрасная моя беда.

Мне мертвый восстал из праха!
Мне страшный совершился суд!
Под рев колоколов на плаху
Архангелы меня ведут.

16 марта 1916

9 Зак 199

□ □ □

Не ветром ветреным — до — осени
        Снята гроздь.
Ах, виноградарем — до — осени
        Пришел гость.

Небесным странником — мне — страннице
        Предстал — ты.
И речи странные — мне — страннице
        Шептал — ты.

По голубым и голубым лестницам
        Повел в высь.
Под голубым и голубым месяцем
        Уста — жглись.

В каком источнике — их — вымою,
        Скажи, жрец!
И тяжкой верности с головы моей
        Сними венец!

16 марта 1916

Гибель от женщины. Во́т зна́к
На ладони твоей, юноша.
Долу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полуночи.

Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
Что небесен.

Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза — что? — пряча.
Ах, запрокинется твоя голова —
Иначе.

Голыми руками возьмут — ретив! упрям! —
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам,
Серафим! — Орленок! —

17 марта 1916

Приключилась с ним странная хворь,
И сладчайшая на него нашла оторопь.
Всё стоит и смотрит ввысь,
И не видит ни звезд, ни зорь
Зорким оком своим — отрок.

А задремлет — к нему орлы
Шумнокрылые слетаются с клекотом,
И ведут о нем дивный спор.
И один — властелин скалы —
Клювом кудри ему треплет.

Но дремучие очи сомкнув,
Но уста полураскрыв — спит себе.
И не слышит ночных гостей,
И не видит, как зоркий клюв
Златоокая вострит птица.

20 марта 1916

□ □ □

Устилают — мои — сени
Пролетающих голубей — тени.
Сколько было усыновлений!
Умилений!

Выхожу на крыльцо: веет,
Подымаю лицо: греет.
Но душа уже — не — млеет,
Не жалеет.

На ступеньке стою — верхней,
Развеваются надо мной — ветки.
Скоро купол на то́й церкви
Померкнет.

Облаками плывет Пасха,
Колоколами плывет Пасха...
В первый раз человек распят —
На Пасху.

22 марта 1916

□ □ □

На крыльцо выхожу — слушаю,
На свинце ворожу — плачу.
Ночи душные,
Скушные.
Огоньки вдали, станица казачья.

Да и в полдень нехорош — пригород:
Тарахтят по мостовой дрожки,
Просит нищий грошик,
Да ребята гоняют кошку,
Да кузнечики в траве — прыгают.

В черной шали, с большим розаном
На груди,—как спадет вечер,
С рыжекудрым, розовым,
Развеселым озорем
Разлюбезные—поведу—речи.

Серебром меня не задаривай,
Крупным жемчугом материнским,
Перстеньком с мизинца.
Поценнее хочу гостинца:
Над станицей—зарева!

23 марта 1916

□ □ □

В день Благовещенья
Руки раскрещены,
Цветок полит чахнущий,
Окна настежь распахнуты,—
Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
— Летите, куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!

В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
— Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!

23 марта 1916

□ □ □

Канун Благовещенья.
Собор Благовещенский
Прекрасно светится.
Над главным куполом,
Под самым месяцем,
Звезда — и вспомнился
Константинополь.

На серой паперти
Старухи выстроились,
И просят милостыню
Голосами гнусными.
Большими бусами
Горят фонарики
Вкруг Божьей Матери.

Черной бессонницей
Сияют лики святых,
В черном куполе
Оконницы ледяные.
Золотым кустом,
Родословным древом
Никнет паникадило.
— Благословен плод чрева
Твоего, Дева
Милая!

Пошла странствовать
По рукам — свеча.
Пошло странствовать
По устам слово:
— Богородице.

Светла, горяча
Зажжена свеча.

К Солнцу-Матери,
Затерянная в тени,

Воззываю и я, радуясь:
Матерь — матери
Сохрани
Дочку голубоглазую!
В светлой мудрости
Просвети, направь
По утерянному пути —
Блага.

Дай здоровья ей,
К изголовью ей
Отлетевшего от меня
Приставь — Ангела.
От словесной храни — пышности,
Чтоб не вышла как я — хищницей,
Чернокнижницей.

Служба кончилась.
Небо безоблачно.
Крестится истово
Народ и расходится.
Кто — по домам,
А кому — некуда,
Те — Бог весть куда,
Всé — Бог весть куда!

Серых несколько
Бабок древних
В дверях замешкались, —
Докрещиваются
На самоцветные
На фонарики.

Я же весело
Как волны валкие
Народ расталкиваю.
Бегу к Москвá-реке
Смотреть, как лед идет.

24—25 марта 1916

□ □ □

Четвертый год.
Глаза, как лед,
Брови уже роковые,
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.

Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки скрещены,
Рот нем.
Брови сдвинув — Наполеон! —
Ты созерцаешь — Кремль.

— Мама, куда — лед идет?
— Вперед, лебеденок.
Мимо дворцов, церквей, ворот —
Вперед, лебеденок!

Синий
Взор — озабочен.
— Ты меня любишь, Марина?
— Очень.
— Навсегда?
— Да.

Скоро — закат,
Скоро — назад:
Тебе — в детскую, мне —
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.

А лед
Всё
Идет.

24 марта 1916

□ □ □

За девками доглядывать, не скис
ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Всыпая в узкогорлые бутыли.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками, с крёстным.

Кормилица с дородным петухом
В переднике – как ночь ее повойник! –
Докладывает древним шепотком,
Что молодой – в часовенке – покойник...

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони – что ангелы – белы,
И голуби на них – что ладан – сизы.

И странница, потягивая квас
Из чайника, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

□ □ □

Димитрий! Марина! В мире
Согласнее нету ваших
Единой волною вскинутых,
Единой волною смытых
Судеб! Имен!

Над темной твоею люлькой,
Димитрий, над люлькой пышной
Твоею, Марина Мнишек,
Стояла одна и та же
Двусмысленная звезда.

Она же над вашим ложем,
Она же над вашим троном
— Как вкопанная — стояла
Без малого — целый год.

Взаправду ли знак родимый
На темной твоей ланите,
Димитрий, — все та же черная
Горошинка, что у отрока
У ро́дного, у царевича
На смуглой и круглой щечке
Смеясь целовала мать?
Воистину ли, взаправду ли —
Нам сызмала деды сказывали,
Что грешных судить — не нам?

На нежной и длинной шее
У отрока — ожерелье.
Над светлыми волосами
Пресветлый венец стоит.

В Марфиной черной келье
Яркое ожерелье!
— Солнце в ночи! — горит.

Памятливыми глазами
Впилась — народ замер.
Памятливыми губами
Впилась — в чей — рот.

Сама инокиня
Признала сына!
Как же ты — для нас — не тот!

Марина! Царица — Царю,
Звезда — самозванцу!
Тебя́ пою,
Злую красу твою,
Лик без румянца.
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя
Славно ношу.

Правит моими бурями
Марина — звезда — Юрьевна,
Солнце — среди — звезд.

Крест золотой скинула,
Черный ларец сдвинула,
Маслом святым ключ
Масленный — легко движется.
Черную свою книжищу
Вынула чернокнижница.

Знать, уже делать нечего,
Отошел от ее от плечика
Ангел, — пошел несть
Господу злую весть:

— Злые, Господи, вести!
Загубил ее вор-прелестник!

Марина! Димитрий! С миром,
Мятежники, спите, милые.
Над нежной гробницей ангельской
За вас в соборе Архангельском
Большая свеча горит.

29, 30 марта 1916

СТИХИ О МОСКВЕ

1

Облака — вокруг,
Купола — вокруг,
Надо всей Москвой
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!

В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой — мне
Будет радостно, —
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!

Ты постом говей,
Не сурьми бровей
И все сорок — чти́ —
Сороков церквей.
Исходи пешком — молодым шажком! —
Все привольное
Семихолмие.

Будет тво́й черед:
Тоже — дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние —
На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По церковке — все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.

И Спасские — с цветами — ворота́,
Где шапка православного снята.

Часовню звездную — приют от зол —
Где вытертый от поцелуев — пол.

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи́ страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая — ох — кровь!

Мой рот разгарчив,
Даром, что свят — вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было — как хочу.

31 марта 1916

4

Настанет день — печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
— Остужены чужими пятаками —
Мои глаза, подвижные как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит лик.
О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завижу ли и Вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу — впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.

Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я, и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916
1-й день Пасхи

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой, —

Калужской — песенной — прекрасной, и она
Смывает и смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих Бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, —

Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь, и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день 1916

7

Семь холмов — как семь колоколов!
На семи колоколах — колокольни.
Всех счетом — сорок сороков.
Колокольное семихолмие!

В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом — пряник, а вокруг плетень
И церковки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон,
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.

Провожай же меня весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916. Казанская

8

— Москва! — Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси—бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем нож.
Издалека-далече
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце
Червонное горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916. Казанская

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья,
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

□ □ □

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
— Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, —
Царевать тебе — под заборами!
Целовать тебе, внучка, — вóрона.

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления, да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет да за милость царскую,
За карманы твои порожние
Да за песни твои острожные,
За позор пополам со смутою, —
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол —
Сволокут меня черти волоком,
Я за чаркой, с тобою роспитой,
Говорила, скажу и Господу, —
Что любила тебя, мальчоночка,
Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916

Да с этой львиною
Златою россыпью,
Да с этим поясом,
Да с этой поступью, —
Как не бежать за ним
По белу по́ свету —
За этим поясом,
За этим посвистом!

Иду по улице —
Народ сторонится.
Как от разбойницы,
Как от покойницы.

Уж знают все, каким
Молюсь угодникам
Да по зелененьким,
Да по часовенкам.

Моя, подруженьки,
Моя, моя вина.
Из голубого льна
Не тките савана.

На вечный сон за то,
Что не спала одна —
Под дикой яблоней
Ложусь без ладана.

2 апреля 1916
Вербная Суббота

□ □ □

Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок —
Положите меня промеж
Четырех дорог.

Там где вó поле, во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!

Не чуралася я в ночи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.

Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян!

Не запаливайте свечу
Во церковной мгле.
Вечной памяти не хочу
На родной земле.

4 апреля 1916

□ □ □

Братья, один нам путь прямохожий
Под небом тянется.
...............................я тоже
Бедная странница...

Вы не выспрашивайте, на спросы
Я не ответчица.

Только и памятлив, что на песни
Рот мой улыбчивый.
Перекреститесь, родные, если
Что и попритчилось.

5 апреля 1916

□ □ □

Всюду бегут дороги,
По лесу, по пустыне,
В ранний и поздний час.

Люди по ним ходят,
Ходят по ним дроги,
В ранний и поздний час.

Топчут песок и глину
Страннические ноги,
Топчут кремень и грязь...

Кто на ветру — убогий?
Всяк на большой дороге —
Переодетый князь!

Треплются их отрепья
Всюду, где небо — сине,
Всюду, где Бог — судья.

Сталкивает их цепи,
Смешивает отрепья
Па́рная колея.

Так по земной пустыне,
Кинув земную пажить
И сторонясь жилья,

Нищенствуют и кня́жат —
Каторжные княгини,
Каторжные князья.

Вот и сошлись дороги,
Вот мы и сшиблись клином.
Темен, ох, темен час.

Это не я с тобою, —
Это беда с бедою
Каторжная — сошлась.

Что же! Целуй в губы,
Коли тебя, любый,
Бог от меня не спас.

Всех по одной дороге
Поволокут дроги —
В ранний ли, поздний час.

5 апреля, 1916

Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня — святцы,

А восприемников за душой
Цельный, поди, монастырь мужской!

Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот — орленком, щегленком — тот,
Всяк по-иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц —
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали — равнó, называли — разно,
Все называли, никто не нáзвал.

6 апреля 1916

Коли милым назову — не соскучишься!
Богородицей — слыву — Троеручицей:
Одной — крепости крушу, друга — тамотка,
Третьей пó морю пишу — рыбам грамотку.

А немилый кто взойдет да придвинется,
Подивится весь народ, что за схимница!
Филин ухнет, черный кот ощетинится.
Будешь помнить цельный год — чернокнижницу!

Черт: ползком не продерусь! — а мне едется!
Хочешь, с зеркальцем пройдусь — в гололедицу?
Ради барских твоих нужд — хошь в метельщицы!
Только в мамки — не гожусь — в колыбельщицы!

Коль похожа на жену — где повойник мой?
Коль похожа на вдову — где покойник мой?
Коли суженого жду — где бессонница?
Царь-Девицею живу — беззаконницей!

6 апреля 1916

БЕССОННИЦА

1

Обвела мне глаза кольцом
Теневым — бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись — идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало — тебе — дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала — и накликала
Теневой венец.

Мало — меня — звала?
Мало — со мной — спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

— Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы — спалось — легче,
Буду — тебе — певчим:

— Спи, подруженька
Неугомонная!

Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...
Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон — свят,
Все — спят.
Венец — снят.

8 апреля 1916

2

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще — раскрывать
Двери!
— Настежь — в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну — клонит.

Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.

27 мая 1916

3

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие груди́ — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

17 июля 1916
Москва

4

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, — ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга — в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

5

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи́ подковы
Взрывали траву.
Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти́,
Пес был — сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

6

Сегодня ночью я одна в ночи́ —
Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
— О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль
мой! —
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воюющую землю!

Вздымаются не волосы — а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех, —
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

7

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне.
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи́ моей прекрасной
Ходит по́ сердцу пила.

8 августа 1916

8

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Клича тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце — ночь!

9 августа 1916

9

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь — проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:

Не спи! крепись! говорю добром!
А то — вечный сон! а то — вечный дом!

12 декабря 1916

10

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи́!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

11

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно-
Звенящей ночи́.

– Прельстись!
Пригубь!
Не в высь,
А в глубь –
Веду...
Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!

Прельстись!
Испей!
От всех страстей –
Устой,
От всех вестей –
Покой.
– Подруга! –
Удостой.
Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми –
Втяни,
Глотни:
– Не будь! –
О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей –
Страстнейшая, из всех смертей –
Нежнейшая... Из двух горстей
Моих – прельстись! – испей!

Мир бéз вести пропал. В нигде –
Затопленные берега...
– Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга...

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
С каким любовником кутеж
С моим
– Дитя –
Сравним?

А если спросят (научу!),
Что, дескать, щечки не свежи, –
С Бессонницей кучу, скажи,
С Бессонницей кучу...

Май 1921

СТИХИ К БЛОКУ

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке,
Одно единственное движенье губ,
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток...
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В мою молодую жизнь?

Во мгле сизой
Стоишь, ризой
Снеговой одет.

То не ветер
Гонит меня по городу,

Ох, уж третий
Вечер я чую во́рога.

Голубоглазый
Меня сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне по́д ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпься!
Аминь.

1 мая 1916

3

Ты проходишь на Запад Солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на Запад Солнца,
И метель заметает след.

Мимо окон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души.

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег. —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святыя славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4

Зверю — берлога,
Страннику — дорога,
Мертвому — дроги.
Каждому — свое.

Женщине — лукавить,
Царю — править,
Мне — славить
Имя твое.

2 мая 1916

5

У меня в Москве – купола горят!
У меня в Москве – колокола звонят!
И гробницы в ряд у меня стоят, –
В них царицы спят, и цари.

И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари!

И проходишь ты над своей Невой
О ту пору, как над рекой-Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.

Всей бессонницей я тебя люблю,
Всей бессонницей я тебе внемлю –
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари...

Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.

7 мая 1916

6

Думали – человек!
И умереть заставили.
Умер теперь, навек.
– Плачьте о мертвом ангеле!

Она на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, лицемерные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны пó снегу!
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О поглядите, кáк
Веки ввалились темные!
О поглядите, как
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Крестятся руки праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 мая 1916

7

Должно быть — за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть — любовь проще
И легче, чем я ждала.

— Эй, идолы, чтоб вы сдохли! —
Привстал и занес кнут,
И окрику вслед — óхлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает — жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916

8

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И посвист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый — за синею рощей —
крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

9

Как слабый луч сквозь черный морок адов —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим, —

Откуда-то из древних утр туманных —
Как нас любил, слепых и безымянных,

За синий плащ, за вероломства — грех...
И как нежнее всех — ту, глубже всех

В ночь канувшую — на дела лихие!
И как *не* разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска — потерянным перстом
Все водит, водит... И еще о том,

Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать — и как *не*
встанет...

Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?),

Предстало нам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

10

Вот он — гляди — уставший от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот — горстью пьет из горной быстрины —
Князь без страны.

Там всё ему: и княжество, и рать,
И хлеб, и мать.

Краснó твое наследие, — владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

11

Останешься нам иноком:
Хорошеньким, любименьким,
Требником рукописным,
Ларчиком кипарисным.

Всем — до единой — женщинам,
Им, ласточкам, нам, венчанным,
Нам, злату, тем, сединам,
Всем — до единой — сыном

Останешься, всем — первенцем,
Покинувшим, отвергнувшим,
Посохом нашим странным,
Странником нашим ранним.

Всем нам с короткой надписью
Крест на Смоленском кладбище
Искать, всем никнуть в че́ред,
Всем, ..., не верить.

Всем — сыном, всем — наследником,
Всем — первеньким, последненьким.

15 августа 1921

12

Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!
Было так ясно на лике его:
Царство мое не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил, —
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл —
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья изведали право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! —
Знают, что этого нет — умереть!

Зори пьет, море пьет — в полную сыть
Бражничает. — Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! —
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

13

А над равниной —
Крик лебединый.
Матерь, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной — он — версты,
Это последнее — он — прости.

А над равниной —
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы, крыло в крови...
Это последнее он: — Живи!

Над окаянной —
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал — осанна!
Каторжник койку-обрел-теплынь.
Пасынок к матери в дом. — Аминь.

Между 15 и 25 августа 1921

14

Не проломанное ребро —
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навылет
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему — трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

15

Без зова, без слова, —
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, — в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а тёрном —
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
— И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром — труды.
Как в землю положен,
Быть может, — проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих — вижу опять.
Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

16

Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:
Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес —
Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?

25 ноября 1921

17

Так, Господи! И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою — своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь —
Гранит, коленами протертый.
Всем отданы герой и царь,
Всем — праведник — певец — и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробо́вым не смущаясь тесом,
Русь — Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой — тысяча который? —
Ревнует смертная любовь.
Другая — радуется хору.

2 декабря 1921

□ □ □

То-то в зеркальце — чуть брезжит —
Всё гляделась:
Хорошо ли для приезжих
Разоделась.

По сережкам да по бусам
Стосковалась.
То-то с купчиком безусым
Целовалась.

Целовалась, обнималась —
Не стыдилась!
Всяк тебе: «Прости за малость!»
— «Сделай милость!»

Укатила в половодье
На три ночи.
Желтоглазое отродье!
Ум сорочий!

А на третью — взвыла Волга,
Ходит грозно.
Оступиться, что ли, долго
С перевозу?

Вот тебе и мех бобровый,
Шелк турецкий!
Вот тебе и чернобровый
Сын купецкий!

Не купецкому же сыну
Плакать даром!
Укатил себе за винным
За товаром!

Бурлаки над нею, спящей,
Тянут барку. —
За помин души гулящей
Выпьем чарку.

20 апреля 1916

В оны дни ты мне была, как мать,
Я в ночи тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный,
Свет очей моих в ночи оны.

Благодатная, вспомяни,
Незакатные оны дни,
Материнские и дочерние,
Незакатные, невечерние.

Не смущать тебя пришла, прощай,
Только платья поцелую край,
Да взгляну тебе очами в очи,
Зацелованные в оны ночи.

Будет день — умру — и день — умрешь,
Будет день — пойму — и день — поймешь...
И вернется нам в день прощеный
Невозвратное время оно.

26 апреля 1916

□ □ □

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я — бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих — междуцарствие,
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псари царствуют.

Кто земель моих не оспаривал,
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи не варил — варева,
Не жег — зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я до тла расхищена.
У палат твоих, царь истинный,
Стою — нищая!

27 апреля 1916

□ □ □

Продаю! Продаю! Продаю!
Поспешайте, господа хорошие!
Золотой товар продаю,
Чистый товар, не ношенный,
Не сквозной, не крашенный, —
Не запрашиваю!

Мой товар — на всякий лад, на всякий вкус.
Держись, коробейники! —
Не дорожусь! не дорожусь! не дорожусь!
Во что оце́ните.
Носи — не сносишь!
Бросай — не сбросишь!

Эй, товары хороши-то хороши!
Эй, выкладывайте красные гроши!
Да молитесь за помин моей души!

28 апреля 1916

Много тобой пройдено
Русских дорог глухих.
Ныне же вся родина
Причащается тайн твоих.

Все мы твои причастники,
Смилуйся, допусти! —
Кровью своей причастны мы
Крестному твоему пути.

Чаша сия — полная,
— Причастимся Св⟨ятых⟩ даров! —
Слезы сии солоны,
— Причастимся Св⟨ятых⟩ даров! —

Тянут к тебе матери
Кровную кровь свою.
Я же — слепец на паперти —
Имя твое пою.

2 мая 1916

АХМАТОВОЙ

1

О, Муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает: Анна
Ахматова! Это имя — огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
И я дарю тебе свой колокольный град,
— Ахматова! — и сердце свое в придачу.

19 июня 1916

2

Охватила голову и стою,
— Что людские козни! —
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас — одна,
Как луна на небе!

Что, на сердце вóроном налетев,
В облака вонзилась.
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна — милость.

Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою, как ремнем,
Мне стянула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь — нищей,

Что тебя, чей голос — о глубь, о мгла! —
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.

22 июня 1916

3

Еще один огромный взмах —
И спят ресницы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумане дней?
Ждала и пела...
Так много вздоха было в ней,
Так мало — тела.

Не человечески мила
Ее дремота.
От ангела и от орла
В ней было что-то.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!

Часы, года, века. — Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.

Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.

23 июня 1916

4

Имя ребенка — Лев,
Матери — Анна.
В имени его — гнев,
В материнском — тишь.
Волосом он рыж
— Голова тюльпана! —
Что ж, осанна
Маленькому царю.

Дай ему Бог — вздох
И улыбку матери,
Взгляд — искателя
Жемчугов.
Бог, внимательней
За ним присматривай:
Царский сын — гадательней
Остальных сынов.

Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!

Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок — в твоей горсти!

24 июня 1916

5

Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей —
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия — и во рту
Крылышко розы.

Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...

И — высóко у парусов —
Отрока в синей блузе.
Гром моря и грозный зов
Раненой Музы.

25 июня 1916

6

Не отстать тебе! Я — острожник,
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

7

Ты, срывающая покров
С катафалков и с колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
— Чернокнижница! — Крепостница! —
Я заслышала грозный вой
Львов, вещающих колесницу.

Слышу страстные голоса —
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса —
И один — между ними — черный.

Океаном ли правишь путь,
Или воздухом — всею грудью
Жду, как солнцу, подставив грудь
Смертоносному правосудью.

26 июня 1916

8

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном — с цветиками — платке,
— Милости удостоиться
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергий-Троицы,

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

27 июня 1916

9

Златоустой Анне — всея Руси
Искупительному глаголу, —
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! — Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне — всея Руси!

27 июня 1916

10

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос — как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие — свят, свят, свят —
Не тем же ль голосом, Господи, говорят.

Стою и слушаю и растираю колос,
И темным куполом меня замыкает — голос.

Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истово, — а руки твоей.

Для всех, в томленьи славящих твой подъезд, —
Земная женщина, мне же — небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны,
И всё *твоими* очами глядят иконы!

1 июля 1916

11

Ты солнце в выси мне застишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы — двери настежь! —
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть,
Как в детстве, когда простят.

2 июля 1916

12

Руки даны мне — протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы — давать имена,
Очи — не видеть, высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжéле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, —
Это — кто знает? — не знаю, — быть может, — должно быть —
Мне загоститься не дать на российской земле!

2 июля 1916

⟨13⟩

А что если кудри в плат
Упрячу — что вьются валом,
И в синий вечерний хлад
Побреду себе............

— Куда это держишь путь,
Красавица — аль в обитель?
— Нет, милый, хочу взглянуть
На царицу, на царевича, на Питер.

— Ну, дай тебе Бог! — Тебе! —
Стоим опустив ресницы.
— Поклон от меня Неве,
Коль запомнишь, да царевичу с царицей.

...И вот меж крылец — крыльцо
Горит заревою пылью,
И вот — промеж лиц — лицо
Горбоносое и волосы как крылья.

На лестницу нам нельзя, —
Следы по ступенькам лягут.
И снизу — глаза в глаза:
— Не потребуется ли, барынька, ягод?

28 июня 1916

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд...
Старая баба — посыпанный крупною солью
Черный ломо́ть у калитки жует и жует.

Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! — и для чего стольким простреливать грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже ты мой!

3 июля 1916

□ □ □

Вдруг вошла
Черной и стройной тенью
В дверь дилижанса.
Ночь
Ринулась вслед.

Черный плащ
И черный цилиндр с вуалью.
Через руку
В крупную клетку — плед.
Если не хочешь муку
Принять, — спи, сосед.

Шаг лунатик. Лик
Узок и ярок.
Горячи
Глаз черные дыры.

Скользнул на колени
Платок нашейный,
И вонзились
Острия локтей — в острия колен.

В фонаре
Чахлый чадит огарок.
Дилижанс — корабль,
Дилижанс — корабль.
Лес
Ломится в окна.
Скоро рассвет.

Если не хочешь муку
Принять — спи, сосед!

23 июля 1916

□ □ □

Искательница приключений,
Искатель подвигов — опять
Нам волей роковых стечений
Друг друга суждено узнать.

Но между нами — океан,
И весь твой лондонский туман,
И розы свадебного пира,
И доблестный британский лев,
И пятой заповеди гнев, —
И эта ветреная лира!

Мне и тогда на земле
Не было места!
Мне и тогда на земле
Всюду был дом.

А Вас ждала прелестная невеста
В поместье родовом.

По ночам, в дилижансе, —
И за бокалом Асти,
Я слагала Вам стансы
О прекрасной страсти.

Гнал веттурино,
Пиньи клонились: Salve![1]
Звали меня — Коринной,
Вас — Освальдом.

24 июля 1916

ДАНИИЛ

1

Села я на подоконник, ноги свесив.
Он тогда спросил тихонечко: Кто здесь?
— Это я пришла. — Зачем? — Сама не знаю.
— Время позднее, дитя, а ты не спишь.

Я луну увидела на небе,
Я луну увидела и луч.
Упирался он в твое окошко, —
Оттого, должно быть, я пришла...

О, зачем тебя назвали Даниилом?
Все мне снится, что тебя терзают львы!

26 июля 1916

[1] Привет! *(итал.)*.

2

Наездницы, развалины, псалмы,
И вереском поросшие холмы,
И наши кони смирные бок ó бок,
И подбородка львиная черта,
И пасторской одежды чернота,
И синий взгляд, пронзителен и робок.

Ты к умирающему едешь в дом,
Сопровождаю я тебя верхом.
(Я девочка,—с тебя никто не спросит!)
Поет рожок меж сосенных стволов...
— Что означает, толкователь снов,
Твоих кудрей довременная проседь?

Озерная блеснула синева,
И мельница взметнула рукава,
И, отвернув куда-то взгляд горячий,
Он говорит про бедную вдову...
Что надобно любить Иегову...
И что не надо плакать мне—как плачу...

Запахло яблонями и дымком,
— Мы к умирающему едем в дом,
Он говорит, что в мире всё нам снится...
Что волосы мои сейчас как шлем...
Что все пройдет... Молчу—и надо всем
Улыбка Даниила-тайновидца.

26 июля 1916

3

В полнолунье кони фыркали,
К девушкам ходил цыган.
В полнолунье в красной кирке
Сам собою заиграл орган.

По лугу металась паства
С воплями: Конец земли!
Утром молодого пастора
У органа — мертвого нашли.

На его лице серебряном
Были слезы. Целый день
Притекали данью щедрой
Розы из окрестных деревень.

А когда покойник прибыл
В мирный дом своих отцов —
Рыжая девчонка Библию
Запалила с четырех концов.

28 июля 1916

□ □ □

Не моя печаль, не моя забота,
Как взойдет посев,
То не я хочу, то огромный кто-то:
И ангел и лев.

Стерегу в глазах молодых — истому,
Черноту и жар.
Так от сердца к сердцу, от дома к дому
Вздымаю пожар.

Разметались кудри, разорван ворот...
Пустота! Полет!
Облака плывут, и горящий город
Подо мной плывет.

2 августа 1916

И взглянул, как в первые раза
Не глядят.
Черные глаза глотнули взгляд.

Вскинула ресницы и стою.
— Что, — светла? —
Не скажу, что выпита до тла.

Всё до капли поглотил зрачок.
И стою.
И течет твоя душа в мою.

7 августа 1916

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых
С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что взлюбила больше Бога
Милых ангелов его.

15 августа 1916

□ □ □

Чтоб дойти до уст и ложа —
Мимо страшной церкви Божьей
Мне идти.

Мимо свадебных карет,
Похоронных дрог.
Ангельский запрет положен
На его порог.

Так, в ночи́ ночей безлунных,
Мимо сторожей чугунных:
Зорких врат —

К двери светлой и певучей
Через ладанную тучу
Тороплюсь,

Как торопится от века
Мимо Бога — к человеку
Человек.

15 августа 1916

□ □ □

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи́ я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты —
О проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

15 августа 1916

□ □ □

И поплыл себе — Моисей в корзине! —
Через белый свет.
Кто же думает о каком-то сыне
В восемнадцать лет!

С юной матерью из чужого края
Ты покончил счет,
Не узнав, какая тебе, какая
Красота растет.

Раззолоченной роковой актрисе —
Не до тех речей!
А той самой ночи — уже пять тысяч
И пятьсот ночей.

И не знаешь ты, и никто не знает,
— Бог один за всех! —
По каким сейчас площадям гуляет
Твой прекрасный грех!

26 августа 1916

□ □ □

На завитки ресниц
Невинных и наглых,
На золотой загар
И на крупный рот, —
На весь этот страстный,
Мальчишеский, краткий век
Загляделся один человек
Ночью, в трамвае.

Ночь — черна,
И глаза ребенка — черны,
Но глаза человека — черней.
— Ах! — схватить его, крикнуть:
— Идем! Ты мой!
Кровь — моя течет в твоих темных жилах.
Целовать ты будешь и петь,
Как никто на свете!
Нáсмерть
Женщины залюбят тебя!

И шептать над ним, унося его на руках
по большому лесу,
По большому свету,
Всё шептать над ним это странное слово: — Сын!

29 августа 1916

□ □ □

Соперница, а я к тебе приду
Когда-нибудь, такою ночью лунной,
Когда лягушки воют на пруду
И женщины от жалости безумны.

И, умиляясь на биенье век
И на ревнивые твои ресницы,
Скажу тебе, что я — не человек,
А только сон, который только снится.

И я скажу: — Утешь меня, утешь,
Мне кто-то в сердце забивает гвозди!
И я скажу тебе, что ветер — свеж,
Что горячи — над головою — звезды...

8 сентября 1916

И другу нá руку легло
Крылатки тонкое крыло.
Что я поистине крылата,
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки...
И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

21 сентября 1916

□ □ □

Так, от века здесь, на земле, до века,
И опять, и вновь
Суждено невинному человеку —
Воровать любовь.

По камням гадать, оступаться в лужи
. . . .
Сторожа часами — чужого мужа,
Не свою жену.

Счастье впроголодь? у закона в пасти!
Без свечей, печей...
О несчастное городское счастье
Воровских ночей!

У чужих ворот — не идут ли следом? —
Поцелуи красть...
— Так растет себе под дождем и снегом
Воровская страсть...

29 сентября 1916

□ □ □

И не плача зря
Об отце и матери — встать, и с Богом
По большим дорогам
В ночь — без собаки и фонаря.

Воровская у ночи пасть:
Стыд поглотит и с Богом тебя разлучит.
А зато научит
Петь и, в глаза улыбаясь, красть.

11 Зак 199

И кого-то звать
Длинным свистом, на перекрестках черных,
И чужих покорных
Жен под деревьями целовать.

Наливается поле льдом,
Или колосом — всё по дорогам — чудно!
Только в сказке — блудный
Сын возвращается в отчий дом.

10 октября 1916

ЕВРЕЯМ

Кто не топтал тебя — и кто не плавил,
О купина неопалимых роз!
Единое, что на земле оставил
Незыблемого по себе Христос:

Израиль! Приближается второе
Владычество твое. За все гроши
Вы кровью заплатили нам: Герои!
Предатели! — Пророки! — Торгаши!

В любом из вас, — хоть в том, что при огарке
Считает золотые в узелке —
Христос слышнее говорит, чем в Марке,
Матфее, Иоанне и Луке.

По всей земле—от края и до края —
Распятие и снятие с креста
С последним из сынов твоих, Израиль,
Воистину мы погребем Христа!

13 октября 1916

□ □ □

Целую червонные листья и сонные рты,
Летящие листья и спящие рты.
— Я в мире иной не искала корысти. —
Спите, спящие рты,
Летите, летящие листья!

17 октября 1916

□ □ □

Погоди, дружок!
Не довольно ли нам камень городской толочь?
Зайдем в погребок,
Скоротаем ночь.

Там таким — приют,
Там целуются и пьют, вино и слезы льют,
Там песни поют,
Пить и есть дают.

Там в печи — дрова,
Там тихонечко гуляет в смуглых пальцах нож.
Там и я права,
Там и ты хорош.

Там одна — темней
Темной ночи, и никто-то не подсядет к ней.
Ох, взгляд у ней!
Ох, голос у ней!

22 октября 1916

□ □ □

Кабы нас с тобой да судьба свела —
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!

Как последний сгас на мосту фонарь —
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, — всех собой дарю!

Кабы нас с тобой да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола!
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька — бела, бела, —
Кабы нас с тобой — да судьба свела!

25 октября 1916

□ □ □

Каждый день все кажется мне: суббота!
Зазвонят колокола, ты войдешь.
Богородица из золотого киота
Улыбнется, как ты хорош.

Что ни ночь, то чудится мне: под камнем
Я, и камень сей на сердце — как длань.
И не встану я, пока не скажешь, пока мне
Не прикажешь: Девица, встань!

8 ноября 1916

□ □ □

Словно ветер над нивой, словно
Первый колокол — это имя.
О, как нежно в ночи любовной
Призывать Элоима!

Элоим! Элоим! В мире
Полночь, и ветры стихли.
К невесте идет жених.
Благослови
На дело любви
Сирот своих!
Мы песчинок морских бесследней,
Мы бесследней огня и дыма.
Но как можно в ночи последней
Призывать Элоима!

11 ноября 1916

□ □ □

Счастие или грусть —
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теребить в руках,
И прослыть в веках —
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой —
Гончаровой.

Сон или смертный грех —
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно — кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать — Ланского.

11 ноября 1916

□ □ □

Через снега, снега —
Слышишь голос, звучавший еще в Эдеме?
Это твой слуга
С тобой говорит, Господин мой — Время.

Черных твоих коней
Слышу топот.
Нет у тебя верней
Слуги́ — и понятливей ученицы.

Рву за цветком цветок,
И целует, целует мой рот поющий.
— О бытие! Глоток
Горячего грога на сон грядущий!

15 ноября 1916

□ □ □

По дорогам, от мороза звонким,
С царственным серебряным ребенком
Прохожу. Всё — снег, всё — смерть, всё — сон.

На кустах серебряные стрелы.
Было у меня когда-то тело,
Было имя, — но не всё ли — дым?

Голос был, горячий и глубокий...
Говорят, что тот голубоокий,
Горностаевый ребенок — мой.

И никто не видит по дороге,
Что давным-давно уж я во гробе
Досмотрела свой огромный сон.

15 ноября 1916

Рок приходит не с грохотом и громом,
А так: падает снег,
Лампы горят. К дому
Подошел человек.
Длинной искрой звонок вспыхнул.
Взошел, вскинул глаза.
В доме совсем тихо.
И горят образа.

16 ноября 1916

□ □ □

Я ли красному как жар киоту
Не молилась до седьмого поту?
Гость субботний, унеси мою заботу,
Уведи меня с собой в свою субботу.

Я ли в день святого Воскресенья
Поутру не украшала сени?
Нету для души моей спасенья,
Нету за субботой воскресенья!

Я ль свечей не извожу по сотням?
Третью полночь воет в подворотне
Пес захожий. Коли душу отнял —
Отними и тело, гость субботний!

21 ноября 1916

□ □ □

Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям —
Шатался — под луной огромной?

И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?

Каким я голосом во сне
Шепчу — слыхал? — О, дым и пепел! —
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и нé пил?

7 декабря 1916

□ □ □

...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревенской гостинице —
Тонкий звон
Старинных часов — как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды —
Флейта,
И сам флейтист в окне.
И большие тюльпаны на окнах.
И может быть, Вы бы даже меня любили...

Посреди комнаты — огромная изразцовая печка,
На каждом изразце — картинка:

Роза — сердце — корабль. —
А в единственном окне —
Снег, снег, снег.

Вы бы лежали — каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.

Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком — пепел.
Вам даже лень его стряхивать —
И вся папироса летит в огонь.

10 декабря 1916

□ □ □

По ночам все комнаты черны,
Каждый голос темен. По ночам
Все красавицы земной страны
Одинаково — невинно — неверны.

И ведут друг с другом разговоры
По ночам красавицы и воры.

Мимо дома своего пойдешь —
И не тот уж дом твой по ночам!
И сосед твой — странно-непохож,
И за каждою спиною — нож.

И шатаются в бессильном гневе
Черные огромные деревья.

Ох, узка подземная кровать
По ночам, по черным, по ночам!

Ох, боюсь, что буду я вставать,
И шептать, и в губы целовать...

— Помолитесь, дорогие дети,
За меня в час первый и в час третий.

17 декабря 1916

□ □ □

Так, одним из легких вечеров,
Без принятия Святых Даров,
— Не хлебнув из доброго ковша! —
Отлетит к тебе моя душа.
Красною причастной теплотой
Целый мир мне был горячий твой.
Мне ль дары твои вкушать из рук
Раззолоченных, неверных слуг?

Ртам и розам — разве помнит счет
Взгляд 〈бессонный〉 мой и грустный рот?
— Радостна, невинна и тепла
Благодать твоя в меня текла.

Так, тихонько отведя потир,
Отлетит моя душа в эфир —
Чтоб вечерней славе облаков
Причастил ее вечерний ковш.

1 января 1917

□ □ □

Мне ль, которой ничего не надо,
Кроме жаркого чужого взгляда,
Да янтарной кисти винограда, —

Мне ль, заласканной до тла и всласть,
Жаловаться на тебя, о страсть!

Все же в час как леденеет твердь
Я мечтаю о тебе, о смерть,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, уставший от объятий.

1 января 1917

□ □ □

День идет.
Гасит огни.
Где-то взревел за рекою гудок фабричный.
Первый
Колокол бьет.
Ох!
Бог, прости меня за него, за нее,
за всех!

8 января 1917

□ □ □

Мировое началось во мгле кочевье:
Это бродят по ночной земле – деревья,
Это бродят золотым вином – грозди,
Это странствуют из дома в дом – звезды,
Это реки начинают путь – вспять!
И мне хочется к тебе на грудь – спать.

14 января 1917

□ □ □

Только закрою горячие веки —
Райские розы, райские реки...

Где-то далече,
Как в забытьи,
Нежные речи
Райской змеи.

И узнаю,
Грустная Ева,
Царское древо
В круглом раю.

20 января 1917

□ □ □

Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...

Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек —
Рокот...

Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре
Помните жаркое ржанье и степь в серебре?
Синий дымок на горе,
И о цыганском царе —
Песню...

В черную полночь, под пологом древних ветвей,
Мы вам дарили прекрасных — как ночь — сыновей,
Нищих — как ночь — сыновей...
И рокотал соловей —
Славу...

Не удержали вас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры —
Звезды...

29 января 1917

□ □ □

У камина, у камина
Ночи коротаю.
Все качаю и качаю
Маленького сына.

Лучше бы тебе по Нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.

Царский сон оберегая,
Затекли колена.
Ночь была... И ночь другая
Ей пришла на смену.

Так Агарь в своей пустыне
Шепчет Измаилу:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»

Дорастешь, царек сердечный,
До отцовской славы,
И поймешь: недолговечны
Царские забавы!

И другая, в час унылый
Скажет у камина:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»

2 февраля 1917. Сретение

□ □ □

Август — астры,
Август — звезды,
Август — грозди
Винограда и рябины
Ржавой — август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! — Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных
Август! — Месяц
Ливней звездных!

7 февраля 1917

ДОН-ЖУАН

1

На заре морозной
Под шестой березой
За углом у церкви
Ждите, Дон-Жуан!

Но, увы, клянусь вам
Женихом и жизнью,
Что в моей отчизне
Негде целовать!

Нет у нас фонтанов,
И замерз колодец,

А у богородиц —
Строгие глаза.

И чтобы не слышать
Пустяков — красоткам,
Есть у нас презвонкий
Колокольный звон.

Так вот и жила бы,
Да боюсь — состарюсь,
Да и вам, красавец,
Край мой не к лицу.

Ах, в дохе медвежьей
И узнать вас трудно,
Если бы не губы
Ваши, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

2

Долго на заре туманной
Плакала метель.
Уложили Дон-Жуана
В снежную постель.

Ни гремучего фонтана,
Ни горячих звёзд...
На груди у Дон-Жуана
Православный крест.

Чтобы ночь тебе светлее
Вечная — была,
Я тебе севильский веер,
Черный, принесла.

Чтобы видел ты воочью
Женскую красу,

Я тебе сегодня ночью
Сердце принесу.

А пока — спокойно спите!..
Из далеких стран
Вы пришли ко мне. Ваш список —
Полон, Дон-Жуан!

19 февраля 1917

3

После стольких роз, городов и тостов —
Ах, ужель не лень
Вам любить меня? Вы — почти что остов,
Я — почти что тень.

И зачем мне знать, что к небесным силам
Вам взывать пришлось?
И зачем мне знать, что пахну́ло — Нилом
От моих волос?

Нет, уж лучше я расскажу Вам сказку:
Был тогда — январь.
Кто-то бросил розу. Монах под маской
Проносил фонарь.

Чей-то пьяный голос молил и злился
У соборных стен.
В этот самый час Дон-Жуан Кастильский
Повстречал — Кармен.

22 февраля 1917

4

Ровно — полночь.
Луна — как ястреб.
— Что — глядишь?
— Так — гляжу!

— Нравлюсь? — Нет.
— Узнаёшь? — Быть может.
— Дон-Жуан я.
— А я — Кармен.

22 февраля 1917

5

И была у Дон-Жуана — шпага,
И была у Дон-Жуана — Донна Анна.
Вот и всё, что люди мне сказали
О прекрасном, о несчастном Дон-Жуане.

Но сегодня я была умна:
Ровно в полночь вышла на дорогу,
Кто-то шел со мною в ногу,
Называя имена.

И белел в тумане посох странный...
— Не было у Дон-Жуана — Донны Анны!

14 мая 1917

6

И падает шелковый пояс
К ногам его — райской змеей...
А мне говорят — успокоюсь
Когда-нибудь, там, под землей.

Я вижу надменный и старый
Свой профиль на белой парче.
А где-то — гитаны — гитары —
И юноши в черном плаще.

И кто-то, под маскою кроясь:
— Узнайте! — Не знаю. — Узнай! —
И падает шелковый пояс
На площади — круглой, как рай.

14 мая 1917

7

И разжигая во встречном взоре
Печаль и блуд,
Проходишь городом — зверски-черен,
Небесно-худ.

Томленьем застланы, как туманом,
Глаза твои.
В петлице — роза, по всем карманам —
Слова любви!

Да, да. Под вой ресторанной скрипки
Твой слышу — зов.
Я посылаю тебе улыбку,
Король воров!

И узнаю, раскрывая крылья —
Тот самый взгляд,
Каким глядел на меня в Кастилье —
Твой старший брат.

8 июня 1917

И сказал Господь:
— Молодая плоть,
Встань!

И вздохнула плоть:
— Не мешай, Господь,
Спать.

Хочет только мира
Дочь Иаира. —

И сказал Господь:
— Спи.

Март 1917

□ □ □

Уж и лед сошел, и сады в цвету.
Богородица говорит сынку:
— Не сходить ли, сынок, сегодня мне
В преисподнюю?

Что за *грех* такой?
Видишь, и день какой!
Пусть хоть нынче они не злобятся
В мой субботний день, Богородицын!

Повязала Богородица — белый плат:
— Ну, смотри, — ей молвил сын. — *Ты* ответчица!
Увязала Богородица — целый сад
Райских розанов — в узелочке — через плечико.

И идет себе,
И смеется вслух.
А навстречу ей
Реет белый пух
С вишен, с яблонь...

(Не окончено. Жаль). Март 1917

□ □ □

Над церкóвкой — голубые облака,
Крик вороний...
И проходят — цвета пепла и песка —
Революционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!

Нету лиц у них и нет имен, —
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на вечный сон!

Москва, 2 марта 1917

ЦАРЮ – НА ПАСХУ

Настежь, настежь
Царские врата!
Сгасла, схлынула чернота.
Чистым жаром
Горит алтарь.
– Христос Воскресе,
Вчерашний царь!

Пал без славы
Орел двуглавый.
– Царь! – Вы были неправы.

Помянёт потомство
Еще не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.

Ваши судьи –
Гроза и вал!
Царь! Не люди –
Вас Бог взыскал.

Но нынче Пасха
По всей стране,
Спокойно спите
В своем Селе,
Не видьте красных
Знамен во сне.

Царь! – Потомки
И предки – сон.
Есть – котомка,
Коль отнят – трон.

Москва, 2 апреля 1917,
первый день Пасхи

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.

Ласковая ты, Россия, матерь!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексия!

4 апреля 1917,
третий день Пасхи

Во имя Отца и Сына и Святого Духа —
Отпускаю ныне
Дорогого друга
Из прекрасной пустыни — в мир.

Научила я друга — как день встает,
Как трава растет,
И как ночь идет,
И как смерть идет,
И как звезды ходят из дома в дом —
Будет друг царем!

А как друг пошел — полегла трава
Как под злой косой,

Зашатались черные дерева,
Пал туман густой...

— Мы одни с тобой,
Голубь, дух святой!

9 апреля 1917

□ □ □

Чуть светает —
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.

Покидают норы —
Старухи, воры.
Ведут разговоры.

Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.
В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.

Из черной тряпицы
Выползают на свет Божий —
Гроши нищие,
Гроши острожные,
По́том и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души
Отложенные.

Та́к, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры —
Старухи, воры:
За живот, за здравие
Раба Божьего — Николая.

Та́к, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.

10 апреля 1917

□ □ □

А всё же спорить и петь устанет —
И этот рот!
А всё же время меня обманет
И сон — придет.

И лягу тихо, смежу ресницы,
Смежу ресницы.
И лягу тихо, и будут сниться
Деревья и птицы.

12 апреля 1917

СТЕНЬКА РАЗИН

1

Ветры спать ушли — с золотой зарей,
Ночь подходит — каменною горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб,
Как гремит над жарким его шатром —
Соловьиный гром.

22 апреля 1917

2

А над Волгой — ночь,
А над Волгой — сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою — Брови Черные.

И не видно звезд, и не слышно волн,
Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов чёлн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь — такую речь:
— Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

А она — брови насупила,
Брови длинные.
А она — очи потупила
Персиянские.
И из уст ее —
Только вздох один:
— Джаль-Эддин!

А над Волгой — заря румяная,
А над Волгой — рай.
И грохочет ватага пьяная:
— Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она — что смерть,
Рот закушен в кровь. —
Так и ходит атаманова крутая бровь.

— Не поладила ты с нашею постелью,
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то — ясно,
Тёмно — на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан — ровно грозный дуб,
Побелел Степан — аж до самых губ.
Закачался, зашатался. — Ох, томно!
Поддержите, нехристи, — в очах тёмно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

25 апреля 1917

3

(СОН РАЗИНА)

И снится Разину — сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину — звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину дно:
Цветами — что плат ковровый.
И снится лицо одно —
Забытое, чернобровое.

Сидит, ровно Божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...

Сдавило дыханье — аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный — меж ними — полог.

Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:
— Затонуло ты, Степаново счастье!

8 мая 1917

Так и буду лежать, лежать
Восковая, да ледяная, да скорченная.
Так и будут шептать, шептать:
— Ох, шальная! ох, чумная! ох, порченная!

А монашки-то вздыхать, вздыхать,
А монашки-то — читать, читать:
— Святый Боже! Святый Боже! Святый Крепкий!

Не помилует, монашки, — ложь!
Захочу — хвать нож!
Захочу — и гроб в щепки!
Да нет — не хочу —
Молчу.

Я тебе, дружок,
Я слово скажу:
Кому — вверху гулять,
Кому — внизу лежать.

Хочешь — целуй
В желтый лоб,
А не хочешь — так
Заколотят в гроб.

Дело такое:
Стала умна.
Вот оттого я
Ликом темна.

2 мая 1917

□ □ □

— Что же! Коли кинут жребий —
Будь, любовь!
В грозовом — безумном! — небе —
Лед и кровь.

Жду тебя сегодня ночью
После двух:
В час, когда во мне рокочут
Кровь и дух.

13 мая 1917

ГАДАНЬЕ

1

В очи взглянула
Тускло и грозно.
Где-то ответил — гром.
— Ох, молодая!
Дай погадаю
О земном талане твоем.

Синие тучи свились в воронку.
Где-то гремит, — гремят!
Ворожея в моего ребенка
Сонный вперила взгляд.
— Что же нам скажешь?
— Всё без обману.
— Мне уже поздно,
Ей еще рано...
— Ох, придержи язык, красота!
Что до поры говорить: не верю! —
И распахнула карточный веер
Черная — вся в серебре — рука.

— Речью дерзка,
Нравом проста,
Щедро живешь,
Красоты не копишь.
В ложке воды тебя — ох — потопит
Злой человек.

Скоро в ночи́ тебе путь нежданный.
Линии мало,
Мало талану. —
Позолоти!

И вырастает с ударом грома
Черный — на черном — туз.

19 мая 1917

2

Как перед царями да князьями стены падают –
Отпади, тоска-печаль-кручина,
С молодой рабы моей Марины,
Верноподданной.

Прошуми весеннею водою
Над моей рабою
Молодою.

(Кинь-ка в воду обручальное кольцо,
Покатай по белой грудке – яйцо!)

От бессонницы, от речи сладкой,
От змеи, от лихорадки,
От подружкина совета,
От лихого человека,
От младых друзей,
От чужих князей –
Заклинаю государыню-княгиню,
Молодую мою, верную рабыню.

(Наклони лицо,
Расколи яйцо!)

Да растут ее чертоги –
Выше снежных круч,
Да бегут ее дороги –
Выше синих туч,

Да поклонятся ей в ноги
Все князья земли, –
Да звенят в ее кошёлке
Золотые рубли.

Ржа – с ножа,
С тебя, госпожа, –
Тоска!

21 мая 1917

3

Голос — сладкий для слуха,
Только взглянешь — светло.
Мне что? — Я старуха,
Мое время прошло.

Только солнышко скроется,
Да падет темнота,
Выходи ты под Троицу
Без Христа-без креста.

Пусть несут тебя ноженьки
Не к дружку твоему:
Непроезжей дороженькой —
В непроглядную тьму.

Да сними — не забудь же —
Образочек с груди.
А придешь на распутье,
К земле припади.

Позовет тебя глухо,
Ты откликнись — светло...
— Мне что? — Я старуха,
Мое время прошло.

21 мая 1917

□ □ □

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:
— Гряди, жених!

Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой —
Что ночь без звезд!
Горит на мундире впалом —
Солдатский крест[1].

Народы призвал к покою,
Смирил озноб —
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

21 мая 1917
Троицын день

□ □ □

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
— Свобода! — Прекрасная Дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, —
Обедня еще впереди!
— Свобода! — Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

26 мая 1917

(Бальмонт, выслушав: — Мне не нравится — твое презрение к девке! Я — обижен за девку! Потому что — (блаженно-заведенные глаза) — иная девка... Я: — Как *жаль,* что я не могу тебе ответить: — «Как и иной солдат...»)

[1] Крест, на каком-то собрании, сорванный с груди солдатом и надетый на грудь Керенскому. См. газеты лета 1917 г. *М. Ц.*

□ □ □

В лоб целовать — заботу стереть.
В лоб целую.

В глаза целовать — бессонницу снять.
В глаза целую.

В губы целовать — водой напоить.
В губы целую.

В лоб целовать — память стереть.
В лоб целую.

5 июня 1917

Голубые, как небо, воды,
И серебряных две руки.
Мало лет — и четыре года:
Ты и я — у Москвы-реки.

Лодки плыли, гудки гудели,
Распоясанный брел солдат.
Ребятишки дрались и пели
На отцовский унылый лад.

На ревнителей Бога Марса
Ты тихонько кривила рот.
Ледяными глазами барса
Ты глядела на этот сброд.

Был твой лик среди этих, темных,
До сиянья, до блеска — бел.
Не забуду — а ты не вспомнишь —
Как один на тебя глядел.

6 июня 1917

(NB! с ненавистью — как мне тогда показалось, и весь этот стих — ответ на этот — классовой ненависти — взгляд. *МЦ — 1938 г. — при переписке).*

□ □ □

А пока твои глаза
— Черные — ревнивы,
А пока на образа
Молишься лениво —
Надо, мальчик, целовать
В губы — без разбору.
Надо, мальчик, под забором
И дневать и ночевать.

И плывет церковный звон
По дороге белой.
На заре-то — самый сон
Молодому телу!
(А погаснут все огни —
Самая забава!)
А не то — пройдут без славы
Черны ночи, белы дни.

Летом — светло без огня,
Летом — ходишь ходко.
У кого увел коня,
У кого красотку.
— Эх, и врет, кто нам поет
Спать с тобою розно!
Милый мальчик, будет поздно,
Наша молодость пройдет!

Не взыщи, шальная кровь,
Молодое тело!
Я про бедную любовь
Спела — как сумела!
Будет день — под образа
Ледяная — лягу.
— Кто тогда тебе расскажет
Правду, мальчику, в глаза?

10 июня 1917

12 Зак 199

□ □ □

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью зá руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

□ □ □

И зажег, голубчик, спичку.
— Куды, матушка, дымок?
— В двери, родный, прямо в двери, —
Помирать тебе, сынок!

— Мне гулять еще охота.
Неохота помирать.
Хоть бы кто за меня помер!
...Только до ночи и пожил.

11 июня 1917

(Рассказ владимирской няни Нади.)

АЛЕ

А когда — когда-нибудь — как в воду
И тебя потянет — в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом — меня — мои стихи — забудь.

Знай одно: что завтра будешь старой.
Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара —
И бросайся каждому на грудь.

Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь — миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!
(Я о них *писала* — столько раз!)

Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись — добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка, — забудь.

11 июня 1917

□ □ □

А царит над нашей стороной —
Глаз дурной, дружок, да час худой.

А всего у нас, дружок, красы —
Что две русых, вдоль спины, косы,
Две несжатых, в поле, полосы.

А затем, чтобы в единый год
Не повис по рощам весь народ —

Для того у нас заведено
Зеленое шалое вино.

А по селам — ивы — дерева
Да плакун-трава, разрыв-трава...

Не снести тебе российской ноши.
— Проходите, господин хороший!

11 июня 1917

КАРМЕН

1

Божественно, детски-плоско
Короткое, в сборку, платье.
Как стороны пирамиды
От пояса мчат бока.

Какие большие кольца
На маленьких темных пальцах!
Какие большие пряжки
На крохотных башмачках!

А люди едят и спорят,
А люди играют в карты.
Не знаете, чтó на карту
Поставили, игроки!

А ей — ничего не надо!
А ей — ничего не надо!
— Вот грудь моя. Вырви сердце —
И пей мою кровь, Кармен!

13 июня 1917

2

Стоит, запрокинув горло,
И рот закусила в кровь.
А руку под грудь уперла —
Под левую — где любовь.

— Склоните колена! — Чтó вам,
Аббат, до моих колен?!
Так кончилась — этим словом —
Последняя ночь Кармен.

18 июня 1917

ИОАНН

1

Только живите! — Я уронила руки,
Я уронила на руки жаркий лоб.
Так молодая Буря слушает Бога
Где-нибудь в поле, в какой-нибудь темный час.

И на высокий вал моего дыханья
Властная вдруг — словно с неба — ложится длань.
И на уста мои чьи-то уста ложатся.
— Так молодую Бурю слушает Бог.

20 июня 1917

2

Запах пшеничного злака,
Ветер, туман и кусты...
Буду отчаянно плакать —
Я, и подумаешь — ты,

Длинной рукою незрячей
Гладя раскиданный стан,
Что на груди твоей плачет
Твой молодой Иоанн.

3

Люди спят и видят сны.
Стынет водная пустыня.
Все у Господа — сыны,
Человеку надо — сына.

Прозвенел кремнистый путь
Под усердною ногою,
И один к нему на грудь
Пал курчавой головою.

Люди спят и видят сны.
Тишина над гладью водной.
— Ты возьми меня в сыны!
— Спи, мой сын единородный.

4

Встречались ли в поцелуе
Их жалобные уста?
Иоанна кудри, как струи
Спадают на грудь Христа.

Умилительное бессилье!
Блаженная пустота!
Иоанна руки, как крылья,
Висят по плечам Христа.

22—27 июня 1917

ЦЫГАНСКАЯ СВАДЬБА

Из-под копыт
Грязь летит.
Перед лицом
Шаль – как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь косматый!

Нé дали воли нам
Отец и мать,
Целое поле нам –
Брачная кровать!
Пьян без вина и без хлеба сыт, –
Это цыганская свадьба мчит!

Полон стакан,
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан.
Князем – цыган!
Цыганом – князь!
Эй, господин, берегись, – жжет!
Это цыганская свадьба пьет!

Там, на ворохе
Шалей и шуб,
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ – мониста.
Свистнул под чьей-то рукою
Шелк.
Кто-то завыл как волк,
Кто-то как бык храпит.
– Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

КНЯЗЬ ТЬМЫ

1

Князь! Я только ученица
Вашего ученика!

Колокола — и небо в темных тучах.
На перстне — герб и вязь.
Два голоса — плывучих и певучих:
— Сударыня? — Мой князь?

— Что Вас приводит к моему подъезду?
— Мой возраст — и Ваш взор.
Цилиндр снят, и тьму волос прорезал
Серебряный пробор.

— Ну, что сказали на денек вчерашний
Российские умы?

2

Страстно рукоплеща
Лает и воет чернь.
Медленно встав с колен
Кланяется Кармен.

Взором — кого ища?
— Тихим сейчас — до дрожи.
Безучастны в царской ложе
Два плаща.

И один — глаза темны —
Воротник вздымая стройный:
— Какова, Жуан? — Достойна
Вашей светлости, Князь Тьмы.

3 июля 1917

3

Да будет день! — и тусклый день туманный
Как саван пал над мертвою водой.
Взглянув на мир с полуулыбкой странной:
— Да будет ночь! — тогда сказал другой.

И отвернув задумчивые очи,
Он продолжал заоблачный свой путь.
Тебя пою, родоначальник ночи,
Моим ночам и мне сказавший: будь.

3 или 4 июля 1917

4

И призвал тогда Князь света — Князя тьмы,
И держал он Князю тьмы — такую речь:
— Оба княжим мы с тобою. День и ночь
Поделили поровну с тобой.

Так чего ж за нею белым днем
Ходишь-бродишь, речь заводишь под окном?

Отвечает Князю света — Темный князь:
— То не я хожу-брожу, Пресветлый — нет!
То сама она в твой белый Божий день
По пятам моим гоняет, словно тень.

То сама она мне вздоху не дает,
Днем и ночью обо мне поет.

И сказал тогда Князь света — Князю тьмы:
— Ох, великий ты обманщик, Темный князь!
Ходит-бродит, речь заводит, песнь поет?
Ну, посмотрим, Князь темнейший, чья возьмет?

И пошел тогда промеж князьями — спор.
О сю пору он не кончен, княжий спор.

4 июля 1917

BOHÈME[1]

Помнишь плащ голубой,
Фонари и лужи?
Как играли с тобой
Мы в жену и мужа.

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет,
Наш клетчатый плед?!

Ты, по воле судьбы,
Всё писал сонеты.
Я варила бобы
Юному поэту.

Как над картою вин
Мы на пальцы дули,
Как в дымящий камин
Полетели стулья.

Помнишь – шкаф под орех?
Холод был отчаянный!
Мой страх, твой смех,
Гнев домохозяина.

Как стучал нам сосед,
Флейтою разбужен...
Поцелуи – в обед,
И стихи – на ужин...

Мой первый браслет,
Мой белый корсет,
Твой малиновый жилет –
Наш клетчатый плед...

7 июля 1917

[1] Богема *(фр.)*.

□ □ □

Ну вот и окончена метка, —
Прощай, мой веселый поэт!
Тебе приглянулась — соседка,
А мне приглянулся — сосед.

Забита свинцовою крышкой
Любовь — и свободны рабы.
А помнишь: под мышкою — книжки,
А помнишь: в корзинке — бобы...

Пожалуйте все на поминки,
Кто помнит, как десять лет
Клялись: кружевная косынка
И сей апельсинный жилет...

(Не окончено). 7 июля 1917

ЮНКЕРАМ, УБИТЫМ В НИЖНЕМ

Сабли взмах —
И вздохнули трубы тяжко —
Провожать
Легкий прах.
С веткой зелени фуражка —
В головах.

Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал — душу.
Гул — смолк.
— Слуша — ай! Нá — кра — ул!

Три фуражки.
Трубный звон.

Рвется сердце.
—Как, без шашки?
Без погон
Офицерских?
Поутру—
В безымянную дыру?

Смолкли трубы.
Доброй ночи—
Вам, разорванные в клочья—
На посту!

17 июля 1917

□ □ □

И в заточеньи зимних комнат
И сонного Кремля—
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля.

И легкий воздух деревенский,
И полдень, и покой,—
И дань моей гордыне женской
Твоей слезы мужской.

27 июля 1917

Бо́роды—цвета кофейной гущи,
В воздухе—гул голубиных стай.
Черное око, полное грусти,
Пусто, как полдень, кругло, как рай.

Всё провожает: пеструю юбку,
Воз с кукурузой, парус в порту...

Трубка и роза, роза и трубка —
Попеременно — в маленьком рту.

Звякнет — о звонкий кувшин — запястье,
Вздрогнет — на звон кувшинá — халат...
Стройные снасти — строки о страсти —
И надо всеми и всем — Аллах.

Что ж, что неласков! что ж, что рассеян!
Много их с розой сидит в руке —
Там на пороге дымных кофеен, —
В синих шальварах, в красном платке.

4 августа 1917

ЛЮБВИ СТАРИННЫЕ ТУМАНЫ

1

Над черным очертаньем мыса —
Луна — как рыцарский доспех.
На пристани — цилиндр и мех,
Хотелось бы: поэт, актриса.

Огромное дыханье ветра,
Дыханье северных садов, —
И горестный, огромный вздох:
— Ne laissez pas traîner mes lettres![1]

2

Так, руки заложив в карманы,
Стою. Синеет водный путь.
— Опять любить кого-нибудь? —
Ты уезжаешь утром рано.

[1] «Не раскидывайте мои письма!» *(фр.)*.

Горячие туманы Сити —
В глазах твоих. Вот та́к, ну вот...
Я буду помнить — только рот
И страстный возглас твой: — Живите!

3

Смывает лучшие румяна —
Любовь. Попробуйте на вкус,
Как слезы — со́лоны. Боюсь,
Я завтра утром — мертвой встану.

Из Индии пришлите камни.
Когда увидимся? — Во сне.
— Как ветрено! — Привет жене,
И той — зеленоглазой — даме.

4

Ревнивый ветер треплет шаль.
Мне этот час сужден — от века.
Я чувствую у рта и в ве́ках
Почти звериную печаль.

Такая слабость вдоль колен!
— Так вот она, стрела Господня!
— Какое зарево! — Сегодня
Я буду бешеной Кармен.

...Так, руки заложив в карманы,
Стою. Меж нами океан.
Над городом — туман, туман.
Любви старинные туманы.

19 августа 1917

□ □ □

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,
Да руку с перстами длинными,
Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.

— А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

20 августа 1917

□ □ □

Молодую рощу шумную —
Дровосек перерубил.
То, что Господом задумано —
Человек перерешил.

И уж роща не колышется —
Только пни, покрыты ржой.
В голосах родных мне слышится
Темный голос твой чужой.

Все мерещатся мне дивные
Темных глаз твоих круги.
— Мы с тобою — неразрывные,
Неразрывные враги.

20 августа 1917

□ □ □

С головою на блещущем блюде
Кто-то вышел. Не я ли сама?
На груди у меня – мертвой грудою –
Целый город, сошедший с ума!

А глаза у него – как у рыбы:
Стекленеют, глядят в небосклон,
А над городом – мертвою глыбой –
Сладострастье, вечерний звон.

22 августа 1917

□ □ □

Собрались, льстецы и щеголи,
Мы не страсти праздник праздновать.
Страсть-то с голоду, да с холоду, –
Распашная, безобразная.

Окаянствует и пьянствует,
Рвет Писание на части...
– Ах, гондолой венецьянскою
Подплывает сладострастье!

Роза опытных садовников
За оградою церковною,
Райское вино любовников –
Сладострастье, роза кровная!

Лейся, влага вдохновенная,
Вожделенное токайское –
За 〈нетленное〉 – блаженное
Сладострастье, роскошь райскую!

22 августа 1917

□ □ □

Нет! Еще любовный голод
Не раздвинул этих уст.
Нежен – оттого что молод,
Нежен – оттого что пуст.

Но увы! На этот детский
Рот – Шираза лепестки! –
Все людское людоедство
Точит зверские клыки.

23 августа 1917

ИОСИФ

Царедворец ушел во дворец.
Раб согнулся над коркою черствой.
Изломала – от скуки – ларец
Молодая жена царедворца.

Голубям раскусила зоба,
Исщипала служанку – от скуки,
И теперь молодого раба
Притянула за смуглые руки.

– Отчего твои очи грустны?
В погребах наших – царские вина!
– Бедный юноша – я, вижу сны!
И служу своему господину.

– Позабавь же свою госпожу!
Солнце жжет, господин наш – далёко...
– Я тому господину служу,
Чье не дремлет огромное око.

Длинный лай дозирающих псов,
Дуновение рощи миндальной.
Рокот спорящих голосов
В царедворческой опочивальне.

— Я сберег господину — казну.
— Раб! Казна и жена — не едино.
— Ты алмаз у него. Как дерзну —
На алмаз своего господина?!

═══

Спор Иосифа! Перед тобой —
Что — Иакова единоборство!
И глотает — с улыбкою — вой
Молодая жена царедворца.

23 августа 1917

□ □ □

Только в очи мы взглянули — без остатка,
Только голос наш до вопля вознесен —
Как на горло нам — железная перчатка
Опускается — по имени — закон.
Слезы в очи загоняет, воды —
В берега, проклятие — в уста.
И стремит железная свобода
Вольнодумца с нового моста.
И на грудь, где наши рокоты и стоны,
Опускается железное крыло.
Только в обруче огромного закона
Мне просторно — мне спокойно — мне светло.

25 августа 1917

□ □ □

Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!
В сухие руки ростовщичьи
Снесен последний мой заклад.

Промотанному — в ночь — наследству
У Господа — особый счет.
Мой — не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь и рот.

Простимся ж коротко и просто
— Раз руки не умеют красть! —
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость! — страсть!

1 сентября 1917

□ □ □

Без Бога, без хлеба, без крова,
— Со страстью! со звоном! со славой! —
Ведет арестант чернобровый
В Сибирь — молодую жену.

Когда-то с полуночных палуб
Взирали на Хиос и Смирну,
И мрамор столичных кофеен
Им руки в перстнях холодил.

Какие о страсти прекрасной
Велись разговоры под скрипку!
Тонуло лицо чужестранца
В египетском тонком дыму.

Под низким рассеянным небом
Вперед по сибирскому тракту
Ведет господин чужестранный
Домой — молодую жену.

3 сентября 1917

□ □ □

Поздний свет тебя тревожит?
Не заботься, господин!
Я — бессонна. Спать не может
Кто хорош и кто один.

Нам бессонница не бремя,
Отродясь кипим в котле.
Так-то лучше. Будет время
Телу выспаться в земле.

Ни зевоты, ни ломоты,
Сын — уснул, а друг — придет.
Друг за матерью присмотрит,
Сына — Бог побережет.

Поделю ж, пока пригожа,
И пока одной невмочь, —
Бабью жизнь свою по-божьи:
Сыну — день, а другу — ночь.

4 сентября 1917

□ □ □

Я помню первый день, младенческое зверство,
Истомы и глотка божественную муть,
Всю беззаботность рук, всю бессердечность сердца,
Что камнем падало — и ястребом — на грудь.

И вот — теперь — дрожа от жалости и жара,
Одно: завыть, как волк, одно: к ногам припасть,
Потупиться — понять — что сладострастью кара —
Жестокая любовь и каторжная страсть.

4 сентября 1917

ПЕТРОВ КОНЬ РОНЯЕТ ПОДКОВУ

(Отрывок)

И, дрожа от страстной спеси,
В небо вознесла ладонь
Раскаленный полумесяц,
Что посеял медный конь.

Сентябрь 1917

□ □ □

Тот — щеголем наполовину мертвым,
А этот — нищим, по двадцатый год.
Тот говорит, а этот дышит. Тот
Был ангелом, а этот *будет* чертом.

Встречают-провожают поезда
И..... слушают в пустынном храме,
И все глядит — внимательно — как даме —
Как женщине — в широкие глаза.

И все не может до конца вздохнуть
Товарищ младший, и глотает — яро,
Расширенными легкими — сигары
И города полу́ночную муть.

И коротко кивает ангел падший,
Когда иссяк кощунственный словарь,
И расстаются, глядя на фонарь,
Товарищ старший и товарищ младший.

6 сентября 1917

□ □ □

Ввечеру выходят семьи.
Опускаются на скамьи.
Из харчевни — пар кофейный.
Господин клянется даме.

Голуби воркуют. Крендель
Правит триумфальный вход.
Мальчик вытащил занозу.
— Господин целует розу. —

Пышут пенковые трубки,
Сдвинули чепцы соседки:
Кто — про юбки, кто — про зубки.
Кто — про рыжую наседку.

Юноша длинноволосый,
Узкогрудый — жалкий стих
Сочиняет про разлуку.
— Господин целует руку.

Спят......., спят ребята,
Ходят прялки, ходят зыбки.
Врет матрос, портной горбатый
Встал, поглаживая скрипку.

Бледный чужестранец пьяный,
Тростью в грудь себя бия,
Возглашает: — Все мы братья!
— Господин целует платье.

Дюжина ударов с башни
— Доброй ночи! Доброй ночи!
— Ваше здравие! За Ваше!
(Господин целует в очи).

Спит забава, спит забота.
Скрипача огромный горб
Запрокинулся под дубом.
— Господин целует в губы.

6 сентября 1917

□ □ □

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый – стопудовую заботу,
Отправимся – верблюд смирен и горд –
Справлять неисправимую работу.

Под темной тяжестью верблюжьих тел –
Мечтать о Ниле, радоваться луже,
Как господин и как Господь велел –
Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи.

И будут в зареве пустынных зорь
Горбы – болеть, купцы – гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля,
Вперед, вперед, с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами.

14 сентября 1917

□ □ □

Аймéк-гуарýзим – долина роз.
Еврейка – испанский гранд.
И ты, семилетний, очами врос
В истрепанный фолиант.

От розовых, розовых, райских чащ
Какой-то пожар в глазах.
Луна Сарагоссы – и черный плащ.
Шаль – дó полу – и монах.

Еврейская девушка – меж невест –
Что роза среди ракит!

И старый серебряный дедов крест
Сменен на Давидов щит.

От черного взора и красных кос
В глазах твоих — темный круг.
И целое дерево райских роз
Цветет меж библейских букв.

Аймéк-гуарýзим — так в первый раз
Предстала тебе любовь.
Так первая книга твоя звалась,
Так тигр почуял кровь.

И, стройное тело собрав в прыжок,
Читаешь — черно в глазах! —
Как в черную полночь потом их сжег
На красном костре — монах.

18 сентября 1917

□ □ □

Запах, запах
Твоей сигары!
Смуглой сигары
Запах!
Перстни, перья,
Глаза, панамы...
Синяя ночь
Монако.

Запах странный,
Немножко затхлый:
В красном тумане —
Запад.
Столб фонарный
И рокот Темзы,

Чем же еще?
Чем же?

Ах, Веной!
Духами, сеном,
Открытой сценой,
Изменой!

23 сентября 1917

□ □ □

Бел, как мука, которую мелет,
Черен, как грязь, которую чистит,
Будет от Бога похвальный лист
Мельнику и трубочисту.

Нам же, рабам твоим непокорным,
Нам, нерадивым: мельникам — черным,
Нам, трубочистам белым — увы! —
Страшные — Судные дни твои;

Черным по белому в день тот черный
Будем стоять на доске позорной.

30 сентября 1917

□ □ □

Ночь. — Норд-Ост. — Рев солдат. — Рев волн.
Разгромили винный склад. — Вдоль стен
По канавам — драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.

Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое — в ночи́ — пенье птиц.
Царский памятник вчерашний — пуст,
И над памятником царским — ночь.

Гавань пьет, казармы пьют. Мир — наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая — пьет.

В винном облаке — луна. — Кто здесь?
Будь товарищем, красотка: пей!
А по городу — веселый слух:
Где-то двое потонули в вине.

Феодосия, последние дни Октября
(NB! Птицы были — пьяные.)

□ □ □

Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опущу.

Город буйствует и стонет,
В винном облаке — луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.

Феодосия, конец Октября

КОРНИЛОВ

...Сын казака, казак...
Так начиналась — речь.
— Родина. — Враг. — Мрак.
Всем головами лечь.

Бейте, попы, в набат.
— Нечего есть. — Честь.

— Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня...

4 декабря 1917

(NB! Я уже тогда поняла, что это: *«Да,* и солдаты должны чистить своих лошадей!» (Москва, лето 1917 г. — речь на Московском Совещании) — куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили).

РУАН

И я вошла, и я сказала: — Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь, Карл Седьмой!

Не ждите, принц, скупой и невеселый,
Бескровный принц, не распрямивший плеч,
Чтоб Иоанна разлюбила — голос,
Чтоб Иоанна разлюбила — меч.

И был Руан, в Руане — Старый рынок...
— Все будет вновь: последний взор коня,
И первый треск невинных хворостинок,
И первый всплеск соснового огня.

А за плечом — товарищ мой крылатый
Опять шепнет: — Терпение, сестра! —
Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра.

4 декабря 1917

МОСКВЕ

1

Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил — ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? — Румянец,
Красавица? — Разумница, — где речь?

Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою —
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.

Не позабыли огненного пойла
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах — стойла.
Всё вынесут кремлевские бока.

9 декабря 1917

2

Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? — Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? — Далече.

— Голубочки где твои? — Нет корму.
— Кто унес его? — Да ворон черный.
— Где кресты твои святые? — Сбиты.
— Где сыны твои, Москва? — Убиты.

10 декабря 1917

3

Жидкий звон, постный звон.
На все стороны — поклон.

Крик младенца, рев коровы.
Слово дерзкое царёво.

Плёток свист и снег в крови.
Слово темное Любви.

Голубиный рокот тихий.
Черные глаза Стрельчихи.

10 декабря 1917

□ □ □

Расцветает сад, отцветает сад.
Ветер встреч подул, ветер мчит разлук.
Из обрядов всех чту один обряд:
Целованье рук.

Города стоят, и стоят дома.
Юным женщинам — красота дана,
Чтоб сходить с ума — и сводить с ума
Города. Дома.

В мире музыка — изо всех окон,
И цветет, цветет Моисеев куст.
Из законов всех — чту один закон:
Целованье уст.

12 декабря 1917

□ □ □

Как рука с твоей рукой
Мы стояли на мосточку.
Юнкерочек мой морской
Невысокого росточку.

Низкий, низкий тот туман,
Буйны, злы морские хляби.
Твой сердитый — капитан,
Быстрый, быстрый твой корабль.

Я пойду к себе домой,
Угощусь из смертной рюмки.
Юнга, юнга, юнга мой,
Юнга, морской службы юнкер!

22 декабря 1917

□ □ □

Новый год я встретила одна.
Я, богатая, была бедна,
Я, крылатая, была проклятой.
Где-то было много-много сжатых
Рук — и много старого вина.
А крылатая была — проклятой!
А единая была — одна!
Как луна — одна, в глазу окна.

31 декабря 1917

□ □ □

Кавалер де Гриэ! — Напрасно
Вы мечтаете о прекрасной,
Самовластной — в себе не властной —
Сладострастной своей Manon.

Вереницею вольной, томной
Мы выходим из ваших комнат.
Дольше вечера нас не помнят.
Покоритесь, — таков закон.

Мы приходим из ночи вьюжной,
Нам от вас ничего не нужно,
Кроме ужина — и жемчужин,
Да быть может еще — души!

Долг и честь, Кавалер, — условность.
Дай Вам Бог целый полк любовниц!
Изъявляя при сем готовность...
Страстно любящая Вас
— М.

31 декабря 1917

БРАТЬЯ

1

Спят, не разнимая рук,
С братом — брат,
С другом — друг.
Вместе, на одной постели.

Вместе пили, вместе пели.

Я укутала их в плед,
Полюбила их навеки.

Я сквозь сомкнутые веки
Странные читаю вести:

Радуга: двойная слава,
Зарево: двойная смерть.

Этих рук не разведу.
Лучше буду,
Лучше буду
Полымем пылать в аду!

2

Два ангела, два белых брата,
На белых вспененных конях!
Горят серебряные латы
На всех моих грядущих днях.
И оттого, что вы крылаты —
Я с жадностью целую прах.

Где стройный благовест негромкий,
Бредущие через поля
Купец с лотком, слепец с котомкой...
— Дымят, пылая и гремя,
Под конским топотом — обломки
Китай-города и Кремля!

Два всадника! Две белых славы!
В безумном цирковом кругу
Я вас узнала. — Ты, курчавый,
Архангелом вопишь в трубу.
Ты — над Московскою Державой
Вздымаешь радугу-дугу.

3

Глотаю соленые слезы.
Роман неразрезанный — глуп.
Не надо ни робы, ни розы,
Ни розовой краски для губ,

Ни кружев, ни белого хлеба,
Ни солнца над вырезом крыш,
Умчались архангелы в небо,
Уехали братья в Париж!

11 января 1918

□ □ □

Ветер звонок, ветер нищ,
Пахнет розами с кладбищ.
......ребенок, рыцарь, хлыщ.

Пастор с книгою святою, —
Всяк........красотою
Над беспутной сиротою.

Только ты, мой блудный брат,
Ото рта отводишь яд!

В беззаботный, скалозубый
Разговор — и в ворот шубы
Прячешь розовые губы.

13 января 1918

□ □ □

На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.

Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

Москва, 18 января 1918

13 Зак 199

□ □ □

Ю. З.

Beau ténébreux![1] — Вам грустно. — Вы больны.
Мир неоправдан, — зуб болит! — Вдоль нежной
Раковины щеки — фуляр, как ночь.

Ни тонкий звон венецианских бус,
(Какая-нибудь память Казановы
Монахине преступной) — ни клинок

Дамасской стали, ни крещенский гул
Колоколов по сонной Московии —
Не расколдуют нынче Вашей мглы.

Доверьте мне сегодняшнюю ночь.

Я потайной фонарь держу под шалью.
Двенадцатого — ровно — половина.
И вы совсем не знаете — кто я.

Январь 1918

□ □ □

Уедешь в дальние края,
Остынешь сердцем. — Не остыну.
Распутица — заря — румыны —
Младая спутница твоя...

Кто бросил розы на снегу?
Ах, это шкурка мандарина...
И крутятся в твоем мозгу:
Мазурка — море — смерть — Марина...

Февраль 1918

[1] Красавец мрачный! *(фр.)*.

□ □ □

Как много красавиц, а ты — один,
Один — против ста тридцати Кармен,
И каждая держит цветок в зубах,
И каждая просит — роли.

У всех лихорадка в глазах и лесть
На красных губах, и такая страсть
К мехам и духам, и невинны все,
И все они — примадонны.

Вся каторга рампы — вокруг юных глаз.
Но занавес падает, гром гремит,
В надушенный шелк окунулся стан,
И кто-то целует руки.

От гения, грима, гримас, грошей —
В кабак, на расправу, на страстный смотр!
И возглас в четвертом часу утра,
С закинутым лбом: — Любите!

19 февраля 1918

ПЛАЩ

Плащ — для всех, кто строен и высок,
Плащ — для всех, кто смотрит на Восток.

1

Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет.
Пили всю ночь, всю ночь. Вплоть до седьмого часа.
А на мосту, как черт, черный взметнулся плащ.
— Женщина или черт? — Доминиканца ряса?

Оперный плащ певца? — Вдовий смиренный плат?
Резвой интриги щит? — Или заклад последний?
— Хочется целовать. — Воет завод. — Бредет
Дряхлая знать — в кровать, глупая голь — к обедне.

8 марта 1918

2

Век коронованной Интриги,
Век проходимцев, век плаща!
— Век, коронованный Голгофой! —
Писали маленькие книги
Для куртизанок — филозóфы.
Великосветского хлыща
Взмывало — умереть за благо.
Сверкал витийственною шпагой
За океаном — Лафайет.
А герцогини, лучший цвет
Вздыхателей обезоружив,
Согласно сердцу — и Руссо —
Купались в море детских кружев.

Катали девочки серсо,
С мундирами шептались Сестры...
Благоухали Тюилери...
А Королева-Колибри,
Нахмурив бровки, — до зари
Беседовала с Калиостро.

11 марта 1918

3

Ночные ласточки Интриги —
Плащи, — крылатые герои
Великосветских авантюр.
Плащ, щеголяющий дырою,
Плащ вольнодумца, плащ расстриги,
Плащ-Проходимец, плащ-Амур.

Плащ прихотливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колено,
Плащ, уверяющий: — темно...
Гудок дозора. — Рокот Сены.
Плащ Казановы, плащ Лозэна. —
Антуанетты домино.

Но вот, как черт из черных чащ —
Плащ — чернокнижник, вихрь — плащ,
Плащ — вóроном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков.
Плащ цвета времени и снов —
Плащ Кавалера Калиостро.

10 апреля 1918

□ □ □

Закинув голову и опустив глаза,
Пред ликом Господа и всех святых — стою.
Сегодня праздник мой, сегодня — Суд.

Сонм юных ангелов смущён до слёз.
Бесстрастны праведники. Только ты,
На тронном облаке, глядишь как друг.

Что хочешь — спрашивай. Ты добр и стар,
И ты поймешь, что с эдаким в груди
Кремлевским колоколом — лгать нельзя.

И ты поймешь, как страстно день и ночь
Боролись Промысел и Произвол
В ворочающей жернова — груди.

Так, смертной женщиной, — опущен взор,
Так, гневным ангелом — закинут лоб,
В день Благовещенья, у Царских врат,
Перед лицом твоим — гляди! — стою.

А голос, голубем покинув в грудь,
В червонном куполе обводит круг.

Март 1918

□ □ □

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из луж!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте — на вес — часовни,
Монастыри — с молотка — на слом.
Рвитесь на лошади в Божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

Стойла — в соборы! Соборы — в стойла!
В чертову дюжину — календарь!
Нас под рогожу за слово: царь!

Единодержцы грошей и часа!
На куполах вымещайте злость!
Распродавая нас всех на мясо,
Раб худородный увидит — Расу:
Черная кость — белую кость.

Москва. 2 марта 1918
Первый день весны.

ДОН

1

Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу — грудь и висок.

Божье да белое твое дело:
Белое тело твое — в песок.

Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...

Старого мира — последний сон:
Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

24 марта 1918

2

Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были *вы?* – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!

– Что делали? – Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.

30 марта 1918
NB! мои любимые.

3

Волны и молодость – вне закона!
Тронулся Дон. – Погибаем. – Тонем.
Ветру веков доверяем снесть
Внукам – лихую весть:

Да! Проломилась донская глыба!
Белая гвардия – да! – погибла.
Но покидая детей и жен,
Но уходя на Дон,

Белою стаей летя на плаху,
Мы за одно умирали: хаты!

Перекрестясь на последний храм,
Белогвардейская рать – векам.

Москва, Благовещение 1918
– дни разгрома Дона –

□ □ □

Идет по луговинам лития.
Таинственная книга бытия
Российского — где судьбы мира скрыты —
Дочитана и наглухо закрыта.

И рыщет ветер, рыщет по степи́:
— Россия! — Мученица! — С миром — спи!

30 марта 1918

□ □ □

Трудно и чудно — верность до гроба!
Царская роскошь — в век площадей!
Стойкие души, стойкие ребра, —
Где вы, о люди минувших дней?!

Рыжим татарином рыщет вольность,
С прахом равняя алтарь и трон.
Над пепелищами — рев застольный
Беглых солдат и неверных жен.

11 апреля 1918

□ □ □

...О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть — святыни — всем.
Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
И потому — запрета нет на Кремль!

Страстной понедельник 1918

□ □ □

— Марина! Спасибо за мир!
Дочернее странное слово.
И вот — расступился эфир
Над женщиной светлоголовой.

Но рот напряжен и суров.
Умру, — а восторга не выдам!
Так с неба Господь Саваоф
Внимал молодому Давиду.

Страстной понедельник 1918

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

1

Андрей Шенье взошел на эшафот,
А я живу — и это страшный грех.
Есть времена — железные — для всех.
И не певец, кто в порохе — поет.

И не отец, кто с сына у ворот
Дрожа срывает воинский доспех.
Есть времена, где солнце — смертный грех.
Не человек — кто в наши дни живет.

17 апреля 1918

2

Не узна́ю в темноте
Руки — свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте
Черная Консьержерия.

Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею.
Утро крадётся как тать.
Я дописать не успею.

17 апреля 1918

□ □ □

Не самозванка — я пришла домой,
И не служанка — мне не надо хлеба.
Я — страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.

Там на земле мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
— Возлюбленный! — Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя — Психея!

Апрель 1918

□ □ □

Страстный стон, смертный стон,
А над стонами — сон.
Всем престолам — престол,
Всем законам — закон.

Где пустырь — поле ржи,
Реки с синей водой...
Только веки смежи,
Человек молодой!

В жилах — мед. Кто идет?
Это — он, это — сон —
Он уймет, он отрет
Страстный пот, смертный пот.

24 апреля 1918

□ □ □

Ходит сон с своим серпом,
Ходит смерть с своей косой —
Царь с царицей, брат с сестрой.

— Ходи в сени, ходи в рай!
— Ходи в дедушкин сарай!

Шли по рекам синим,
Шли мы по пустыням,
— Странники — к святыням.

— Мы тебя не при — имем!
— Мы тебя не при — имем!

— Я Христова сирота,
Растворяю ворота
Ключиком-замочком,
Шелковым платочком.

— И до вас доплелась.
— Проходи! — Бог подаст!

— Дом мой — немалый,
Мед мой — хваленый,
Розан мой — алый,
Виноград — зеленый...

Хлеба-то! Хлеба!
Дров — полон сад!
Глянь-ка на небо —
Птички летят!

25 апреля 1918

□ □ □

Евгению Багратионовичу Вахтангову

Серафим — на орла! Вот бой! —
Примешь вызов? — Летим за тучи!
В год кровавый и громовой —
Смерть от равного — славный случай.

Гнев Господень нас в мир изве́рг,
Дабы помнили люди — небо.
Мы сойдемся в Страстной Четверг
Над церко́вкой Бориса — и — Глеба.

Москва, Вербное воскресенье 1918

□ □ □

С вербочкою светлошерстой —
Светлошерстая сама —
Меряю Господни версты
И господские дома.

Вербочка! Небесный житель!
— Вместе в небо! — Погоди! —
Так и в землю положите
С вербочкою на груди.

Вербное воскресенье 1918

□ □ □

Коли в землю солдаты всадили — штык,
Коли красною тряпкой затмили — Лик[1],
Коли Бог под ударами — глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль —

[1] Красный флаг, к⟨отор⟩ым завесили лик Николая Чудотворца. Продолжение — известно *(примеч. М. Цветаевой).*

Надо бражникам старым засесть за холст,
Рыбам — петь, бабам — умствовать, птицам — ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином[1],

Реки — жечь, мертвецов выносить — в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених...

Государыням нужно любить — простых[2].

3-ий день Пасхи 1918

□ □ □

Это просто, как кровь и пот:
Царь — народу, царю — народ.

Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий — Дух.

Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.

Царь опять на престол взойдет —
Это свято, как кровь и пот.

7 мая 1918, 3-ий день Пасхи
(а оставалось ему жить меньше трех месяцев!)

[1] Поили: г⟨оспо⟩жу де Жанлис. В Бургундии. Называлось «la miaulée». И жила, кажется, до 90-ста лет. Но была ужасная лицемерка *(примеч. М. Цветаевой)*.

[2] Любили *(примеч. М. Цветаевой)*.

□ □ □

Орел и архангел! Господень гром!
Не храм семиглавый, не царский дом
Да будет тебе гнездом.

Нет, — Красная площадь, где весь народ!
И — Лобное место сравняв — в поход:
Птенцов — собирать — сирот.

Народ обезглавлен и ждет главы.
Уж воздуху нету ни в чьей груди.
Архангел! — Орел! — Гряди!

Не зарева рыщут, не вихрь встает,
Не радуга пышет с небес, — то Петр
Птенцам производит смотр.

7 мая 1918,
третий день Пасхи

□ □ □

Змея оправдана звездой,
Застенчивая низость — небом.
Топь — водопадом, камень — хлебом.
Чернь — Марсельезой, царь — бедой.
Стан несгибавшийся — горбом
Могильным, — горб могильный — розой...

9 мая 1918

□ □ □

Плоти — плоть, духу — дух,
Плоти — хлеб, духу — весть,
Плоти — червь, духу — вздох,
Семь венцов, семь небес.

Плачь же, плоть! — Завтра прах!
Дух, не плачь! — Славься, дух!
Нынче — раб, завтра — царь
Всем семи — небесам.

9 мая 1918

□ □ □

Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. — Так надо.

Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!

Верни нам вольность, Воин, им — живот.
Страж роковой Москвы — сойди с ворот!

И докажи — народу и дракону —
Что спят мужи — сражаются иконы.

9 мая 1918

□ □ □

Заклинаю тебя от злата,
От полночной вдовы крылатой,
От болотного злого дыма,
От старухи, бредущей мимо,

Змеи под кустом,
Воды под мостом,
Дороги крестом,
От бабы — постом.

От шали бухарской,
От грамоты царской,
От черного дела,
От лошади белой!

10 мая 1918

□ □ □

Бог — прав
Тлением трав,
Сухостью рек,
Воплем калек,

Вором и гадом,
Мором и гладом,
Срамом и смрадом,
Громом и градом.

Попранным Словом.
Про́клятым годом.
Пленом царёвым.
Вставшим народом.

12 мая 1918

(NB! Очевидно, нужно понять: Бог *всё-таки* прав, прав — *вопреки*).

□ □ □

Нá тебе, ласковый мой, лохмотья,
Бывшие некогда нежной плотью.
Всю истрепала, изорвала, —
Только осталось что два крыла.

Одень меня в свое великолепье,
Помилуй и спаси.
А бедные истлевшие отрепья
Ты в ризницу снеси.

13 мая 1918

□ □ □

В черном небе слова начертаны —
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишущий, в поте пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огнь, над кудрями пляшущий, —
Дуновение — Вдохновения!

14 мая 1918

□ □ □

«Простите меня, мои горы!
Простите меня, мои реки!
Простите меня, мои нивы!
Простите меня, мои травы!»

Мать — крест надевала солдату,
Мать с сыном прощались навеки...
И снова из сгорбленной хаты:
«Простите меня, мои реки!»

14 мая 1918

□ □ □

Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость и Господень суд,
Благой закон — и каменный закон.

И пыльный пурпур свой, где столько дыр,
И пыльный посох свой, где все лучи...
— Еще, Господь, благословляю мир
В чужом дому — и хлеб в чужой печи.

21 мая 1918

Полюбил богатый — бедную,
Полюбил ученый — глупую,
Полюбил румяный — бледную,
Полюбил хороший — вредную:
Золотой — полушку медную.

— Где, купец, твое роскошество?
«Во дырявом во лукошечке!»

— Где, гордец, твои учености?
«Под подушкой у девчоночки!»

— Где, красавец, щеки алые?
«За́ ночь черную — растаяли».

— Крест серебряный с цепочкою?
«У девчонки под сапожками!»

Не люби, богатый, — бедную,
Не люби, ученый, — глупую,
Не люби, румяный, — бледную,
Не люби, хороший, — вредную:
Золотой — полушку медную!

Между 21 и 26 мая 1918

□ □ □

Семь мечей пронзали сердце
Богородицы над Сыном.
Семь мечей пронзили сердце,
А мое — семижды семь.

Я не знаю, жив ли, нет ли
Тот, кто мне дороже сердца,
Тот, кто мне дороже Сына...

Этой песней — утешаюсь.
Если встретится — скажи.

25 мая 1918

□ □ □

Слезы, слезы — живая вода!
Слезы, слезы — благая беда!
Закипайте из жарких недр,
Проливайтесь из жарких век.
Гнев Господень — широк и щедр.
Да снесет его — человек.

Дай разок вздохнуть
Свежим воздухом.
Размахни мне в грудь —
Светлым посохом!

26 мая 1918

□ □ □

Наградил меня Господь
Сердцем светлым и железным,
Даром певчим, даром слезным.

Оградил меня Господь
Белым знаменем.
Обошел меня Господь
Плотским пламенем.

Выше — знамя!
Бог над нами!
Тяжче камня —
Плотский пламень!

Май 1918

□ □ □

Хочешь знать мое богачество?
Скакуну на свете — скачется,
Мертвым — спится, птицам — свищется.

Юным — рыщется да ищется,
Неразумным бабам — плачется.
— Слезный дар — мое богачество!

Май 1918

□ □ □

Белье на речке полощу,
Два цветика своих ращу.

Ударит колокол — крещусь,
Посадят голодом — пощусь.

Душа и волосы — как шелк.
Дороже жизни — добрый толк.

Я свято соблюдаю долг.
— Но я люблю вас — вор и волк!

Между 26 мая и 4 июня 1918

□ □ □

Я расскажу тебе — про великий обман:
Я расскажу тебе, как ниспадает туман
На молодые деревья, на старые пни.
Я расскажу тебе, как погасают огни
В низких домах, как — пришелец египетских стран —
В узкую дудку под деревом дует цыган.

Я расскажу тебе — про великую ложь:
Я расскажу тебе, как зажимается нож
В узкой руке, — как вздымаются ветром веков
Кудри у юных — и бороды у стариков.

Рокот веков.
Топот подков.

4 июня 1918

□ □ □

Юношам — жарко,
Юноши — рдеют,
Юноши бороду бреют.

Старость — жалеет:
Бороды греют.

(Проснулась с этими стихами 22 мая 1918[1]*)*

□ □ □

Осторожный троекратный стук.
Нежный недруг, ненадежный друг, —
Не обманешь! То не странник путь
Свой кончает. — Так стучатся в грудь —
За любовь. Так, потупив взгляд,
В светлый Рай стучится черный Ад.

6 июня 1918

□ □ □

Я — есмь. Ты — будешь. Между нами — бездна.
Я пью. Ты жаждешь. Сговориться — тщетно.
Нас десять лет, нас сто тысячелетий
Разъединяют. — Бог мостов не строит.

Будь! — это заповедь моя. Дай — мимо
Пройти, дыханьем не нарушив роста.
Я — есмь. Ты — будешь. Через десять весен
Ты скажешь: — есть! — а я скажу: — когда-то...

6 июня 1918

---

[1] 4 июня по новому стилю *(примеч. сост.)*.

□ □ □

До́роги — хлебушек и мука!
Кушаем — дырку от кренделька.
Да, на дороге теперь большой
С коробом — страшно, страшней — с душой!
Тыщи — в кубышку, товар — в камыш...
Ну, а души-то не утаишь!

6 июня 1918

□ □ □

Мракобесие. — Смерч. — Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,
Человек молодой — не спи!
В ворота́х, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет — Честь.

Обведите свой дом — межой,
Да не вни́дет в него — Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы —
Выше — пра́дедовы дубы!

6 июня 1918

□ □ □

Умирая, не скажу: *была*.
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты, — крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья —
Я тебе повелеваю: — будь!
Я — не выйду из повиновенья.

30 июня 1918

Ночи без любимого — и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть...
И слеза ребенка по герою,
И слеза героя по ребенку,
И большие каменные горы
На груди того, кто должен — вниз...

Знаю все, что было, все, что будет,
Знаю всю глухонемую тайну,
Что на темном, на косноязычном
Языке людском зовется — Жизнь.

〈Между 30 июня и 6 июля 1918〉

ПАМЯТИ БЕРАНЖЕ

Дурная мать! — Моя дурная слава
Растет и расцветает с каждым днем.
То на пирушку заведет Лукавый,
То первенца забуду за пером...

Завидуя императрицам моды
И маленькой танцо́вщице в трико,

Гляжу над люлькой, как уходят — годы,
Не видя, что уходит — молоко!

И кто из вас, ханжи, во время оно
Не пировал, забыв о платеже!
Клянусь бутылкой моего патрона
И вашего, когда-то, — Беранже!

Но одному — сквозь бури и забавы —
Я, несмотря на ветреность, — верна.
Не ошибись, моя дурная слава:
— Дурная мать, но верная жена!

6 июля 1918

□ □ □

Я сказала, а другой услышал
И шепнул другому, третий — понял,
А четвертый, взяв дубовый посох,
В ночь ушел — на подвиг. Мир об этом
Песнь сложил, и с этой самой песней
На устах — о жизнь! — встречаю смерть.

6 июля 1918

□ □ □

Руки, которые не нужны
Милому, служат — Миру.
Горестным званьем Мирской Жены
Нас увенчала Лира.

Много незваных на царский пир.
Надо им спеть на ужин!
Милый не вечен, но вечен — Мир.
Не понапрасну служим.

6 июля 1918

□ □ □

Белизна — угроза Черноте.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому
Не мечом — а лилией в щите!

Белизна! Нерукотворный круг!
Чан крестильный! Вещие седины!
Червь и чернь узнают Господина
По цветку, цветущему из рук.

Только агнца убоится — волк,
Только ангелу сдается крепость.
Торжество — в подвалах и в вертепах!
И взойдет в Столицу — Белый полк!

7 июля 1918

□ □ □

Пахнет ладаном воздух. Дождь был и прошел.
Из зияющих пастей домов —
Громовыми руладами рвется рояль,
Разрывая июньскую ночь.

Героическим громом бетховенских бурь
Город мстит...

〈Между 6 и 10 июля 1918〉

□ □ □

Я — страница твоему перу.
Всё приму. Я белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.

Я — деревня, черная земля.
Ты мне — луч и дождевая влага.
Ты — Господь и Господин, а я —
Чернозем — и белая бумага!

10 июля 1918

□ □ □

Память о Вас — легким дымком,
Синим дымком за моим окном.
Память о Вас — тихим домком.
Тихий домок — Ваш — под замком.

Чтó за дымок? Чтó за домок?
Вот уже пол — мчит из-под ног!
Двери — с петлей! Ввысь — потолок!
В синий дымок — тихий домок!

10 июля 1918

□ □ □

Так, высокó запрокинув лоб,
— Русь молодая! — Слушай! —
Опровергаю лихой поклеп
На Красоту и Душу.

Над кабаком, где грехи, гроши,
Кровь, вероломство, дыры —
Встань, Триединство моей души:
Лилия — Лебедь — Лира!

Июль 1918

□ □ □

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

10 июля 1918

□ □ □

Рыцарь ангелоподобный —
Долг! — Небесный часовой!
Белый памятник надгробный
На моей груди живой.

За моей спиной крылатой
Вырастающий ключарь,
Еженощный соглядатай,
Ежеутренний звонарь.

Страсть, и юность, и гордыня —
Все сдалось без мятежа,
Оттого что ты рабыне
Первый молвил: — Госпожа!

14 июля 1918

□ □ □

Доблесть и девственность! — Сей союз
Древен и дивен, как Смерть и Слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божественной ноши — Мира!
Нежную руку кладу на меч:
На лебединую шею Лиры.

27 июля 1918

Свинцовый полдень деревенский.
Гром отступающих полков.
Надменно-нежный и не женский
Блаженный голос с облаков:

— Вперед на огненные муки!
В ручьях овечьего руна
Я к небу воздеваю руки —
Как — древле — девушка одна...

Июль 1918

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю — луч,
Грабителю вручаю — ключ,
Белилами румяню бледность.

Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья —
Над днем без славы и без толку.

27 июля 1918

□ □ □

Клонится, клонится лоб тяжелый,
Колосом клонится, ждет жнеца.
Друг! Равнодушье — дурная школа!
Ожесточает оно сердца.

Жнец — милосерден: сожнет и свяжет,
Поле опять прорастет травой...
А равнодушного — Бог накажет!
Страшно ступать по душе живой.

Друг! Неизжитая нежность — душит.
Хоть на алтын полюби — приму!
Друг равнодушный! — Так страшно слушать
Черную полночь в пустом дому!

Июль 1918

□ □ □

Есть колосья тучные, есть колосья тощие.
Всех — равно — без промаху — бьет Господен цеп.
Я видала нищего на соборной площади:
Сто годов без малости, — и просил на хлеб.

Борода столетняя! — Чай, забыл, что смолоду
Есть беда насущнее, чем насущный хлеб.
Ты на старость, дедушка, просишь, я — на молодость!
Всех равно — без промаху — бьет Господен цеп!

5 августа 1918

□ □ □

— Где лебеди? — А лебеди ушли.
— А вóроны? — А вóроны — остались.
— Куда ушли? — Куда и журавли.
— Зачем ушли? — Чтоб крылья не достались.

— А папа где? — Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
— Куда возьмет? — На лебединый Дон.
Там у меня — ты знаешь? — белый лебедь...

9 августа 1918

□ □ □

Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской!
Белогвардейцы! Белые грузди
Песенки русской!
Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В рёбра Антихристу!

9 августа 1918

□ □ □

Пусть не помнят юные
О согбенной старости.
Пусть не помнят старые
О блаженной юности.

Всё уносят волны.
Море — не твое.
На людские головы
Лейся, забытье!

Пешеход морщинистый,
Не любуйся парусом!
Ах, не надо юностью
Любоваться — старости!

Кто в песок, кто — в школу.
Каждому свое.
На людские головы
Лейся, забытье!

Не учись у старости,
Юность златорунная!
Старость — дело темное,
Темное, безумное.

...На людские головы
Лейся, забытье!

9 августа 1918

Ночь — преступница и монашка.
Ночь проходит, потупив взгляд.
Дышит — часто и дышит — тяжко.
Ночь не любит, когда глядят.

Не стоит со свечой во храме,
Никому не жена, не дочь.
Ночь ночует на твердом камне,
Никого не целует ночь.

Даром, что сквозь
Слезинки — свищем,
Даром, что — врозь
По свету рыщем, —

Нет, не помочь!
Завтра ль, сегодня —
Скрутит нас
Старая сводня —
Ночь!

9 августа 1918

□ □ □

День — плащ широкошумный,
Ночь — бархатная шуба.
Кто — умный, кто — безумный,
Всяк выбирай, что любо!

Друзья! Трубите в трубы!
Друзья! Взводите срубы!
Одел меня по губы
Сон — бархатная шуба.

12 августа 1918

14 Зак. 199

□ □ □

Не по нраву я тебе — и тебе,
И тебе еще — и целой орде.
Пышен волос мой — да мало одёж!
Вышла голосом — да нрав нехорош!
Полно, Дева-Царь! Себя — не мытарь!
Псарь не жалует — пожалует — царь!

14 августа 1918

□ □ □

Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы —
Один ответ: — Откуда мне сие́?

Мы спим — и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.

14 августа 1918

□ □ □

Пожирающий огонь — мой конь!
Он копытами не бьет, не ржет.
Где мой конь дохнул — родник не бьет,
Где мой конь махнул — трава не растет.

Ох, огонь мой конь — несытый едок!
Ох, огонь на нем — несытый ездок!
С красной гривою свились волоса...
Огневая полоса — в небеса!

14 августа 1918

□ □ □

Каждый стих — дитя любви,
Нищий незаконнорожденный.
Первенец — у колеи
На поклон ветрам — положенный.

Сердцу ад и алтарь,
Сердцу — рай и позор.
Кто отец? — Может — царь.
Может — царь, может — вор.

14 августа 1918

□ □ □

Надобно смело признаться, Лира!
Мы тяготели к великим мира:
Мачтам, знаменам, церквам, царям,
Бардам, героям, орлам и старцам,
Так, присягнувши на верность — царствам,
Не доверяют Шатра — ветрам.

Знаешь царя — так псаря не жалуй!
Верность как якорем нас держала:
Верность величью — вине — беде,
Верность великой вине венчанной!
Так, присягнувши на верность — Хану,
Не присягают его орде.

Ветреный век мы застали, Лира!
Ветер в клоки изодрав мундиры,
Треплет последний лоскут Шатра...
Новые толпы — иные флаги!
Мы ж остаемся верны присяге,
Ибо дурные вожди — ветра.

14 августа 1918

□ □ □

Мое убежище от диких орд,
Мой щит и панцирь, мой последний форт
От злобы добрых и от злобы злых —
Ты — в самых ребрах мне засевший стих!

16 августа 1918

□ □ □

А потом поили медом,
А потом поили брагой,
Чтоб потом, на месте лобном,
На коленках признавалась
В несодеянных злодействах!

Опостылели мне вина,
Опостылели мне яства.
От великого богатства
Заступи, заступник — заступ!

18 августа 1918

ГЕНИЮ

Крестили нас — в одном чану,
Венчали нас — одним венцом,
Томили нас — в одном плену,
Клеймили нас — одним клеймом.

Поставят нам — единый дом.
Прикроют нас — одним холмом.

18 августа 1918

□ □ □

Если душа родилась крылатой —
Чтó ей хоромы — и чтó ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

18 августа 1918

АЛЕ

1

Не знаю, где ты́ и где я́.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоем:
Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали — поём.
Две странницы: кормимся миром.

2

И бродим с тобой по церквам
Великим — и малым, приходским.
И бродим с тобой по домам
Убогим — и знатным, господским.

Когда-то сказала: — Купи! —
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль — твой от рождения. — Спи,
Мой первенец светлый и страшный.

3

И как под землею трава
Дружится с рудою железной, –
Всё видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

Сивилла! – Зачем моему
Ребенку – такая судьбина?
Ведь русская доля – ему...
И век ей: Россия, рябина...

24 августа 1918

□ □ □

Безупречен и горд
В небо поднятый лоб.
Непонятен мне герб,
И не страшен мне гроб.

Меж вельмож и рабов,
Меж горбов и гербов,
Землю роющих лбов –
Я – из рода дубов.

26 августа 1918

□ □ □

Ты мне чужой и не чужой,
Родной и не родной,
Мой и не мой! Идя к тебе
Домой – я «в гости» не скажу,
И не скажу «домой».

Любовь — как огненная пещь:
А все ж и кольцо — большая вещь,
А все ж и алтарь — великий свет.
— Бог — не благословил!

26 августа 1918

□ □ □

Там, где мед — там и жало.
Там, где смерть — там и смелость.
Как встречалось — не знала,
А уж так: встрелось — спелось.

В поле дуб великий, —
Разом рухнул главою!
Так, без женского крика
И без бабьего вою —

Разлучаюсь с тобою:
Разлучаюсь с собою,
Разлучаюсь с судьбою.

26 августа 1918

□ □ □

Кто до́ма не строил —
Земли недостоин.

Кто дома не строил —
Не будет землею:
Соломой — золою...

— Не строила дома.

26 августа 1918

□ □ □

Проще и проще
Пишется, дышится.
Зорче и зорче
Видится, слышится.

Меньше и меньше
Помнится, любится.
— Значит уж скоро
Посох и рубище.

26 августа 1918

Со мной не надо говорить,
Вот губы: дайте пить.
Вот волосы мои: погладь.
Вот руки: можно целовать.
— А лучше дайте спать.

28 августа 1918, Успение

Что другим не нужно — несите мне:
Все должно сгореть на моем огне!
Я и жизнь маню, я и смерть маню
В легкий дар моему огню.

Пламень любит легкие вещества:
Прошлогодний хворост — венки — слова...
Пламень пышет с подобной пищи!
Вы ж восстанете — пепла чище!

Птица-Феникс я, только в огне пою!
Поддержите высокую жизнь мою!
Высоко горю и горю до тла,
И да будет вам ночь светла.

Ледяной костер, огневой фонтан!
Высоко несу свой высокий стан,
Высоко несу свой высокий сан —
Собеседницы и Наследницы!

2 сентября 1918

□ □ □

Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя — мир,
В наследье — лазурь.

Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

8 сентября 1918

□ □ □

Колыбель, овеянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!
Гром солдат — вдоль храмов — за вечерней...
А ребенок вырастет — прекрасным.

С молоком кормилицы рязанской
Он всосал наследственные блага:
Триединство Господа — и флага.
Русский гимн — и русские пространства.

В нужный день, на Божьем солнце ясном,
Вспомнит долг дворянский и дочерний —
Колыбель, качаемая чернью,
Колыбель, овеянная красным!

8 сентября 1918

(Моя вторая дочь Ирина — родилась 13-го апреля 1917 г., умерла 2-го февраля[1] 1920 г. в Сретение, от голода, в Кунцевском детском приюте.)

□ □ □

Офицер гуляет с саблей,
А студент гуляет с книжкой.
Служим каждому мальчишке:
Наше дело — бабье, рабье.

Сад цветочками засажен —
Сапожищами зашибли.
Что увидели — не скажем:
Наше дело — бабье, рыбье.

9 сентября 1918

ГЛАЗА

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зеленые — соленые —
Крестьянские глаза!

Была бы бабою простой —
Всегда б платили за постой —
Всё эти же — веселые —
Зеленые глаза.

Была бы бабою простой —
От солнца б застилась рукой,

[1] По старому стилю *(примеч. сост.)*.

Качала бы — молчала бы,
Потупивши глаза.

Шел мимо паренек с лотком...
Спят под монашеским платком
Смиренные — степенные —
Крестьянские глаза.

Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза...
Чтó видели — не выдадут
Крестьянские глаза!

9 сентября 1918

□ □ □

А взойдешь — на крáешке стола —
Недоеденный ломóть, — я́ ела,
И стакан неполный — я́ пила,
. . . . ,— я́ глядела.

Ты присядь на красную скамью,
Пей и ешь — и не суди сурово!
Я теперь уже не ем, не пью,
Я пою — кормлю орла степного.

28 сентября 1918

1918 г.

(Отрывок из баллады)

...Корабль затонул — без щеп,
Король затанцевал в Совете,
Зерна не выбивает цеп,
Ромео не пришел к Джульетте,
Клоун застрелился на рассвете,
Вождь слушает ворожею...

(А балладу уничтожила: слабая. 1939 г.)

□ □ □

Два цветка ко мне на грудь
Положите мне для воздуху.
Пусть нарядной тронусь в путь, —
Заработала я отдых свой.

В год . . . .
Было у меня две дочери, —
Так что мучилась с мукой
И за всем вставала в очередь.

Подойдет и поглядит
Смерть — усердная садовница.
Скажет — «Бог вознаградит, —
Не бесплодная смоковница!»

30 сентября 1918

Ты дал нам мужества —
Нá сто жизней!
Пусть земли кружатся,
Мы — недвижны.

И ребра — стойкие
На мытарства:
Дабы на койке нам
Помнить — Царство!

Свое подобье
Ты в небо поднял —
Великой верой
В свое подобье.

Так дай нам вздоху
И дай нам поту —
Дабы снести нам
Твои щедроты!

30 сентября 1918

□ □ □

Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди — ценою в три угодья —
Господом пожалованный орден.

Нынче праздник слуг нелицемерных:
Целый дождь — в подхваченные полы!
Это Царь с небесного престола
Орденами оделяет — верных.

Руки прочь, народ! Моя — добыча!
И сияет на груди суровой
Страстный знак Величья и Отличья,
Орден Льва и Солнца — лист кленовый.

8 октября 1918
Сергиев день

□ □ □

Был мне подан с высоких небес
Меч серебряный — воинский крест.

Был мне с неба пасхальный тропарь:
— Иоанна! Восстань, Дева-Царь!

И восстала — миры побороть —
Посвященная в рыцари — Плоть.

Подставляю открытую грудь.
Познаю серединную суть.
Обязуюсь гореть и тонуть.

8 октября 1918

Отнимите жемчуг — останутся слезы,
Отнимите злато — останутся листья
Осеннего клена, отнимите пурпур —
Останется кровь.

9 октября 1918

Над черною пучиной водною —
Последний звон.
Лавиною простонародною
Низринут трон.

Воло́чится кровавым во́локом
Пурпур царей.
Греми, греми, последний колокол
Русских церквей!

Кропите, слёзные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и царь!

Цари земные низвергаются.
— Царствие! — Будь!
От колокола содрогаются
Город и грудь.

9 октября 1918

□ □ □

Молодой колоколенкой
Ты любуешься — в воздухе.
Голосок у ней тоненький,
В ясном куполе — звездочки.

Куполок твой золотенький,
Ясны звезды — под лобиком.
Голосочек твой тоненький,
Ты сама колоколенка.

Октябрь 1918

□ □ □

Любовь! Любовь! Куда ушла ты?
— Оставила свой дом богатый,
Надела воинские латы.

— Я стала Голосом и Гневом,
Я стала Орлеанской Девой.

10 октября 1918

□ □ □

Осень. Деревья в аллее — как воины.
Каждое дерево пахнет по-своему.
Войско Господне.

14 октября 1918

□ □ □

Ты персияночка — луна, а месяц — турок,
Ты полоняночка, луна, а он — наездник,
Ты нарумянена, луна, а он, поджарый,
Отроду желт, как Знание и Знать.

Друг! Буду Вам верна, доколе светят:
Персидская луна — турецкий месяц.

14 октября 1918

□ □ □

Утро. Надо чистить чаши,
Надо розы поливать.

Полдень. Смуглую маслину
Держат кончики перстов.

Колокол звонит. Четыре.
Голос. Ангельская весть.

Розы политы вторично.
Звон. Вечерняя заря.

Ночь. Чугунная решетка.
Битва голосов и крыл.

15 октября 1918

□ □ □

А всему предпочла
Нежный воздух садовый.
В монастырском саду,
Где монашки и вдовы,

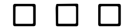
— И монашка, и мать —
В добровольной опале,
Познаю благодать
Тишины и печали.

Благодать ремесла,
Прелесть твердой основы
— Посему предпочла
Нежный воздух садовый.

В неизвестном году
Ляжет строго и прямо
В монастырском саду —
Многих рыцарей — Дама,

Что казне короля
И глазам Казановы —
Что всему предпочла
Нежный воздух садовый!

15 октября 1918



Дочери катят серсо,
Матери катят — сердца.
И по дороге столбом
Пыль от сердец и серсо.

15 октября 1918

□ □ □

Не смущаю, не пою
Женскою отравою.
Руку верную даю —
Пишущую, правую.

Той, которою крещу
На ночь — ненаглядную.
Той, которою пишу
То, что Богом задано.

Левая — она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука —
Праведная, правая!

23 октября 1918

□ □ □

Героизму пристало стынуть.
Холод статен, как я сама.
Здравствуй, — белая-свет-пустыня,
Героическая зима!

Белый всадник — мой друг любимый,
Нынче жизнь моя — лбом в снегу.
В первый раз воспеваю зиму
В восемнадцатом сем году.

23 октября 1918

□ □ □

Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,
А останетесь вы в песне — белы-лебеди!

Знамя, шитое *крестами,* в саван выцвело.
А и будет ваша память — белы-рыцари.

И никто из вас, сынки! — не воротится.
А ведет ваши полки — Богородица!

25 октября 1918

Я берег покидал туманный Альбиона...
Батюшков.

«Я берег покидал туманный Альбиона»...
Божественная высь! — Божественная грусть!
Я вижу тусклых вод взволнованное лоно
И тусклый небосвод, знакомый наизусть.

И, прислоненного к вольнолюбивой мачте,
Укутанного в плащ — прекрасного, как сон —
Я вижу юношу. — О плачьте, девы, плачьте!
Плачь, мужественность! — Плачь, туманный Альбион!

Свершилось! — Он один меж небом и водою!
Вот школа для тебя, о ненавистник школ!
И в роковую грудь, пронзенную звездою,
Царь роковых ветров врывается — Эол.

А рокот тусклых вод слагается в балладу
О том, как он погиб, звездою заклеймен...
Плачь, Юность! — Плачь, Любовь! — Плачь, Мир! —
Рыдай, Эллада!
Плачь, крошка Ада! — Плачь, туманный Альбион!

30 октября 1918

□ □ □

Сладко вдвоем — на одном коне,
В том же челне — на одной волне,
Сладко вдвоем — от одной краюшки —
Слаще всего — на одной подушке

1 ноября 1918

□ □ □

Поступь легкая моя,
— Чистой совести примета —
Поступь легкая моя,
Песня звонкая моя —

Бог меня одну поставил
Посреди большого света.
— Ты не женщина, а птица,
Посему — летай и пой.

1 ноября 1918

□ □ □

На плече моем на правом
Примостился голубь-утро,
На плече моем на левом
Примостился филин-ночь.

Прохожу, как царь казанский.
И чего душе бояться —
Раз враги соединились,
Чтоб вдвоем меня хранить!

2 ноября 1918

Чтобы помнил не часочек, не годок —
Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки —
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны — зубья у расчески моей!

Чуть притронешься — пойдет трескотня
Про меня одну, да все про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек — с версту,

Чтоб ко мне ему все версты — с вершок,
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня —
Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

Кружка, хлеба краюшка
Да малинка в лукошке,
Эх, — да месяц в окошке, —
Вот и вся нам пирушка!

А мальчишку — погреться —
Подарите в придачу —
Я тогда и без хлебца
Никогда не заплачу!

2 ноября 1918

Развела тебе в стакане
Горстку жженых волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилось, не спалось.

Чтобы младость — не в радость,
Чтобы сахар — не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

Как власы мои златые
Стали серой золой,
Так года твои младые
Станут белой зимой.

Чтоб ослеп-оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.

3 ноября 1918

АЛЕ

Есть у тебя еще отец и мать,
А все же ты — Христова сирота.

Ты родилась в водовороте войн, —
А все же ты поедешь на Иордань.

Без ключика Христовой сироте
Откроются Христовы ворота.

5 ноября 1918

□ □ □

Царь и Бог! Простите малым —
Слабым — глупым — грешным — шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, —

Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!

Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей — хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, — прости Разбойнику!

В отчий дом — дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!

Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирён и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,

Да за удаль несуразную —
Развяжите Стеньку Разина!

Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселися, сердце русское!

Царь и Бог! Для ради празднику —
Отпустите Стеньку Разина!

Москва, 1-ая годовщина Октября.

Дни, когда Мамонтов подходил к Москве — и вся буржуазия меняла керенские на царские — а я одна не меняла (не только потому, что их не было, но и) потому что знала, что *не* войдет в Столицу — Белый Полк!

□ □ □

— Мир окончится потопом.
— Мир окончится пожаром.
Так вода с огнем, так дочерь
С матерью схватились в полночь.

— Дух Святой — озерный голубь,
Белый голубочек с веткой.
— Пламенный язык над 〈русым〉
Теменем — и огнь в гортани.

7 ноября 1918

□ □ □

Песня поется, как милый любится:
Радостно! — Всею грудью!
Что из того, что она забудется —
Богу пою, не людям!

Песня поется, как сердце бьется —
Жив, так поёшь...

9 ноября 1918

□ □ □

Дело Царского Сына —
Быть великим и добрым
. . . .
Чтить голодные ребра,

Выть с последней солдаткой,
Пить с последним бродягой,

Спать . . . .
В сапогах и при шпаге.

А еще ему дело:
Встать в полночную пору,
Прочь с дороженьки белой —
Ввысь на вышнюю гору...

Над пучиной согнуться,
Бросить что-то в пучину...
— Никогда не вернуться —
Дело Царского Сына!

9 ноября 1918

□ □ □

Благодарю, о Господь,
За Океан и за Сушу,
И за прелестную плоть,
И за бессмертную душу,

И за горячую кровь,
И за холодную воду.
— Благодарю за любовь.
Благодарю за погоду.

9 ноября 1918

□ □ □

Радость — что сахар,
Нету — и охаешь,
А завелся́ как —
Через часочек:
Сладко, да тошно!

Горе ты горе, — соленое море!
Ты и накормишь,
Ты и напоишь,
Ты и закружишь,
Ты и отслужишь!

9 ноября 1918

□ □ □

Красный бант в волосах!
Красный бант в волосах!
А мой друг дорогой —
Часовой на часах.

Он под ветром холодным,
Под холодной луной,
У палатки походной —
Что столб соляной.

Подкрадусь к нему тихо —
Зычно крикнет: — «Пароль!»
— Это я! — Проходи-ка,
Здесь спит мой Король!

— Это я, мое сердце,
Это — сердце твое!
— Здесь для шуток не место,
Я возьму под ружье.

— Не проспать бы обедни
Твоему Королю!
— В третий раз — и в последний:
Проходи, говорю!

Грянет выстрел. На вереск
Упаду — хоть бы звук.
Поглядит он на Север,
Поглядит он на Юг,

На Восток и на Запад.
— Не зевай на часах! —
Красный бант в волосах!
Красный бант в волосах!

10 ноября 1918

□ □ □

Нет, с тобой, дружочек чудный,
Не делиться мне досугом.
Я сдружилась с новым другом,
С новым другом, с сыном блудным.

У тебя — дворцы-палаты,
У него — леса-пустыни,
У тебя — войска-солдаты,
У него — пески морские.

Нынче в море с ним гуляем,
Завтра пó лесу с волками.
Что ни ночь — постель иная:
Нынче — щебень, завтра — камень.

И уж любит он, сударик,
Чтобы свéтло, как на Пасху:
Нынче месяц нам фонарик,
Завтра звезды нам лампадки.

Был он всадником завидным,
Милым гостем, Царским Сыном, —
Да глаза мои увидел —
И войска свои покинул.

10-ноября 1918

□ □ □

Новый Год. Ворох роз.
Старый лорд в богатой раме.
Ты мне ленточку принес?
Дэзи стала знатной дамой.

С длинных крыл — натечет.
Мне не надо красной ленты.
Здесь не больно почет
Серафимам и студентам.

Что? Один не уйдешь,
Увези меня на Мальту.
Та же наглость и то ж
Несравненное контральто!

Новый Год! Новый Год!
Чек на Смитсона в букете!
— Алчет у моих ворот
Зябкий серафим Россетти!

10 ноября 1918

□ □ □

Ты тогда дышал и бредил Кантом.
Я тогда ходила с красным бантом.
Бриллиантов не было и ⟨франтов⟩
. . . .

Ели мы горох и чечевицу.
Ты однажды с улицы певицу
— Мокрую и звонкую, как птица —
В дом привел. Обедали втроем.

А потом — . . . . . . как боги —
Говорили о горячем гроге
И, дрожа, протягивали ноги
В черную каминную дыру.

Пили воду — . . . . попойка! —
Ты сказал: — «Теперь, сестричка, спойте!»
И она запела нам о стойкой
Всаднице и юном короле.

Ты сказал: «Любовь и Дружба — сестры»,
И она надела мне свой пестрый
Мокрый бант — и вспыхнул — красный остров! —
. . . .

Целовались — и играли в кости.
Мы с тобой уснули на помосте
Для углей, — звонкоголосой гостье
Уступив единственный тюфяк.

10 ноября 1918

БАРАБАНЩИК

1

Барабанщик! Бедный мальчик!
Вправо-влево не гляди!
Проходи перед народом
С Божьим громом на груди.

Не наемник ты — вся ноша
На груди, не на спине!
Первый в глотку смерти вброшен
На ногах — как на коне!

Мать бежала спелой рожью,
Мать кричала в облака,

Воззывала: — Матерь Божья,
Сберегите мне сынка!

Бедной матери в оконце
Вечно треплется платок.
— Где ты, лагерное солнце!
Алый лагерный цветок!

А зато — какая воля —
В подмастерьях — старший брат,
Средний в поле, третий в школе,
Я один — уже солдат!

Выйдешь цел из перебранки —
Что за радость, за почет,
Как красотка-маркитантка
Нам стаканчик поднесет!

Унтер ропщет: — Эх, мальчонка!
Рано начал — не к добру!
— Рано начал — рано кончил!
Кто же выпьет, коль умру?

А настигнет смерть-волчица —
Весь я тут — вся недолга!
Императору — столицы,
Барабанщику — снега.

А по мне — хоть дно морское!
Пусть сам черт меня заест!
Коли Тот своей рукою.
Мне на грудь нацепит крест!

11 ноября 1918

2

Молоко на губах не обсохло,
День и ночь в барабан колочу.
Мать от грохота было оглохла,
А отец потрепал по плечу.

Мать и плачет и стонет и тужит,
Но отцовское слово — закон:
— Пусть идет Императору служит, —
Барабанщиком, видно, рожден.

Брали сотнями царства, — столицы
Мимоходом совали в карман.
Порешили судьбу Аустерлица
Двое: солнце — и мой барабан.

Полегло же нас там, полегло же
За величье имперских знамен!
Веселись, барабанная кожа!
Барабанщиком, видно, рожден!

Загоняли мы немца в берлогу.
Всадник. Я — барабанный салют.
Руки скрещены. В шляпе трирогой.
— Возраст? — Десять. — Не меньше ли, плут?

— Был один, — тоже ростом не вышел.
Выше солнца теперь вознесен!
— Ты потише, дружочек, потише!
Барабанщиком, видно, рожден!

Отступилась от нас Богоматерь,
Не пошла к московитским волкам.
Дальше — хуже. В плену — Император,
На отчаянье верным полкам.

И молчит собеседник мой лучший,
Сей рукою к стене пригвожден.
И никто не побьет в него ручкой:
Барабанщиком, видно, рожден!

12 ноября 1918

□ □ □

Мать из хаты за водой,
А в окно – дружочек:
Голубочек голубой,
Сизый голубочек.

Коли днем одной – тоска,
Что же в темь такую?
И нежнее голубка
Я сама воркую.

С кем дружился в ноябре –
Не забудь в июле.
. . . .
Гули-гули-гули.

. . . .
Возвратилась мать!
. . . .
Ладно – ворковать!

Чтобы совы страсть мою
Стоном не спугнули –
У окна стою – пою:
Гули-гули-гули.

Подари-ка золотой
Сыну на зубочек,
Голубочек голубой,
Сизый голубочек!

14 ноября 1918

□ □ □

Соловьиное горло — всему взамен! —
Получила от певчего бога — я.
Соловьиное горло! — . . . .
Рокочи, соловьиная страсть моя!

Сколько в горле струн — все сорву до тла!
Соловьиное горло свое сберечь
На на тот на свет — соловьем пришла!
. . . .

20 ноября 1918

□ □ □

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце — как маятник — как календарь.
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой — как всякая Божия тварь.

Знать: Дух — мой сподвижник, и Дух — мой вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, —
Как Бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1919

□ □ □

Вот: слышится — а слов не слышу,
Вот: близится — и тьмится вдруг...
Но знаю, с поля — или свыше —
Тот звук — из сердца ли тот звук...

15 Зак 199

— Вперед на огненные муки! —
В волнах овечьего руна
Я к небу воздеваю руки —
Как — древле — девушка одна...

⟨1918 — 1939⟩

КОМЕДЬЯНТ

— Посвящение —
— Комедьянту, игравшему Ангела, — или, Ангелу, игравшему Комедьянта — не все равно ли, раз — Вашей милостью — я, вместо снежной повинности Москвы 19 года несла — нежную.

1

Я помню ночь на склоне ноября.
Туман и дождь. При свете фонаря
Ваш нежный лик — сомнительный и странный,
По-диккенсовски — тусклый и туманный,
Знобящий грудь, как зимние моря...
— Ваш нежный лик при свете фонаря.

И ветер дул, и лестница вилась...
От Ваших губ не отрывая глаз,
Полусмеясь, свивая пальцы в узел,
Стояла я, как маленькая Муза,
Невинная — как самый поздний час...
И ветер дул и лестница вилась.

А на меня из-под усталых вежд
Струился сонм сомнительных надежд.
— Затронув губы, взор змеился мимо... —
Так серафим, томимый и хранимый
Таинственною святостью одежд,
Прельщает Мир — из-под усталых вежд.

Сегодня снова диккенсова ночь.
И тоже дождь, и так же не помочь
Ни мне, ни Вам, — и так же хлещут трубы,
И лестница летит... И те же губы...
И тот же шаг, уже спешащий прочь —
Туда — куда-то — в диккенсову ночь.

2 ноября 1918

2

Мало ли запястий
Плелось, вилось?
Что тебе запястье
Мое — далось?

Всё кругом да около —
Что кот с мышом!
Нет, — очами, сокол мой,
Глядят — не ртом!

19 ноября 1918

3

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен — и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.

Жезл пастуший — или шпага?
Зритель, бой — или гавот?
Шаг вперед — назад три шага,
Шаг назад — и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство — не любовь!

И итогом этих (в скобках —
Несодеянных!) грехов —
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

20 ноября 1918

4

Концами шали
Вяжу печаль твою.
И вот — без шали —
На площадях пою.

Сня́то́ проклятие!
Я госпожа тебе!

20 ноября 1918

5

Дружить со мной нельзя, любить меня — не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!

Баркасу должно плыть, а мельнице — вертеться.
Тебе ль остановить кружа́щееся сердце?

Порукою тетрадь — не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действом комедийным?

Любовный крест тяжел — и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел — и мы его схороним.

20 ноября 1918

6

Волосы я — или воздух целую?
Веки — иль веянье ветра над ними?
Губы — иль вздох под губами моими?
Не распознаю и не расколдую.

Знаю лишь: целой блаженной эпохой,
Царственным эпосом — струнным и странным —
Приостановится...
Это короткое облачко вздоха.

Друг! Всё пройдет на земле, — аллилуйя!
Вы и любовь, — и ничто не воскреснет.
Но сохранит моя темная песня —
Голос и волосы: струны и струи.

22 ноября 1918

7

Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.
Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.

Что-то не сходится — самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!

— Баба! — мне внуки на урне напишут.
И повторяю — упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.

23 ноября 1918

8

Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
— Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! —
Сказать еще? — Златого утра краше!
Сказать еще? — Один во всей вселенной!
Самой Любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.

Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. — В камине воет ветер.
Облокотясь — уставясь в жар каминный —
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.

Друг! Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! — Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но — вдохновенный —
Всем пророкочет голос мой крылатый —
О том, что жили на земле когда-то
Вы — столь забывчивый, сколь незабвенный!

25 ноября 1918

9

Короткий смешок,
Открывающий зубы,
И легкая наглость прищуренных глаз.
— Люблю Вас! — Люблю Ваши зубы и губы,
(Все это Вам сказано — тысячу раз!)

Еще полюбить я успела — постойте! —
Мне помнится: руки у Вас хороши!
В долгу не останусь, за всё — успокойтесь —
Воздам неразменной деньгою души.

Посмейтесь! Пусть нынешней ночью приснятся
Мне впадины чуть-улыбнувшихся щек.
Но даром — не надо! Давайте меняться:
Червонец за грошик: смешок — за стишок!

27 ноября 1918

10

Нá смех и нá зло:
Здравому смыслу,
Ясному солнцу,
Белому снегу —

Я полюбила:
Мутную полночь,
Льстивую флейту,
Праздные мысли.

Этому сердцу
Родина — Спарта.
Помнишь лисёнка,
Сердце спартанца?

— Легче лисёнка
Скрыть под одеждой,
Чем утаить вас,
Ревность и нежность!

1 декабря 1918

11

Мне тебя уже не надо,
Милый — и не оттого что
С первой почтой — не писал.

И не оттого что эти
Строки, писанные с грустью,
Будешь разбирать — смеясь.

(Писанные мной одною —
Одному тебе! — впервые! —
Расколдуешь — не один.)

И не оттого что кудри
До щеки коснутся — мастер
Я сама читать вдвоем! —

И не оттого что вместе
— Над неясностью заглавных! —
Вы вздохнете, наклонясь.

И не оттого что дружно
Веки вдруг смежатся — труден
Почерк, — да к тому — стихи!

Нет, дружочек! — Это проще,
Это пуще, чем досада:

Мне тебя уже не надо —
Оттого что — оттого что —
Мне тебя уже не надо!

3 декабря 1918

12

Розовый рот и бобровый ворот —
Вот лицедеи любовной ночи.
Третьим была — Любовь.

Рот улыбался легко и нагло.
Ворот кичился бобровым мехом.
Молча ждала Любовь.

13

Сядешь в кресла, полон лени.
Встану рядом на колени,
Без дальнейших повелений.

С сонных кресел свесишь руку.
Подыму ее без звука,
С перстеньком китайским — руку.

Перстенек начищен мелом.
— Счастлив ты? — Мне нету дела!
Так любовь моя велела.

5 декабря 1918

14

Ваш нежный рот — сплошное целованье...
— И это всё, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? — Единая? — Нет, тыща!
Завоеватель? — Нет, завоеванье!

Любовь ли это — или любованье,
Пера причуда — иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину —
Иль чуточку притворства — по призванью...

— Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк — ах! — не всё равно ли,
Как назовут сие уста — доколе
Ваш нежный рот — сплошное целованье!

Декабрь 1918

15

«Поцелуйте дочку!»
Вот и всё. — Как скупо! —
Быть несчастной — глупо.
Значит, ставим точку.

Был у Вас бы малый
Мальчик, сын единый —
Я бы Вам сказала:
«Поцелуйте сына!»

16

Это и много и мало.
Это и просто и тёмно.
Та, что была вероломной,
За́ вечер — верная стала.

Белой монашкою скромной,
— Парой опущенных глаз. —
Та, что была неуемной,
За́ вечер вдруг унялась.

Начало января 1919

17

Бренные губы и бренные руки
Слепо разрушили вечность мою.
С вечной Душою своею в разлуке —
Бренные губы и руки пою.

Рокот божественной вечности — глуше.
Только порою, в предутренний час —
С темного неба — таинственный глас:
— Женщина! — Вспомни бессмертную душу!

Конец декабря 1918

18

Не поцеловали — приложились.
Не проговорили — продохнули.
Может быть — Вы на земле не жили,
Может быть — висел лишь плащ на стуле.

Может быть — давно под камнем плоским
Успокоился Ваш нежный возраст.
Я себя почувствовала воском:
Маленькой покойницею в розах.

Руку на́ сердце кладу — не бьется.
Так легко без счастья, без страданья!
— Так прошло — что у людей зовется —
На миру — любовное свиданье.

Начало января 1919

19

Друзья мои! Родное триединство!
Роднее чем в родстве!
Друзья мои в советской — якобинской —
Маратовой Москве!

С вас начинаю, пылкий Антокольский,
Любимец хладных Муз,
Запомнивший лишь то, что — панны польской
Я именем зовусь.

И этого — виновен холод братский,
И сеть иных помех! —
И этого не помнящий — Завадский!
Памятнейший из всех!

И, наконец — герой меж лицедеев —
От слова *бытиё*
Все имена забывший — Алексеев!
Забывший и свое!

И, упражняясь в старческом искусстве
Скрывать себя, как черный бриллиант,
Я слушаю вас с нежностью и грустью,
Как древняя Сивилла — и Жорж Занд.

13 января 1919

20

В ушах два свиста: шелка и метели!
Бьется душа — и дышит кровь.
Мы получили то, чего хотели:
Вы — мой восторг — до снеговой постели,
Я — Вашу смертную любовь.

27 января 1919

21

Шампанское вероломно,
А всё ж наливай и пей!
Без розовых без цепей
Наспишься в могиле темной!

Ты мне не жених, не муж,
Твоя голова в тумане...
А вечно одну и ту ж —
Пусть любит герой в романе!

22

Скучают после кутежа.
А я как веселюсь — не чаешь!
Ты — господин, я — госпожа,
А главное — как ты, такая ж!

Не обманись! Ты знаешь сам
По злому холодку в гортани,

Что я была твоим устам —
Лишь пеною с холмов Шампани!

Есть золотые кутежи.
И этот мой кутеж оправдан:
Шампанское любовной лжи —
Без патоки любовной правды!

23

Солнце — одно, а шагает по всем городам.
Солнце — мое. Я его никому не отдам.

Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. — Никому. — Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!

В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!

В вечную ночь пропадет — погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!

Февраль 1919

24

Да здравствует черный туз!
Да здравствует сей союз
Тщеславья и вероломства!
На темных мостах знакомства,
Вдоль всех фонарей — любовь!

Я лживую кровь свою
Пою — в вероломных жилах.
За всех вероломных милых
Грядущих своих — я пью!

Да здравствует комедьянт!
Да здравствует красный бант
В моих волосах веселых!
Да здравствуют дети в школах,
Что вырастут — пуще нас!

И, юности на краю,
Под тенью сухих смоковниц —
За всех роковых любовниц
Грядущих твоих — я пью!

Москва, март 1919

25

Сам Черт изъявил мне милость!
Пока я в полночный час
На красные губы льстилась —
Там красная кровь лилась.

Пока легион гигантов
Редел на донском песке,
Я с бандой комедиантов
Браталась в чумной Москве.

Хребет вероломства — гибок.
О, сколько их шло на зов
. . . . . . моих улыбок
. . . . . . моих стихов.

Чтоб Совесть не жгла под шалью —
Сам Черт мне вставал помочь.
Ни утра, ни дня — сплошная
Шальная, чумная ночь.

И только порой, в тумане,
Клонясь, как речной тростник,
Над женщиной плакал — Ангел
О том, что забыла — Лик.

Март 1919

□ □ □

Я Вас люблю всю жизнь и каждый день,
Вы надо мною, как большая тень,
Как древний дым полярных деревень.

Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.
Но мне не надо Ваших губ и глаз.
Всё началось — и кончилось — без Вас.

Я что-то помню: звонкая дуга,
Огромный ворот, чистые снега,
Унизанные звездами рога...

И от рогов — в полнебосвода — тень...
И древний дым полярных деревень...
— Я поняла: Вы северный олень.

7 декабря 1918

П. АНТОКОЛЬСКОМУ

Дарю тебе железное кольцо:
Бессонницу — восторг — и безнадежность.
Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,
Чтоб позабыл ты даже слово — нежность.

Чтоб голову свою в шальных кудрях
Как пенный кубок возносил в пространство,
Чтоб обратило в угль — и в пепл — и в прах
Тебя — сие железное убранство.

Когда ж к твоим пророческим кудрям
Сама Любовь приникнет красным углем,
Тогда молчи и прижимай к губам
Железное кольцо на пальце смуглом.

Вот талисман тебе от красных губ,
Вот первое звено в твоей кольчуге, —
Чтоб в буре дней стоял один — как дуб,
Один — как Бог в своем железном круге!

Март 1919

□ □ □

О нет, не узнает никто из вас
— Не сможет и не захочет! —
Как страстная совесть в бессонный час
Мне жизнь молодую точит!

Как душит подушкой, как бьет в набат,
Как шепчет все то же слово...
— В какой обратился треклятый ад
Мой глупый грешок грошовый!

Март 1919

ПАМЯТИ А. А. СТАХОВИЧА

A Dieu — mon âme,
Mon corps — au Roy,
Mon coeur — aux Dames,
L'honneur — pour moi[1].

1

Не от за́пертых на семь замков пекарен
И не от заледенелых печек —
Барским шагом — распрямляя плечи —
Ты сошел в могилу, русский барин!

[1] Господу — мою душу,
Тело мое — королю,
Сердце — прекрасным дамам,
Честь — себе самому *(фр.)*.

Старый мир пылал. Судьба свершалась.
— Дворянин, дорогу — дровосеку![1]
Чернь цвела... А вблизь тебя дышалось
Воздухом Осьмнадцатого Века.

И пока, с дворцов срывая крыши,
Чернь рвалась к добыче вожделенной —
Вы bon ton, maintien, tenue[2] — мальчишек
Обучали — под разгром вселенной!

Вы не вышли к черни с хлебом-солью,
И скрестились — от дворянской скуки! —
В черном царстве трудовых мозолей —
Ваши восхитительные руки.

Москва, март 1919

(NB! Даже *труд* может быть — отвратителен: даже — *чужой!* если он в любовь — навязан и в славословие — вменен. *МЦ — тогда* и *всегда*.)

2

Высокой горести моей —
Смиренные следы:
На синей варежке моей —
Две восковых слезы.

В продрогшей це́рковке — мороз,
Пар от дыханья — густ.
И с синим ладаном слилось
Дыханье наших уст.

Отметили ли Вы, дружок,
— Смиреннее всего —
Среди других дымков — дымок
Дыханья моего?

[1] NB! Если бы дровосеку! *(примеч. М. Цветаевой)*
[2] Правила хорошего тона, осанка *(фр.)*.

Безукоризненностью рук
Во всем родном краю
Прославленный — простите, друг,
Что в варежках стою!

Март 1919

3

Пустыней Девичьего Поля
Бреду за ныряющим гробом.
Сугробы — ухабы — сугробы.
Москва. — Девятнадцатый год. —

В гробу — несравненные руки,
Скрестившиеся самовольно,
И сердце — высокою жизнью
Купившее право — не жить.

Какая печальная свита!
Распутицу — холод — и голод
Последним почетным эскортом
Тебе отрядила Москва.

Кто помер? — С дороги, товарищ!
Не вашего разума дело:
— Исконный — высокого рода —
Высокой души — дворянин.

Пустыней Девичьего Поля
. . . .
Молюсь за блаженную встречу
В тепле Елисейских Полей!

Март 1919

4

Елисейские Поля: ты да я.
И под нами — огневая земля.
. . . . и лужи морские
— И родная, роковая Россия,
Где покоится наш нищенский прах
На кладбищенских Девичьих Полях.

Вот и свиделись! — А воздух каков! —
Есть же страны без мешков и штыков!
В мир, где «Равенство!» вопят даже дети,
Опоздавшие на дважды столетье, —
Там маячили — дворянская спесь! —
Мы такими же тенями, как здесь.

Что Россия нам? — черны купола!
Так, заложниками бросив тела,
Ненасытному червю — черни черной,
Нежно встретились: Поэт и Придворный. —
Два посмешища в державе снегов,
Боги — в сонме королей и Богов!

Март 1919

ПОСЫЛКА К МАЛЕНЬКОЙ СИГАРЕРЕ

Не ждет, не ждет мой кучер нанятый,
Торопит ветер-господин.
Я принесла тебе для памяти
Еще подарочек один.

1919

СТИХИ К СОНЕЧКЕ

1

Кто покинут — пусть поет!
Сердце — пой!
Нынче мой — румяный рот,
Завтра — твой.

Ах, у розы-красоты
Все — друзья!
Много нас — таких, как ты
И как я.

Друг у друга вырывать
Розу-цвет —
Можно розу разорвать:
Хуже нет!

Чем за розовый за рот
Воевать —
Лучше мальчика в черед
Целовать!

Сто подружек у дружка:
Все мы тут.
На́, люби его — пока
Не возьмут.

21 апреля 1919

2

Пел в лесочке птенчик,
Под окном — шарманщик:
— Обманщик, изменщик,
Изменщик, обманщик!

Подпевали хором
Черти из бочонка:

— Всю тебя, девчонка,
За копейку продал!

А коровки в травке:
— Завела аму—уры!
В подворотне—шавки:
— Урры, урры, дура!

Вздумала топиться—
Бабка с бородою:
— Ничего, девица!
Унесет водою!

Расчеши волосья,
Ясны очи вымой.
Один милый бросил,
А другой—подымет!

3

В мое окошко дождь стучится.
Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.

Я пела про судьбу-злодейку,
И с раззолоченных перил
Ты мне не рупь и не копейку,—
Ты мне улыбку подарил.

Но старый князь узнал затею:
Сорвал он с сына ордена
И повелел слуге-лакею
Прогнать девчонку со двора.

И напилась же я в ту ночку!
Зато в блаженном мире—*том*—
Была *я*—княжескою дочкой,
А *ты* был уличным певцом!

24 апреля 1919

4

Заря малиновые полосы
Разбрасывает на снегу,
А я пою нежнейшим голосом
Любезной девушки судьбу.

О том, как редкостным растением
Цвела в светлейшей из теплиц:
В высокосветском заведении
Для благороднейших девиц.

Как белым личиком в передничек
Ныряла от словца «жених»;
И как перед самим Наследником
На выпуске читала стих,

И как чужих сирот-проказников
Водила в храм и на бульвар,
И как потом домой на праздники
Приехал первенец-гусар.

Гусар! — Еще не кончив с куклами,
— Ах! — в люльке мы гусара ждем!
О, дом вверх дном! Букварь — вниз буквами!
Давайте дух переведем!

Посмотрим, как невинно-розовый
Цветок сажает на фаянс.
Проверим три старинных козыря:
Пасьянс — романс — и контраданс.

Во всей девчонке — ни кровиночки...
Вся, как косыночка, бела.
Махнула белою косыночкой,
Султаном помахал с седла.

И как потом к старухе чопорной
Свалилась под ноги, как сноп,
И как сам граф, ногами топая,
Ее с крыльца спустил в сугроб...

И как потом со свертком капельным
— Отцу ненадобным дитём! —
В царевом доме Воспитательном
Прощалася... И как — потом —

Предавши розовое личико
Пустоголовым мотылькам,
Служило бедное девичество
Его Величества полкам...

И как художникам-безбожникам
В долг одолжала красоту,
И как потом с ворóм-острожником
Толк заводила на мосту...

И как рыбак на дальнем взмории
Нашел двух туфелек следы...
Вот вам старинная история,
А мне за песню — две слезы.

Апрель 1919

5

От лихой любовной думки
Как уеду по чугунке —
Распыхтится паровоз,

И под гул его угрюмый
Буду думать, буду думать,
Что сам Черт меня унес.

От твоих улыбок сладких,
И от рук твоих в перчатках,
И от лика твоего —

И от слов твоих шумящих,
И от ног твоих, спешащих
Мимо дома моего.

Ты прощай, злодей-прельститель,
Вы, холмы мои, простите
Над.............................. Москвой, —

Что Москва! Черт с ней, с Москвою!
Черт с Москвою, черт со мною, —
И сам Свет-Христос с собой!

Лейтесь, лейтесь, слезы, лейтесь,
Вейтесь, вейтесь, рельсы, вейтесь,
Ты гуди, чугун, гуди...

Может, горькую судьбину
Позабуду на чужбине
На другой какой груди.

6

— Ты расскажи нам про весну! —
Старухе внуки говорят.
Но, головою покачав,
Старуха отвечала так:
— Грешна весна,
Страшна весна.

— Так расскажи нам про Любовь! —
Ей внук поет, что краше всех.
Но, очи устремив в огонь,
Старуха отвечала: — Ох!
Грешна Любовь,
Страшна Любовь!

И долго-долго на заре
Невинность пела во дворе:
— Грешна любовь,
Страшна любовь...

1919

7

Маленькая сигарера!
Смех и танец всей Севильи!
Что тебе в том длинном, длинном
Чужестранце длинноногом?

Оттого, что ноги длинны, —
Не суди: приходит первым!
И у цапли ноги — длинны:
Всё на том же на болоте!

Невидаль, что белорук он!
И у кошки ручки — белы.
Оттого, что белы ручки, —
Не суди: ласкает лучше!

Невидаль — что белокур он!
И у пены — кудри белы,
И у дыма — кудри белы,
И у куры — перья белы!

Берегись того, кто утром
Подымается без песен,
Берегись того, кто трезвым
— Как капель — ко сну отходит,

Кто от солнца и от женщин
Прячется в собор и в погреб,
Как ножа бежит — загару,
Как чумы бежит — улыбки.

Стыд и скромность, сигарера,
Украшенье для девицы,
Украшенье для девицы,
Посрамленье для мужчины.

Кто приятелям не должен —
Тот навряд ли щедр к подругам.
Кто к жидам не знал дороги —
Сам жидом под старость станет.

Посему, малютка-сердце,
Маленькая сигарера,
Ты иного приложенья
Поищи для красных губок.

Губки красные – что розы:
Нынче пышут, завтра вянут,
Жалко их – на привиденье,
И живой души – на камень.

Москва – Ванв, 1919 – 1937

8

Твои руки черны от загару,
Твои ногти светлее стекла...
– Сигарера! Скрути мне сигару,
Чтобы дымом любовь изошла.

Скажут люди, идущие мимо:
– Что с глазами-то? Свет, что ль, не мил?
А я тихо отвечу: – От дыму.
Я девчонку свою продымил!

Весна 1919

9

Не сердись, мой Ангел Божий,
Если правда выйдет ложью.
Встречный ветер не допрашивают,
Правды с соловья не спрашивают.

1919

10

Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
«Моя маленькая!».

— Ликом — чистая иконка,
Пеньем — пеночка... —
И качал ее тихонько
На коленочках.

Ходит вправо, ходит влево
Божий маятник.
И кончалось всё припевом:
«Моя маленькая!»

Божьи думы нерушимы,
Путь — указанный.
Маленьким не быть большими,
Вольным — связанными.

И предстал — в кого не целят
Девки — пальчиком:
Божий ангел встал с постели —
Вслед за мальчиком.

— Будешь цвесть под райским древом,
Розан аленький! —
Так и кончилась с припевом:
«Моя маленькая!»

16 июня 1919

〈11〉

На коленях у всех посидела
И у всех на груди полежала.
Всё до страсти она обожала
И такими глазами глядела,
Что сам Бог в небесах.

16 июня 1919

АЛЕ

В шитой серебром рубашечке,
— Грудь как звездами унизана! —
Голова — цветочной чашечкой
Из серебряного выреза.

Очи — два пустынных озера,
Два Господних откровения —
На лице, туманно-розовом
От Войны и Вдохновения.

Ангел — ничего — всё! — знающий,
Плоть — былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне —
Тоже Ангела и Воина.

Может — всё мое достоинство —
За руку с тобою странствовать.
— Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую!

18 июля 1919

Ты думаешь: очередной обман!
Одна к одной, как солдатье в казармах!
Что из того, что ни следа румян
На розовых устах высокопарных, —
Все та же смерть из розовых семян!
Ты думаешь: очередной обман!

И думаете Вы еще: зачем
В мое окно стучаться светлым перстнем?
Ты любишь самозванцев — где мой Кремль?
Давным-давно любовный ход мой крестный

Окончен. Дом мой темен, глух и нем.
И семь печатей спят на сердце сем.

И думаешь: сиротскую суму
Ты для того надела в год сиротский,
Чтоб разносить любовную чуму
По всем домам, чтоб утверждать господство
На каждом........ Черт в моем дому!
— И отвечаю я: — Быть по сему!

Июль 1919

БАБУШКА

1

Когда я буду бабушкой —
Годов через десяточек —
Причудницей, забавницей, —
Вихрь с головы до пяточек!

И внук — кудряш — Егорушка
Взревет: «Давай ружье!»
Я брошу лист и перышко —
Сокровище мое!

Мать всплачет: «Год три месяца,
А уж, гляди, как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!»

Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрышка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий — свет — храбрец!

Когда я буду бабушкой —
Седой каргою с трубкою! —
И внучка, в полночь крадучись,
Шепнет, взметнувши юбками:

«Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?» —
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»

Кто хо́док в пляске рыночной —
Тот лих и на перинушке, —
Маринушка, Маринушка,
Марина — синь-моря!

«А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?»
— «Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.

Ни ночки даром проспанной:
Всё в райском во саду!»
— «А как же, бабка, Господу
Предстанешь на суду?»

«Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела...
Скажу: — Родимый, — грешница!
Счастливая была!

Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок».

23 июля 1919

2

А как бабушке
Помирать, помирать, —
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

«Что ты, старая,
Так лихуешься?»
А она в ответ:
«Что воркуете?»

— «А воркуем мы
Про твою весну!»
— «А лихуюсь я,
Что идти ко сну,

Что навек засну
Сном закованным —
Я, бессонная,
Я, фартовая!

Что луга мои яицкие не скошены,
Жемчуга мои бурмицкие не сношены,
Что леса мои волынские не срублены,
На Руси не все мальчишки перелюблены!»

А как бабушке
Отходить, отходить, —
Стали голуби
В окно крыльями бить.

«Что уж страшен так,
Бабка, голос твой?»
— «Не хочу отдать
Девкам — мóлодцев».

— «Нагулялась ты, —
Пора знать и стыд!»
— «Этой малостью
Разве будешь сыт?

Что над тем костром
Я — холодная,
Что за тем столом
Я — голодная».

А как бабушку
Понесли, понесли, —
Все-то голуби
Полегли, полегли:

Книзу — крылышком,
Кверху — лапочкой...
— Помолитесь, внучки юные, за бабушку!

25 июля 1919

□ □ □

Ты меня никогда не прогонишь:
Не отталкивают весну!
Ты меня и перстом не тронешь:
Слишком нежно пою ко сну!

Ты меня никогда не ославишь:
Мое имя — вода для уст!
Ты меня никогда не оставишь:
Дверь открыта, и дом твой — пуст!

Июль 1919

□ □ □

А во лбу моем — знай! —
Звезды горят.
В правой рученьке — рай,
В левой рученьке — ад.

Есть и шелковый пояс —
От всех мытарств.
Головою покоюсь
На Книге Царств.

Много ль нас таких
На святой Руси —
У ветров спроси,
У волков спроси.

Так из края в край,
Так из града в град.
В правой рученьке — рай,
В левой рученьке — ад.

Рай и ад намешала тебе в питье,
День единый теперь — житие твое.

Проводи, жених,
До седьмой версты!
Много нас таких
На святой Руси.

Июль 1919

ТЕБЕ — ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

К тебе, имеющему быть рожденным
Столетие спустя, как отдышу, —
Из самых недр, — как на́ смерть осужденный,
Своей рукой — пишу:

— Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
— Ртом не достать! — Через летейски воды
Протягиваю две руки.

Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу — в ад, —

Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.

Со мной в руке — почти что горстка пыли —
Мои стихи! — я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я — или
В котором я умру.

На встречных женщин — тех, живых, счастливых, —
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
— Сборище самозванок! Все́ мертвы вы!
Она одна жива!

Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!

О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, —
Тебя не дождалась!

И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний — так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, — и навстречу
Тебе — через сто лет.

Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
— Все́ восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!

Кто бескорыстней был?! — Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, — корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.

Сказать? — Скажу! Небытие — условность.
Ты мне сейчас — страстнейший из гостей,
И ты окажешь перлу всех любовниц
Во имя той — костей.

Август 1919

□ □ □

А плакала я уже бабьей
Слезой — солонейшей солью.
Как та — на лужочке — с граблей —
Как эта — с серпочком — в поле.

От голосу — слабже воска,
Как сахар в чаю моченный.
Стрелочкам своим поноску
Носила, как пес ученый.

— «Ешь зернышко, я ж единой
Скорлупкой сыта с орешка!»
Никто не видал змеиной
В углах — по краям — усмешки.

Не знали мои герои,
Что сей голубок под схимой —
Как Царь — за святой горою
Гордыни несосвятимой.

Август 1919

Два дерева хотят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, — смотреть жестоко,
Как тянется — к тому, другому,
Что старше, стойче и — кто знает? —
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем — еще под снегом —
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

Август 1919

□ □ □

Консуэла! — Утешенье!
Люди добрые, не сглазьте!
Наградил второю тенью
Бог меня — и первым счастьем.

Видно с ангелом спала я,
Бога приняла в объятья.
Каждый час благословляю
Полночь твоего зачатья.

И ведет меня — до сроку —
К Богу — по дороге белой —
Первенец мой синеокий:
Утешенье! — Консуэла!

Ну, а раньше — стать другая!
Я была счастливой тварью!
Все мой дом оберегали, —
Каждый под подушкой шарил!

Награждали — как случалось:
Кто — улыбкой, кто — полушкой...
А случалось — оставалось
Даже сердце под подушкой!..

Времячко мое златое!
Сонм чудесных прегрешений!
Всех вас вымела метлою
Консуэла — Утешенье.

А чердак мой чисто ме́тен,
Сор подобран — на жаровню.
Смерть хоть сим же часом встретим:
Ни сориночки любовной!

— Вор! — Напрасно ждешь! — Не выйду!
Буду спать, как повелела
Мне — от всей моей Обиды
Утешенье — Консуэла!

Москва, октябрь 1919

АЛЕ

1

Ни кровинки в тебе здоровой. —
Ты похожа на циркового.

Вон над бездной встает, ликуя,
Рассылающий поцелуи.

Напряженной улыбкой хлещет
Эту сволочь, что рукоплещет.

Ни кровиночки в тонком теле, —
Все новиночек мы хотели.

Что, голубчик, дрожат поджилки?
Все как надо: канат — носилки.

Разлетается в ладан сизый
Материнская антреприза.

Москва, октябрь 1919

2

Упадешь — перстом не двину.
Я люблю тебя как сына.

Всей мечтой своей довлея,
Не щадя и не жалея.

Я учу: губам полезно
Раскаленное железо,

Бархатных ковров полезней —
Гвозди — молодым ступням.

А еще в ночи беззвездной
Под ногой — полезны — бездны!

Первенец мой крутолобый!
Вместо всей моей учебы —
Материнская утроба
Лучше — для тебя была б.

Октябрь 1919

□ □ □

Бог! — Я живу! — Бог! — Значит ты не умер!
Бог, мы союзники с тобой!
Но ты старик угрюмый,
А я — герольд с трубой.

Бог! Можешь спать в своей ночной лазури!
Доколе *я* среди живых —
Твой дом стоит! — Я лбом встречаю бури,
Я барабанщик войск твоих.

Я твой горнист. — Сигнал вечерний
И зорю раннюю трублю.

Бог! – Я любовью не дочерней, –
Сыновне я тебя люблю.

Смотри: кустом неопалимым
Горит походный мой шатер.
Не поменяюсь с серафимом:
Я твой Господен волонтер.

Дай срок: взыграет Царь-Девица
По всем по селам! – А дотоль –
Пусть для других – чердачная певица
И старый карточный король!

Октябрь 1919

□ □ □

А человек идет за плугом
И строит гнезда.
Одна пред Господом заслуга:
Глядеть на звезды.

И вот за то тебе спасибо,
Что, цепенея,
Двух звезд моих не видишь – ибо
Нашел – вечнее.

Обман сменяется обманом,
Рахилью – Лия.
Все женщины ведут в туманы:
Я – как другие.

Октябрь 1919

□ □ □

Маска — музыка... А третье
Что любимое? — Не скажет.
И я тоже не скажу.

Только знаю, только знаю
— Шалой головой ручаюсь! —
Что не мать — и не жена.

Только знаю, только знаю,
Что как музыка и маска,
Как Москва — маяк — магнит —

Как метель — и как мазурка
Начинается на М.

— Море или мандарины?

Москва, октябрь 1919

□ □ □

Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!
Взойдите. Гора рукописных бумаг...
Так. — Руку! — Держите направо, —
Здесь лужа от крыши дырявой.

Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук,
Какую мне Фландрию вывел паук.
Не слушайте толков досужих,
Что женщина — может без кружев!

Ну-с, перечень наших чердачных чудес:
Здесь нас посещают и ангел, и бес,
И тот, кто обоих превыше.
Недолго ведь с неба — на крышу!

Вам дети мои — два чердачных царька,
С веселою музой моею, — пока
Вам призрачный ужин согрею, —
Покажут мою эмпирею.

— А что с Вами будет, как выйдут дрова?
— Дрова? Но на то у поэта — слова
Всегда — огневые — в запасе!
Нам нынешний год не опасен...

От века поэтовы корки черствы,
И дела нам нету до красной Москвы!
Глядите: от края — до края —
Вот наша Москва — голубая!

А если уж слишком поэта доймет
Московский, чумной, девятнадцатый год, —
Что ж, — мы проживем и без хлеба!
Недолго ведь с крыши — на небо.

Октябрь 1919

Поскорее бы с тобою разделаться,
Юность — молодость, — эка невидаль!
Все: отселева — и доселева
Зачеркнуть бы крест на крест — наотмашь!

И почить бы в глубинах кресельных,
Меж небесных планид бесчисленных,
И учить бы науке висельной
Юных крестниц своих и крестников.

— Как пожар зажечь, — как пирог испечь,
Чтобы в рот — да в гроб, как складнее речь
На суду держать, как отца и мать
. . . . продать.

Подь-ка, подь сюда, мой воробушек!
В том дому жемчуга с горошину.
Будет жемчуг . . . .
А воробушек – на веревочке!

На пути твоем – целых семь планид,
Чтоб высоко встать – надо кровь пролить.
Лей да лей, не жалей учености,
Весельчак ты мой, висельченочек!

— Ну, а ты зачем? – Душно с мужем спать!
— Уложи его, чтоб ему не встать,
Да с ветрами вступив в супружество –
Берегись! – голова закружится!

И плетет – плетет . . . . . . паук
— «От румян-белил встал горбом-сундук,
Вся, как купол, красой покроешься, –
После виселицы – отмоешься!»

Так – из темных обвалов кресельных,
Меж небесных планид бесчисленных
. . . .
Юных висельников и висельниц.

Внук с пирушки шел, видит – свет зажжен,
. . . . в полу круг прожжен.
— Где же бабка? – В краю безвестном!
Прямо в ад провалилась с креслом!

Октябрь 1919

□ □ □

Уходящее лето, раздвинув лазоревый полог
(Которого нету – ибо сплю на рогоже – девятнадцатый год)
Уходящее лето – последнюю розу
– От великой любви – прямо на сердце бросило мне.

На кого же похоже твое уходящее лето?
На поэта?
– Ну нет!
На г . . . . . . д . . . . . . в . . . . . . !

Октябрь 1919

□ □ □

А была я когда-то цветами увенчана
И слагали мне стансы – поэты.
Девятнадцатый год, ты забыл, что я женщина...
Я сама позабыла про это!

Скажут имя мое – и тотчас же, как в зеркале
. . . .
И повис надо мной, как над брошенной церковью,
Тяжкий вздох сожалений бесплодных.

Так, в...... Москве погребенная заживо,
Наблюдаю с усмешкою тонкой,
Как меня – даже ты, что три года охаживал! –
Обходить научился сторонкой.

Октябрь 1919

□ □ □

Сам посуди: так топором рубила,
Что невдомек: дрова трещат — аль ребра?
А главное: тебе не согрубила,
А главное: ⟨сама⟩ осталась доброй.

Работала за мужика, за бабу,
А больше уж нельзя — лопнут виски!
— Нет, руку приложить тебе пора бы:
У человека только две руки!

Октябрь 1919

С. Э.

Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилою водят,
Сердце — имя говорит.

Эх! Прошел бы ты по дому —
Знал бы! Та́к в ночи пою,
Точно по чему другому —
Не по дереву — пилю.

И чудят, чудят пилою
Руки — вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.

Ноябрь 1919

□ □ □

Дорожкою простонародною,
Смиренною, богоугодною,
Идем — свободные, немодные,
Душой и телом — благородные.

Сбылися древние пророчества:
Где вы — Величества? Высочества?

Мать с дочерью идем — две странницы.
Чернь черная навстречу чванится.
Быть может — вздох от нас останется,
А может — Бог на нас оглянется...

Пусть будет — как *Ему* захочется:
Мы не Величества, Высочества.

Так, скромные, богоугодные,
Душой и телом — благородные,
Дорожкою простонародною —
Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества —
Где *мы* — Величества, Высочества.

〈*1919*〉

БАЛЬМОНТУ

Пышно и бесстрастно вянут
Розы нашего румянца.
Лишь камзол теснее стянут:
Голодаем как испанцы.

Ничего не можем даром
Взять — скорее гору сдвинем!

И ко всем гордыням старым —
Голод: новая гордыня.

В вывернутой наизнанку
Мантии Врагов Народа
Утверждаем всей осанкой:
Луковица — и свобода.

Жизни ломовое дышло
Спеси не перешибило
Скакуну. Как бы не вышло:
— Луковица — и могила.

Будет наш ответ у входа
В Рай, под деревцем миндальным:
— Царь! На пиршестве народа
Голодали — как гидальго!

Ноябрь 1919

□ □ □

Высокó мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.

Тонкий крест оконной рамы.
Мир. — На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!

Ноябрь 1919

АЛЕ

1

Когда-нибудь, прелестное созданье,
Я стану для тебя воспоминаньем.

Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным — так далекó-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —

Серебряных перстней, — чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты — маленькой была, я — молодою.

2

О бродяга, родства не помнящий —
Юность! — Помню: метель мела,
Сердце пело. — Из нежной комнаты
Я в метель тебя увела.

. . . .
И твой голос в метельной мгле:
— «Остригите мне, мама, волосы!
Они тянут меня к земле!»

Ноябрь 1919

3

Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!

Жалко мне, когда в печи
Жар, — а ты не видишь!
В дверь — звезда в моей ночи! —
Не взойдешь, не выйдешь!

Платьица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном — сад
Расцветает — тщетно.

Голуби в окно стучат, —
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, —
Бог с ними, с ветрами!

Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным —
Чудодейственным твоим
Голосом: — Марина!

Ноябрь 1919

□ □ □

В темных вагонах
На шатких, страшных
Подножках, смертью перегруженных,
Между рабов вчерашних
Я все думаю о тебе, мой сын, —
Принц с головой обритой!

Были волосы — каждый волос —
В царство ценою . . . .

На волосок от любви народы —
В гневе — одним волоском дитяти
Можно . . . . сковать!
— И на приютской чумной кровати
Принц с головой обритой.

Принц мой приютский!
Можешь ли ты улыбнуться?
Слишком уж много снегу
В этом году!

Много снегу и мало хлеба.

Шатки подножки.

Кунцево, ноябрь 1919

□ □ □

О души бессмертный дар!
Слезный след жемчужный!
Бедный, бедный мой товар,
Никому не нужный!

Сердце нынче не в цене, —
Все другим богаты!
Приговор мой на стене:
— Чересчур легка ты!...

19 декабря 1919

□ □ □

Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить.
А так: руки скрестить — тихонько плыть
Глазами по пустому небосклону.
Ни *за* свободу я — ни против оной
— О, Господи! — не шевельну перстом.
Я не дышать хочу — руки крестом!

Декабрь 1919

□ □ □

Поцеловала в голову,
Не догадалась — в губы!
А все ж — по старой памяти —
Ты хороша, Любовь!

Немножко бы веселого
Вина, — да скинуть шубу, —
О как — по старой памяти —
Ты б загудела, кровь!

Да нет, да нет, — в таком году
Сама любовь — не женщина!
Сама Венера, взяв топор,
Громит в щепы подвал.

В чумном да ледяном аду,
С Зимою перевенчанный,
Амур свои два крылышка
На валенки сменял.

Прелестное создание!
Сплети-ка мне веревочку
Да сядь — по старой памяти —
К девчонке на кровать.

— До дальнего свидания!
— Доколь опять научимся
Получше, чем в головочку
Мальчишек целовать.

Декабрь 1919

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

На скольких руках — мои кольца,
На скольких устах — мои песни,
На скольких очах — мои слезы...
По всем площадям — моя юность!

2

Бабушке — и злая внучка мила!
Горе я свое за ручку взяла:
«Сто ночей подряд не спать — невтерпеж!
Прогуляйся, — может, лучше уснешь!»

3

Так, выбившись из страстной колеи,
Настанет день — скажу: «не до любви!»
Но где же, на календаре веков,
Ты, день, когда скажу: «не до стихов!»

4

Словно теплая слеза —
Капля капнула в глаза.
Там, в небесной вышине,
Кто-то плачет обо мне.

5

Плутая по своим же песням,
Случайно попадаю — в души.
Предупреждаю — не жилица!
Еще не выстроен мой дом.

6

«Завтра будет: после-завтра» —
Так Любовь считает в первый
День, а в день последний: «хоть бы
Нынче было век назад!»

7

Птичка все же рвется в рощу,
Как зерном ни угощаем,
Я взяла тебя из грязи, —
В грязь родную возвращаю.

8

Ты зовешь меня блудницей, —
Прав, — но малость упустил:
Надо мне, чтоб гость был статен,
Во-вторых — чтоб не платил.

9

ПЯТИСТИШИЕ

Решено — играем оба,
И притом: играем разно:
Ты — по чести, я — плутуя.
Но, при всей игре нечистой,
На́смерть заиграюсь — я.

10

Как пойманную птицу — сердце
Несу к тебе, с одной тревогой:
Как бы не отняли мальчишки,
Как бы не выбилась — сама!

11

И если где прольются слезы, —
Всех помирю, войдя!
Я — иволга, мой голос первый
В лесу, после дождя.

12

Всё в ваших домах
Под замком, кроме сердца.
Лишь то мое в доме,
Что плохо лежит.

13

Я не мятежница — и чту устав:
Через меня шагнувший ввысь — мне друг.
Однако, памятуй, что, в руки взяв
Себя, ты выпустил — *меня* из рук.

14

У — в мир приходящих — ручонки зажаты:
Как будто на приступ, как будто в атаку!
У — в землю идущих — ладони раскрыты:
Все наши полки разбиты!

15

Не стыдись, страна Россия!
Ангелы — всегда босые...
Сапоги сам черт унес.
Нынче страшен — кто не бос!

⟨16⟩

Так, в землю проводив меня глазами,
Вот что напишите мне на кресте, — весь сказ!
— «Вставала с песнями, ложилась со слезами,
А умирала — так смеясь!»

⟨17⟩

Плутая по своим же песням,
Случайно попадаю в души.
Но я опасная приблуда:
С собою уношу — весь дом.

⟨18⟩

Ты принес мне горсть рубинов, —
Мне дороже розы уст,
Продаюсь я за мильоны,
За рубли не продаюсь.

⟨19⟩

Ты зовешь меня блудницей, —
Прав, — но все ж не забывать:
Лучше к печке приложиться,
Чем тебя поцеловать.

⟨20⟩

Ты зовешь меня блудницей:
— Слушай, выученик школ!
Надо мне, чтоб гость был вежлив,
Во-вторых — чтоб ты ушел.

⟨21⟩

Твой дом обокраден,
Не я виновата.
Лишь то — мое — в доме,
Что плохо лежит.

⟨22⟩

Шаги за окном стучат.
Не знаю, который час.
Упаси тебя Божья Мать
Шаги по ночам считать!

⟨23⟩

Шаг у моего порога.
Снова ложная тревога.
Но не ложью будет то что
Новый скоро будет шаг.

⟨24⟩

В книге — читай — гостиничной:
— Не обокравши — выбыл.
Жулик — по жизни — нынешней
Гость — и на том спасибо.

1919 — 1920

Между воскресеньем и субботой
Я повисла, птица вербная.
На одно крыло — серебряная,
На другое — золотая.

Меж Забавой и Заботой
Пополам расколота, —
Серебро мое — суббота!
Воскресенье — золото!

Коли грусть пошла по жилушкам,
Не по нраву — корочка, —
Знать, из правого я крылушка
Обронила перышко.

А коль кровь опять проснулася,
Подступила к щеченькам, —
Значит, к миру обернулася
Я бочком золотеньким.

Наслаждайтесь! — Скоро-скоро
Канет в страны дальние —
Ваша птица разноперая —
Вербная — сусальная.

29 декабря 1919

В синем небе — розан пламенный:
Сердце вышито на знамени.
Впереди — без роду-племени
Знаменосец молодой.

В синем поле — цвет садовый:
Вот и дом ему, — другого
Нет у знаменосца дома.
Волоса его как лен.

Знаменосец, знаменосец!
Ты зачем врагу выносишь
В синем поле – красный цвет?

А как грудь ему проткнули –
Тут же в знамя завернули.
Сердце на-сердце пришлось.

Вот и дом ему. – Другого
Нет у знаменосца дома.

29 декабря 1919

□ □ □

Простите Любви – она нищая!
У ней башмаки нечищены, –
И вовсе без башмаков!

Стояла вчерась на паперти,
Молилася Божьей Матери, –
Ей в дар башмачок сняла.

Другой – на углу, у булочной,
Сняла ребятишкам уличным:
Где милый – узнать – прошел.

Босая теперь – как ангелы!
Не знает, что ей сафьянные
В раю башмачки стоят.

30 декабря 1919, Кунцево – Госпиталь

□ □ □

Звезда над люлькой — и звезда над гробом!
А посредине — голубым сугробом —
Большая жизнь. — Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..

4 января 1920, Кунцево — Госпиталь

□ □ □

Дитя разгула и разлуки,
Ко всем протягиваю руки.

Тяну, ресницами плеща,
Всех юношей за край плаща.

Но голос: — Мариула, в путь!
И всех отталкиваю в грудь.

Январь 1920

□ □ □

Править тройкой и гитарой
Это значит: каждой бабой
Править, это значит: старой
Брагой по башкам кружить!
Раскрасавчик! Полукровка!
Кем крещен? В какой купели?
Все цыганские метели
Оттопырили поддевку
Вашу, бравый гитарист!
Эх, боюсь — уложат влежку
Ваши струны да ухабы!
Бог с тобой, ямщик Сережка!
Мы с Россией — тоже бабы!

⟨Начало января 1920⟩

□ □ □

У первой бабки — четыре сына,
Четыре сына — одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки, —
Четыре сына — да две руки!

Как ни навалишь им чашку — чисто!
Чай, не барчата! — Семинаристы!

А у другой — по иному трахту! —
У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот — смеется у камелька:
«Сто богомольцев — одна рука!»

И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками...

═══

Обеим бабкам я вышла — внучка:
Чернорабочий — и белоручка!

Январь 1920

□ □ □

Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям.
Давным-давно — перекричать разлуку —
Я голос сорвала.

Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она — свечой под праздник —
Вот та́к: из длани в длань.

О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,
Что еженощно я во сне свершаю
Путь — с Севера на Юг.

Москва, февраль 1920

□ □ □

Доброй ночи чужестранцу в новой келье!
Пусть привидится ему на новоселье
Старый мир гербов и эполет.
Вольное, высокое веселье
Нас — что были, нас — которых нет!

Камердинер расстилает плед.
Пунш пылает. — В памяти балет
Розовой взметается метелью.

Сколько лепестков в ней — столько лет
Роскоши, разгула и безделья
Вам желаю, чужестранец и сосед!

Начало марта 1920

ПСИХЕЯ

Пунш и полночь. Пунш — и Пушкин,
Пунш — и пенковая трубка
Пышущая. Пунш — и лепет
Бальных башмачков по хриплым
Половицам. И — как призрак —
В полукруге арки — птицей —
Бабочкой ночной — Психея!
Шепот: «Вы еще не спите?
Я — проститься...» Взор потуплен.

(Может быть, прощенья просит
За грядущие проказы
Этой ночи?) Каждый пальчик
Ручек, павших Вам на плечи,
Каждый перл на шейке плавной
По сто раз перецелован.
И на цыпочках — как пери! —
Пируэтом — привиденьем —
Выпорхнула.
Пунш — и полночь.
Вновь впорхнула: «Что за память!
Позабыла опахало!
Опоздаю... В первой паре
Полонеза...»
Плащ накинув
На одно плечо — покорно —
Под руку поэт — Психею
По трепещущим ступенькам
Провожает. Лапки в плед ей
Сам укутал, волчью полость
Сам запахивает... — «С Богом!»

А Психея,
К спутнице припав — слепому
Пугалу в чепце — трепещет:
Не прожег ли ей перчатку
Пылкий поцелуй арапа...

Пунш и полночь. Пунш и пепла
Ниспаденье на персидский
Палевый халат — и платья
Бального пустая пена
В пыльном зеркале...

Начало марта 1920

□ □ □

Малиновый и бирюзовый
Халат — и перстень талисманный
На пальце — и такой туманный
В веках теряющийся взгляд,

Влачащийся за каждым валом
Из розовой хрустальной трубки.
А рядом — распластавши юбки,
Как роза распускает цвет —

Под полами его халата,
Припав к плечам его, как змеи,
Две — с ожерельями на шее —
Над шахматами клонят лоб.

Одна — малиновой полою
Прикрылась, эта — бирюзовой.
Глаза опущены. — Ни слова. —
Ресницами ведется спор.

И только челночков узорных
Носок — порой, как хвост змеиный,
Шевелится из-под павлиньей
Широкой юбки игроков.

А тот — игры упорной ставка —
Дымит себе с улыбкой детской.
И месяц, как кинжал турецкий,
Коварствует в окно дворца.

19 марта 1920

Она подкрадётся неслышно —
Как полночь в дремучем лесу.
Я знаю: в передничке пышном
Я голубя Вам принесу.

Так: встану в дверях – и ни с места!
Свинцовыми гирями – стыд.
Но птице в переднике – тесно,
И птица – сама полетит!

19 марта 1920

СТАРИННОЕ БЛАГОГОВЕНЬЕ

Двух нежных рук оттолкновенье –
В ответ на ангельские плутни.
У нежных ног отдохновенье,
Перебирая струны лютни.

Где звонкий говорок бассейна,
В цветочной чаше откровенье,
Где перед робостью весенней
Старинное благоговенье?

Окно, светящееся долго,
И гаснущий фонарь дорожный...
Вздох торжествующего долга
Где непреложное: «не можно»...

В последний раз – из мглы осенней –
Любезной ручки мановенье...
Где перед крепостью кисейной
Старинное благоговенье?

Он пишет кратко – и не часто...
Она, Психеи бестелесней,
Читает стих Экклезиаста
И *не* читает Песни Песней.

А песнь все та же, без сомненья,
Но, – в Боге все мое именье –
Где перед Библией семейной
Старинное благоговенье?

Между 19 марта и 2 апреля 1920

□ □ □

Та ж молодость, и те же дыры,
И те же ночи у костра...
Моя божественная лира
С твоей гитарою — сестра.

Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
— Грабительница душ! — Сей титул
И мне опущен в колыбель!

В тоске заламывая руки,
Знай: не одна в тумане дней
Цыганским варевом разлуки
Дурманишь молодых князей.

Знай: не одна на ножик вострый
Глядишь с томлением в крови, —
Знай, что еще одна... — Что сестры
В великой низости любви.

⟨Март 1920⟩

□ □ □

Люблю ли вас?
Задумалась.
Глаза большие сделались.

В лесах — река,
В кудрях — рука
— Упрямая — запуталась.

Любовь. — Старо.
Грызу перо.
Темно, — а свечку лень зажечь.

Быть — повести!
На то ведь и
Поэтом — в мир рождаешься!

На час дала,
Назад взяла.
(Уже перо летит в потемках!)

Так. Справимся.
Знак равенства
Между любовь — и Бог с тобой.

Что страсть? — Старо.
Вот страсть! — Перо!
— Вдруг — розовая роща — в дом!

Есть запахи —
Как заповедь...
Лоб уронила нá руки.

Вербное воскресенье
22 марта 1920

□ □ □

От семи и до семи
Мы справляли новоселье.
Высоко было веселье —
От семи и до семи!

Между юными людьми
— С глазу на глаз — в темной келье
Что бывает? (— Не томи!
Лучше душу отними!)

Нет! — Подобного бесчинства
Не творили мы (не поздно —
Сотворить!) — В сердцах — единство,
Ну а руки были розно!

Двух голов над колыбелью
Избежал — убереглась! —
Только хлебом — не постелью
В полночь дружную делясь.

Еженощная повинность,
Бог с тобою, рай условный!
Нет — да здравствует невинность
Ночи — все равно любовной!

В той же келье новоселье —
От семи и до семи
Без «......» и «обними», —
Благоправное веселье
От семи и до семи!

Март 1920

□ □ □

«Я страшно нищ, Вы так бедны,
Так одинок и так один.
Так оба проданы за грош.
Так хороши — и так хорош...

Но нету у меня жезла...»
— Запиской печку разожгла...

Вербное воскресенье 1920

На царевича похож он.
— Чем? — Да чересчур хорош он:
На простого не похож.

Семилетняя сболтнула,
А большая — вслед вздохнула...
Дуры обе. — Да и где ж

Ждать ума от светлоглазых?
Обе начитались сказок, —
Ночь от дня не отличат.

А царевичу в поддевке
Вот совет наш: по головке
Семилетнюю погладь.

Раз за дочку, раз за мать.
. . . .
Впрочем, можно и однажды.

Март 1920

□ □ □

Буду жалеть, умирая, цыганские песни,
Буду жалеть, умирая .... перстни,
Дым папиросный — бессонницу — легкую стаю
Строк под рукой.

Бедных писаний своих Вавилонскую башню,
Писем — своих и чужих — огнедышащий холмик.
Дым папиросный — бессонницу — легкую смуту
Лбов под рукой.

3-й день Пасхи 1920

БАЛЛАДА О ПРОХОДИМКЕ

Когда малюткою была
— Шальной девчонкой полуголой —
Не липла — Господу хвала! —
Я к материнскому подолу.

Нет, — через пни и частоколы —
Сады ломать! — Коней ковать! —
А по ночам — в чужие села:
— «Пустите переночевать!»

Расту — прямая как стрела.
Однажды — день клонился долу —
Под дубом — черный, как смола —
Бродячий музыкант с виолой.

Спят ......, спят цветы и пчелы...
Ну словом — как сие назвать?
Я женский стыд переборола:
— «Пустите переночевать!»

Мои бессонные дела!
Кто не спрягал со мной глаголу:
......? Кого-то не звала
В опустошительную школу?

Ах, чуть закутаешься в полы
Плаща — прощайте, рвань и знать! —
Как по лбу — молотом тяжелым:
— «Пустите переночевать!»

Посылка:

Вы, Ангелы вокруг Престола,
И ты, младенческая Мать!
Я так устала быть веселой, —
Пустите переночевать!

2 апреля 1920

ПАМЯТИ Г. ГЕЙНЕ

Хочешь не хочешь — дам тебе знак!
Спор наш не кончен — а только начат!
В нынешней жизни — выпало так:
Мальчик поет, а девчонка плачет.

В будущей жизни — любо глядеть! —
Ты будешь плакать, *я* буду — петь!

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

Красною юбкой — в небо пылю!
Честь молодую — ковром подстелешь.
Как с мотыльками тебя делю —
Так с моряками меня поделишь!

Красная юбка? — Как бы не так!
Огненный парус! — Красный маяк!

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

Слушай приметы: бела как мел,
И не смеюсь, а губами движу.
А чтобы — как увидал — сгорел! —
Не позабудь, что приду я — рыжей.

Рыжей, как этот кленовый лист,
Рыжей, как тот, что в лесах повис.

Бубен в руке!
Дьявол в крови!
Красная юбка
В черных сердцах!

〈*Начало апреля 1920*〉

□ □ □

А следующий раз — глухонемая
Приду на свет, где всем свой стих дарю,
свой слух дарю.

Ведь все равно — что говорят — не понимаю.
Ведь все равно — кто разберет? — что говорю.

Бог упаси меня — опять Коринной
В сей край придти, где люди тверже льдов,
а льдины — скал.

Глухонемою — и с такою длинной —
— Вот — до полу — косой, чтоб не узнал!

7 апреля 1920

□ □ □

Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были — по одной на каждую —
Две головки мне дарованы.

Но обеими — зажатыми —
Яростными — как могла! —
Старшую у тьмы выхватывая —
Младшей не уберегла.

Две руки — ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки — и вот одна из них
За́ ночь оказалась лишняя.

Светлая — на шейке тоненькой —
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле.

Пасхальная неделя 1920

СЫН

Так, левою рукой упершись в талью,
И ногу выставив вперед,
Стоишь. Глаза блистают сталью,
Не улыбается твой рот.

Краснее губы и чернее брови
Встречаются, но эта масть!
Светлее солнца! Час не пробил
Руну — под ножницами пасть.

Все женщины тебе целуют руки
И забывают сыновей.
Весь — как струна! Славянской скуки
Ни тени — в красоте твоей.

Остолбеневши от такого света,
Я знаю: мой последний час!
И как не умереть поэту,
Когда поэма удалась!

Так, выступив из черноты бессонной
Кремлевских башенных вершин,
Предстал мне в предрассветном сонме
Тот, кто еще придет — *мой сын.*

Пасхальная неделя 1920

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

1

Ты пишешь перстом на песке,
А я подошла и читаю.
Уже седина на виске.
Моя голова — золотая.

Как будто в песчаный сугроб
Глаза мне зарыли живые.
Так дети сияющий лоб
Над Библией клонят впервые.

Уж лучше мне камень толочь!
Нет, горлинкой к воронам в стаю!
Над каждой песчинкою — ночь.
А я все стою и читаю.

2

Ты пишешь перстом на песке,
А я твоя горлинка, Равви!
Я первенец твой на листке
Твоих поминаний и здравий.

Звеню побрякушками бус,
Чтоб ты оглянулся — не слышишь!
О Равви, о Равви, боюсь —
Читаю не то, что ты пишешь!

А сумрак крадется, как тать,
Как черная рать роковая.
Ты знаешь — чтоб лучше читать —
О Равви — глаза закрываю...

Ты пишешь перстом на песке...

Москва, Пасха 1920

3

Не любовницей — любимицей
Я пришла на землю нежную.
От рыданий не подымется
Грудь мальчишая моя.

Оттого-то так и нежно мне —
Не вздыхаючи, не млеючи —
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

Если я к руке опущенной
Ртом прильну — не вздумай хмуриться!
Любованье — хлеб насущный мой:
Я молитву говорю.

Всех кудрей златых — дороже мне
Нежный иней индевеющий
Над малиновой скамеечкой
У подножья твоего.

Головой в колени добрые
Утыкаючись — все думаю:
Все ли — до последней — собраны
Розы для тебя в саду?

Но в одном клянусь: обобраны
Все — до одного! — царевичи —
На малиновой скамеечке
У подножья твоего.

А покамест песни пела я,
Ты уснул — и вот блаженствую:
Самое святое дело мне —
Сонные глаза стеречь!

— Если б знал ты, как божественно
Мне дышать — дохнуть не смеючи —
На малиновой скамеечке
У подножья твоего!

1-е Воскресенье после Пасхи 1920

⟨Н. Н. В.⟩

«Не позволяй страстям своим
переступать порог воли твоей.
— Но Аллах мудрее...»

(Тысяча и одна ночь)

1

Большими тихими дорогами,
Большими тихими шагами...
Душа, как камень, в воду брошенный —
Всё расширяющимися кругами...

Та глубока — вода, и та темна — вода...
Душа на все века — схоронена́ в груди.
И так достать ее оттуда надо мне,
И так сказать я ей хочу: в мою иди!

27 апреля 1920

2

Целому морю — нужно все небо,
Целому сердцу — нужен весь Бог.

27 апреля 1920

3

«то — вопреки всему — Англия...»

Пахну́ло Англией — и морем —
И доблестью. — Суров и статен.
— Так, связываясь с новым горем,
Смеюсь, как юнга на канате

Смеется в час великой бури,
Наедине с господним гневом,

В блаженной, обезьяньей дури
Пляша над пенящимся зевом.

Упорны эти руки, — прочен
Канат, — привык к морской метели!
И сердце доблестно, — а впрочем,
Не всем же умирать в постели!

И вот, весь холод тьмы беззвездной
Вдохнув — на самой мачте — с краю —
Над разверзающейся бездной
— Смеясь! — ресницы опускаю...

27 апреля 1920

4

Времени у нас часок.
Дальше — вечность друг без друга!
А в песочнице — песок —
Утечет!

Что меня к тебе влечет —
Вовсе не твоя заслуга!
Просто страх, что роза щек —
Отцветет.

Ты на солнечных часах
Монастырских — вызнал время?
На небесных на весах —
Взвесил — час?

Для созвездий и для нас —
Тот же час — один — над всеми.
Не хочу, чтобы зачах —
Этот час!

Только маленький часок
Я у Вечности украла.

Только час — на . . . .
Всю любовь.

Мой весь грех, моя — вся кара.
И обоих нас — укроет —
Песок.

5

«я в темноте ничего не чувствую:
что рука — что доска...»

Да, друг невиданный, неслыханный
С тобой. — Фонарик потуши!
Я знаю все ходы и выходы
В тюремной крепости души.

Вся стража — розами увенчана:
Слепая, шалая толпа!
— Всех ослепила — ибо женщина,
Всё вижу — ибо я слепа.

Закрой глаза и не оспаривай
Руки в руке. — Упал засов. —
Нет — то не туча и не зарево!
То конь мой, ждущий седоков!

Мужайся: я твой щит и мужество!
Я — страсть твоя, как в оны дни!
А если голова закружится,
На небо звездное взгляни!

6

— «А впрочем, Вы ведь никогда
не ходите мимо моего дому...»

Мой путь не лежит мимо дому — твоего.
Мой путь не лежит мимо дому — ничьего.

А всё же с пути сбиваюсь,
(Особо весной!)
А всё же по людям маюсь,
Как пес под луной.

Желанная всюду гостья!
Всем спать не даю!
Я с дедом играю в кости,
А с внуком — пою.

Ко мне не ревнуют жены:
Я — голос и взгляд.
И мне не один влюбленный
Не вывел палат.

Смешно от щедрот незваных
Мне ваших, купцы!
Сама воздвигаю за́ ночь —
Мосты и дворцы.

(А что говорю, не слушай!
Всё мелет — бабьё!)
Сама поутру разрушу
Творенье свое.

Хоромы — как сноп соломы — ничего!
Мой путь не лежит мимо дому — твоего.

27 апреля 1920

7

Глаза участливой соседки
И ровные шаги старушьи.
В руках, свисающих как ветки —
Божественное равнодушье.

А юноша греметь с трибуны
Устал. — Все молнии иссякли. —

Лишь изредка на лоб мой юный
Слова — тяжелые, как капли.

Луна как рубище льняное
Вдоль членов, кажущихся дымом.
— Как хорошо мне под луною —
С нелюбящим и нелюбимым.

29 апреля 1920

8

«День — для работы, вечер — для беседы,
а ночью нужно спать.»

Нет, легче жизнь отдать, чем час
Сего блаженного тумана!
Ты мне велишь — единственный приказ! —
И засыпать и просыпаться — рано.

Пожалуй, что и снов нельзя
Мне видеть, как глаза закрою.
Не проще ли тогда — глаза
Закрыть мне собственной рукою?

Но я боюсь, что все ж не будут спать
Глаза в гробу — мертвецким сном законным.
Оставь меня. И отпусти опять:
Совенка — в ночь, бессонную — к бессонным.

14 мая 1920

9

В мешок и в воду — подвиг доблестный!
Любить немножко — грех большой.
Ты, ласковый с малейшим волосом,
Неласковый с моей душой.

Червонным куполом прельщаются
И вóроны, и голубки.
Кудрям — все прихоти прощаются,
Как гиацинту — завитки.

Грех над церковкой златоглавою
Кружить — и не молиться в ней.
Под этой шапкою кудрявою
Не хочешь ты души моей!

Вникая в прядки золотистые,
Не слышишь жалобы смешной:
О, если б ты — вот так же истово
Клонился над моей душой!

14 мая 1920

10

На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.
Ты — каменный, а я пою,
Ты — памятник, а я летаю.

Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности — ничтожен.
Но птица я — и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.

16 мая 1920

11

Когда отталкивают в грудь,
Ты на ноги надейся — встанут!
Стучись опять к кому-нибудь,
Чтоб снова вечер был обманут.

.... с канатной вышины
Швыряй им жемчуга и розы.
....., друзьям твоим нужны —
Стихи, а не простые слезы.

16 мая 1920

12

Сказавший всем страстям: прости —
Прости и ты.
Обиды наглоталась всласть.
Как хлещущий библейский стих,
Читаю я в глазах твоих:
«Дурная страсть!»

В руках, тебе несущих есть,
Читаешь — лесть.
И смех мой — ревность всех сердец! —
Как прокаженных бубенец —
Гремит тебе.

И по тому, как в руки вдруг
Кирку берешь — чтоб рук
Не взять (не те же ли цветы?),
Так ясно мне — до тьмы в очах! —
Что не было в твоих стадах
Черней — овцы.

Есть остров — благостью Отца, —
Где мне не надо бубенца,
Где черный пух —
Вдоль каждой изгороди. — Да. —
Есть в мире — черные стада.
Другой пастух.

17 мая 1920

13

Да, вздохов обо мне — край непочатый!
А может быть — мне легче быть проклятой!
А может быть — цыганские заплаты —
Смиренные — мои

Не меньше, чем несмешанное злато,
Чем белизной пылающие латы
Пред ликом судии.

Долг плясуна — не дрогнуть вдоль каната,
Долг плясуна — забыть, что знал когда-то —
Иное вещество,

Чем воздух — под ногой своей крылатой!
Оставь его. Он — как и ты — глашатай
Господа своего.

17 мая 1920

14

Суда поспешно не чини:
Непрочен суд земной!
И голубиной — не черни
Галчонка — белизной.

А впрочем — что ж, коли не лень!
Но всех перелюбя,
Быть может, я в тот черный день
Очнусь — белей тебя!

17 мая 1920

15

«Я не хочу — не могу — и не умею Вас обидеть...»

Так и́з дому, гонимая тоской,
— Тобой! — всей женской памятью, всей жаждой,
Всей страстью — позабыть! — Как вал морской,
Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан.

О вспененный высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской!

Над дремлющей борзой склонюсь — и вдруг —
Твои глаза! — Все руки по иконам —
Твои! — О, если бы ты был без глаз, без рук,
Чтоб мне не помнить их, не помнить их, не помнить!

И, приступом, как резвая волна,
Беру головоломные дома.

Всех перецеловала чередом.
Вишу в окне. — Москва в кругу просторном.
Ведь любит вся Москва меня! — А вот твой дом...
Смеюсь, смеюсь, смеюсь с зажатым горлом.

И пятилетний, прожевав пшено:
— «Без Вас нам скучно, а с тобой смешно»...

Так, оплетенная венком детей,
Сквозь сон — слова: «Боюсь, под корень рубит —
Поляк... Ну что? — Ну как? — Нет новостей?»
— «Нет, — впрочем, есть: что он меня не любит!»

И, репликою мужа изумив,
Иду к жене — внимать, как друг ревнив.

Стихи — цветы — (И кто их не дает
Мне за стихи?) В руках — целая вьюга!
Тень на домах ползет. — Вперед! Вперед!
Чтоб по людскому цирковому кругу

Дурную память загонять в конец, —
Чтоб только не очнуться, наконец!

Так от тебя, как от самой Чумы,
Вдоль всей Москвы — . . . . длинноногой
Кружить, кружить, кружить до самой тьмы —
Чтоб, наконец, у своего порога

Остановиться, дух переводя...
— И в дом войти, чтоб вновь найти — тебя!

17 — 19 мая 1920

16

Восхи́щенной и восхищённой,
Сны видящей средь бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.

И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться — лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.

17—19 мая 1920

17

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке — лишь горстка пепла!

И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

18

Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю.

Что ни одна до самых недр — мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.
Ты не поймешь, — малы мои слова! —
Как мало мне позорного столба!

Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы *ты* предстал перед глазами —
С другим в руке — окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
И эту честь последнюю поправ,
Прениже ног твоих, прениже трав.

Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена — березкой на лугу

Сей столб встает мне, и не рокот толп —
То голуби воркуют утром рано...
И всё уже отдав, сей черный столб
Я не отдам — за красный нимб Руана!

19

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня, целую.

В грудь оттолкнувшую — к груди тяну,
Чтоб, удивясь, прослушал — тишину.

И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:
— Мое дитя становится послушным!

Не первый день, а многие века
Уже тяну тебя к груди, рука

Монашеская — хладная до жара! —
Рука — о Элоиза! — Абеляра.

В гром кафедральный — дабы насмерть бить! —
Ты, белой молнией взлетевший бич!

19 мая 1920, Канун Вознесения

20

Сей рукой, о коей мореходы
Протрубили на́ сто солнц окрест,
Сей рукой, в ночах ковавшей — оды,
Как неграмотная ставлю — крест.

Если ж мало, — наперед согласна!
Обе их на плаху, чтоб в ночи
Хлынувшим — веселым валом красным
Затопить чернильные ручьи!

20 мая 1920

21

И не спасут ни стансы, ни созвездья.
А это называется — возмездье
За то, что каждый раз,

Стан разгибая над строкой упорной,
Искала я над лбом своим просторным
Звезд только, а не глаз.

Что самодержцем Вас признав на веру,
— Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос,
Без Вас мне не был пуст!

Что по ночам, в торжественных туманах,
Искала я у нежных уст румяных —
Рифм только, а не уст.

Возмездие за то, что злейшим судьям
Была — как снег, что здесь, под левой грудью —
Вечный апофеоз!

Что с глазу нá глаз с молодым Востоком
Искала я на лбу своем высоком
Зорь только, а не роз!

20 мая 1920

22

Не так уж подло и не так уж просто,
Как хочется тебе, чтоб крепче спать.
Теперь иди. С высокого помоста
Кивну тебе опять.

И, удивленно подымая брови,
Увидишь ты, что зря меня чернил:
Что я писала — чернотою крови,
Не пурпуром чернил.

23

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты...
— В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволье.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!

23 мая 1920

24

Возьмите всё, мне ничего не надо.
И вывезите в ....
Как за решетку розового сада
Когда-то Бог — своей рукою — ту.

Возьмите все, чего не покупала:
Вот ...., и......, и тетрадь.
Я все равно — с такой горы упала,
Что никогда мне жизни не собрать!

Да, в этот час мне жаль, что так бесславно
Я прожила, в таком глубоком сне, —
Щенком слепым! — Столкнув меня в канаву,
Благое дело сотворите мне.

И вместо той — как ....
Как рокот площадных вселенских волн —
Вам маленькая слава будет — эта:
Что из-за Вас ...... — новый холм.

23 мая 1920

25

СМЕРТЬ ТАНЦОВЩИЦЫ

Вижу комнату парадную,
Белизну и блеск шелков.
Через всё — тропу громадную —
— Черную — к тебе, альков.

В головах — доспехи бранные
Вижу: веер и канат.
— И глаза твои стеклянные,
Отражавшие закат.

24 мая 1920

26

Я не танцую, — без моей вины
Пошло волнами розовое платье.
Но вот обеими руками вдруг
Перехитрён, накрыт и пойман — ветер.

Молчит, хитрец. — Лишь там, внизу колен,
Чуть-чуть в краях подрагивает. — Пойман!
О, если б Прихоть я сдержать могла,
Как разволнованное ветром платье!

24 мая 1920

27

Глазами ведьмы зачарованной
Гляжу на Божие дитя запретное.
С тех пор как мне душа дарована,
Я стала тихая и безответная.

Забыла, как речною чайкою
Всю ночь стонала под людскими окнами.
Я в белом чепчике теперь — хозяйкою
Хожу степенною, голубоокою.

И даже кольца стали тусклые,
Рука на солнце — как мертвец спеленутый.
Так солон хлеб мой, что нейдет, во рту стоит, —
А в солонице соль лежит нетронута...

25 мая 1920

□ □ □

О, скромный мой кров! Нищий дым!
Ничто не сравнится с родным!

С окошком, где вместе горюем,
С вечерним, простым поцелуем
Куда-то в щеку, мимо губ...

День кончен, заложен засов.
О, ночь без любви и без снов!

— Ночь всех натрудившихся жниц, —
Чтоб завтра до света, до птиц

В упорстве души и костей
Работать во имя детей.

О, знать, что и в пору снегов
Не будет мой холм без цветов...

14 мая 1920

□ □ □

С. Э.

Сижу без света, и без хлеба,
И без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.

Сижу, — с утра ни корки черствой —
Мечту такую полюбя,
Что — может — всем своим покорством
— Мой Воин! — выкуплю тебя.

16 мая 1920

□ □ □

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по́ льду и кольцом на стеклах, —

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим! — любим! —
Расписывалась — радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В века́х со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала — имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

□ □ □

Тень достигла половины дома,
Где никто не знает про меня.
Не сравню с любовною истомой
Благородство трудового дня.

Этою короной коронован
Будет Царь... — Пот на державном лбу! —
Мне ж от Бога будет сон дарован
В безымянном, но честно́м гробу.

21 мая 1920

□ □ □

Все братья в жалости моей!
Мне жалко нищих и царей,
Мне жалко сына и отца...

За будущую тень лица,
За тень грядущего венца,
За тень сквозного деревца...

— Впалость плечей...

21 мая 1920

□ □ □

Кричали женщины ура
И в воздух чепчики бросали...

Руку нá сердце положа:
Я не знатная госпожа!
Я — мятежница лбом и чревом.

Каждый встречный, вся площадь, — все! —
Подтвердят, что в дурном родстве
Я с своим родословным древом.

Кремль! Черна чернотой твоей!
Но не скрою, что всех мощней
Преценнее мне — пепел Гришки!

Если ж чепчик кидаю вверх, —
Ах! не так же ль кричат на всех
Мировых площадях — мальчишки?!

Да, ура! — За царя! — Ура!
Восхитительные утра
Всех, с начала вселенной, въездов!

Выше башен летит чепец!
Но — минуя литой венец
На челе истукана — к звездам!

21 мая 1920

Одна половинка окна растворилась.
Одна половинка души показалась.
Давай-ка откроем — и ту половинку,
И ту половинку окна!

25 мая 1920

ПЕСЕНКИ ИЗ ПЬЕСЫ «УЧЕНИК»

1

В час прибоя
Голубое
Море станет серым.

В час любови
Молодое
Сердце станет верным.

Бог, храни в часы прибоя —
Лодку, бедный дом мой!
Охрани от злой любови
Сердце, где я дома!

2

Сказать: верна,
Прибавить: очень,
А завтра: ты мне не танцор, —
Нет, чем таким цвести цветочком, —
Уж лучше шею под топор!

Пускай лесник в рубахе красной
Отделит купол от ствола —
Чтоб мать не мучилась напрасно,
Что не одна в ту ночь спала.

Не снился мне сей дивный ужас:
Венчаться перед королем!
Мне женихом — топор послужит,
Помост мне будет — алтарем!

3

Я пришел к тебе за хлебом
За святым насущным.
Точно в самое я небо —
Не под кровлю впущен!

Только Бог на звездном троне
Так накормит вдоволь!
Бог, храни в своей ладони
Пастыря благого!

Не забуду я хлеб-соли,
Как поставлю парус!
Есть на свете три неволи:
Голод — страсть — и старость...

От одной меня избавил,
До другой — далёко!
Ничего я не оставил
У голубоокой!

Мы, певцы, что мореходы:
Покидаем вскоре!
Есть на свете три свободы:
Песня — хлеб — и море...

4

Там, на тугом канате,
Между картонных скал,
Ты ль это как лунатик
Приступом небо брал?

Новых земель вельможа,
Сын неземных широт —
Точно содрали кожу —
Так улыбался рот.

Грохнули барабаны.
Ринулась голь и знать
Эту живую рану
Бешеным ртом зажать.

Помню сухой и жуткий
Смех — из последних жил!
Только тогда — как будто —
Юбочку ты носил...

5

(МОРЯКИ И ПЕВЕЦ)

Среди диких моряков — простых рыбаков
Для шутов и для певцов
Стол всегда готов.

Само море нам — хлеб,
Само море нам — соль,
Само море нам — стакан,
Само море нам — вино.

Мореходы и певцы — одной материи птенцы,
Никому — не сыны,
Никому — не отцы.

Мы — веселая артель!
Само море — нам купель!
Само море нам — качель!
Само море — карусель!

А девчонка у нас — заведется в добрый час,
Лишь одна у нас опаска:
Чтоб по швам не разошлась!

Бела пена — нам полог,
Бела пена — нам перинка,
Бела пена — нам подушка,
Бела пена — пуховик.

6

(ПЕВЕЦ – ДЕВУШКАМ)

Вам, веселые девицы,
— Не упомнил всех имен —
Вам, веселые девицы,
От певца — земной поклон.

Блудного — примите — сына
В круг отверженных овец:
Перед Господом едино:
Что блудница — что певец.

Все мы за крещенский крендель
Отдали людской почет:
Ибо: кто себя за деньги,
Кто за душу — продает.

В пышущую печь Геенны,
Дьявол, не жалей дровец!
И взойдет в нее смиренно
За блудницею — певец.

Что ж что честь с нас пооблезла,
Что ж что совесть в нас смугла, —
Разом побелят железом,
Раскаленным добела!

Не в харчевне — в зале тронном
Мы — и нынче Бог-Отец —
Я, коленопреклоненный
Пред блудницею — певец!

7

— Хоровод, хоровод,
Чего ножки бьешь?
— Мореход, мореход,
Чего вдаль плывешь?

Пляшу, — пол горячий!
Боюсь, обожгусь!
— Отчего я не плачу?
Оттого что смеюсь!

Наш моряк, моряк —
Морячок морской!
А тоска — червяк,
Червячок простой.

Поплыл за удачей,
Привез — нитку бус.
— Отчего я не плачу?
Оттого что смеюсь!

Глубоки́ моря!
Ворочайся вспять!
Зачем рыбам — зря
Красоту швырять?

Бог дал, — я растрачу!
Крест медный — весь груз.
— Отчего я не плачу?
Оттого что смеюсь!

Между 25 мая и 13 июля 1920

〈8〉

И что тому костер остылый,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко — весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты всё ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом —
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, *наши* девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пущусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, —
Одна не ведаю о том, —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Такое уж мое именье:
Весь век дарю — не издарю!
Зато прибрежные каменья
Дробя, — свою же грудь дроблю!

Подобно пленной королеве,
Что молвлю на суду простом —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

13 июня 1920

〈9〉

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, чтó тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, чтó тебе я сделала?»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, чтó тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил в самóм огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что *ты*, милый, сделал мне!
Мой милый, чтó тебе — *я* сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само — что́ дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За всё, за всё меня прости,
Мой милый, — что тебе я сделала!

14 июня 1920

ЕВРЕЯМ

Так бессеребренно — так бескорыстно,
Как отрок — нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков. — Аминь. —

Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской — стираю письмена.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!

Кремль почерневший! Попран! — Предан! — Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь — со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.

И мне — в братоубийственном угаре —
Крест православный — Бога затемнял!
Но есть один — напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!

Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, —
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!

Май 1920

□ □ □

Где слезиночки роняла,
Завтра розы будут цвесть.
Я кружавчики сплетала,
Завтра сети буду плесть.

Вместо моря мне — все небо,
Вместо моря — вся земля.
Не простой рыбацкий невод —
Песенная сеть моя!

15 июня 1920

ЗЕМНОЕ ИМЯ

Стакан воды во время жажды жгучей:
— Дай — или я умру! —
Настойчиво — расслабленно — певуче —
Как жалоба в жару —

Все повторяю я — и все жесточе
Снова — опять —
Как в темноте, когда так страшно хочешь
Спать — и не можешь спать.

Как будто мало по лугам снотворной
Травы от всяческих тревог!
Настойчиво — бессмысленно — повторно —
Как детства первый слог...

Так с каждым мигом все неповторимей
К горлу — ремнем...
И если здесь — всего — земное имя, —
Дело не в нем.

Между 16 и 25 июня 1920

□ □ □

Заря пылала, догорая,
Солдатики шагали в ряд.
Мне мать сказала, умирая:
— Надень мальчишеский наряд.

Вся наша белая дорога
У них, мальчоночков, в горсти.
Девчонке самой легконогой
Всё ж дальше сердца не уйти!

Мать думала, солдаты пели.
И всё, пока не умерла,
Подрагивал конец постели:
Она танцо́вщицей была!

...И если сердце, разрываясь,
Без лекаря снимает швы, —
Знай, что от сердца — голова есть,
И есть топор — от головы...

Июнь 1920

□ □ □

Руки заживо скрещены,
А помру без причастья.
Вдоль души моей — трещина.
Мое дело — пропащее.

А узнать тебе хочется
А за что я наказана —
Взглянь в окно: в небе до́чиста
Мое дело рассказано.

Июнь 1920

□ □ □

Был Вечный Жид за то наказан,
Что Бога прогневил отказом.
Судя по нашей общей каре —
Творцу кто отказал — и тварям
Кто не отказывал — равны.

Июнь 1920

□ □ □

Дом, в который не стучатся:
Нищим нечего беречь.
Дом, в котором — не смущаться:
Можно сесть, а можно лечь.

Не судить — одно условье,
. . . .
Окна выбиты любовью,
Крышу ветром сорвало.

Всякому — ...... ты сам Каин —
Всем стаканы налиты!
Ты такой как я — хозяин,
Так же гостья, как и ты.

Мне добро досталось даром, —
Так и спрячь свои рубли!
Окна выбиты пожаром,
Дверь Зима сняла с петли!

Чай не сладкий, хлеб не белый —
Личиком бела зато!
Тем делюсь, что уцелело,
Всем делюсь, что не взято.

Трудные мои завязки —
Есть служанка — подсобит!
А плясать — пляши с опаской,
Пол поклонами пробит!

Хочешь в пляс, а хочешь в лёжку, —
Спору не встречал никто.
Тесные твои сапожки?
Две руки мои на что?

А насытила любовью, —
В очи плюнь, — на то рукав!
Не судить: одно условье.
Не платить: один устав.

28 июня 1920

□ □ □

Уравнены: как да и нет,
Как черный цвет — и белый цвет.
Как в творческий громовый час:
С громадою Кремля — Кавказ.

Не путал здесь — земной аршин.
Все равные — дети вершин.

Равняться в низости своей —
Забота черни и червей.
В час благодатный громовой
Все горы — братья меж собой!

Так, всем законам вопреки,
Сцепились наши две руки.

═══

И оттого что оком — желт,
Ты мне орел — цыган — и волк.

Цыган в мешке меня унес,
Орел на вышний на утес
Восхи́тил от страды мучной.

— А волк у ног лежит ручной.

〈Июнь—июль 1920〉

EX-CI-DEVANT[1]
(Отзвук Стаховича)

Хоть сто мозолей—трех веков не скроешь!
Рук не исправишь—топором рубя!
О, откровеннейшее из сокровищ:
Порода!—узнаю Тебя.

Как ни коптись над ржавой сковородкой—
Всё вкруг тебя твоих Версалей—тишь.
Нет, самою косой косовороткой
Ты шеи не укоротишь.

Над снежным валом иль над трубной сажей
Дугой согбен, всё ж—гордая спина!
Не окриком,—всё той же барской блажью
Тебе работа задана.

Выменивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирос—
Всё равенство нарушит—нос горбатый:
Ты—горбонос, а он—курнос.

Но если вдруг, утомлено получкой,
Тебе дитя цветок протянет—в дань,
Ты так же поцелуешь эту ручку,
Как некогда—Царицы длань.

Июль 1920

[1] Здесь: бывшему из бывших *(фр.)*.

□ □ □

И если руку я даю —
То погадать — не целовать.

Скажи мне, встречный человек,
По синим по дорогам рек

К какому морю я приду?
В каком стакане потону?.

— Чтоб навзничь бросил наповал —
Такой еще не вырос — вал.

Стакан твой каждый — будет пуст.
Сама ты — океан для уст.

Ты за стаканом бей стакан,
Топи нас, море-окиян!

А если руку я беру —
То не гадать — поцеловать.

Сама запуталась, паук,
В изделии своих же рук.

— Сама не разгибаю лба, —
Какая я тебе судьба?

〈Июль 1920〉

— Сколько у тебя дружочков?
Целый двор, пожалуй?
— После кройки лоскуточков,
Прости, не считала.

— Скольких перепричащала?
Поди, целый рынок?
— А на шали бахроминок,
Прости, не считала.

— А сердца покласть в рядочек —
Дойдешь до Китая?
— Нынче тиф косит, дружочек!
Помру — сосчитаю.

Две руки — и пять на каждой —
Пальчиков проворных.
И на каждом — перстенечек.
(На котором — по́ два.)

К двум рукам — все пальцы — к ним же
Перстеньки прибавить —
Не начтешь и пятой доли
⟨Всех⟩, кого любила!

⟨Июнь — июль 1920⟩

Ветер, ветер, выметающий,
Заметающий следы!
Красной птицей залетающий
В белокаменные лбы.

Длинноногим псом ныряющий
Вдоль равнины овсяной.
— Ветер, голову теряющий
От юбчонки кружевной!

Пурпуровое поветрие,
Первый вестник мятежу, —
Ветер — висельник и ветреник, —
В кулачке тебя держу!

Полно баловать над кручами,
Головы сбивать снегам, —

Ты — моей косынкой скрученный
По рукам и по ногам!

За твои дела острожные, —
Расквитаемся с тобой, —
Ветер, ветер в куртке кожаной,
С красной — да во лбу — звездой!

⟨Июль 1920⟩

□ □ □

Не хочу ни любви, ни почестей:
— Опьянительны. — Не падка!
Даже яблочка мне не хочется
— Соблазнительного — с лотка...

Что-то цепью за мной волочится,
Скоро громом начнет греметь.

— Как мне хочется,
Как мне хочется —
Потихонечку умереть!

⟨Июль 1920⟩

□ □ □

Смерть — это нет,
Смерть — это нет,
Смерть — это нет.
Нет — матерям,
Нет — пекарям.
(Выпек — не съешь!)

Смерть — это так:
Недостроенный дом,
Недовзращенный сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутый крик.

Я — это да,
Да — навсегда,
Да — вопреки,
Да — через всё!
Даже тебе
Да кричу, Нет!

Стало быть — нет,
Стало быть — вздор,
Календарная ложь!

〈Июль 1920〉

□ □ □

Ты разбойнику и вору
Бросил славную корону,
Предку твоему дарованную
За военные труды.

Предок твой был горд и громок, —
Правнук — ты дурной потомок.

Ты разбойнику и вору
Отдал сына дорогого,
Княжью кровь высокородную.
Бросил псам на площади.

Полотенцем ручки вытер...
— Правнук, ты дурной родитель.

Ты разбойнику и вору
Больше княжеской короны
Отдал — больше сына! — сердце,
Вырванное из груди.

Прадед твой гремит, вояка:
— «Браво! — Молодцом — атака!»

〈Июль 1920〉

□ □ □

Я вижу тебя черноокой, — разлука!
Высокой, — разлука! — Одинокой, — разлука!
С улыбкой, сверкнувшей, как ножик, — разлука!
Совсем на меня не похожей — разлука!

На всех матерей, умирающих рано,
На мать и мою ты похожа, — разлука!
Ты так же вуаль оправляешь в прихожей.
Ты Анна над спящим Сережей, — разлука!

Стрясается — в дом забредешь желтоглазой
Цыганкой, — разлука! — молдаванкой, — разлука!
Без стука, — разлука! — Как вихрь заразный
К нам в жилы врываешься — лихорадкой, — разлука!

И жжешь, и звенишь, и топочешь, и свищешь,
И ревешь, и рокочешь — и — разорванным шелком —
— Серым волком, — разлука! — Не жалея ни деда, ни внука, —
разлука!
Филином-птицей — разлука! Степной кобылицей, — разлука!

Не потомком ли Разина — широкоплечим, ражим, рыжим
Я погромщиком тебя увидала, — разлука?
— Погромщиком, выпускающим кишки и перины?..

———

Ты нынче зовешься Мариной, — разлука!

Конец июля 1920

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.
Не с тем — италийским
Зефиром младым, —
С хорошим, с широким,
Российским, сквозным!

Другие всей плотью по плоти плутают,
Из уст пересохших — дыханье глотают...
А я — руки настежь! — застыла — столбняк!
Чтоб выдул мне душу — российский сквозняк!

Другие — о, нежные, цепкие путы!
Нет, с нами Эол обращается круто.
— Небось, не растаешь! Одна — мол — семья! —
Как будто и вправду — не женщина я!

2 августа 1920

□ □ □

И вот исчез, в черную ночь исчез,
— Как некогда Иосиф, плащ свой бросив.
Гляжу на плащ — черного блеска плащ,
Земля ⟨горит⟩, а сердце — смерти просит.

Жестокосердый в сем году июль,
Лесною гарью душит воздух ржавый.
В ушах — туман, и в двух шагах — туман,
И солнце над Москвой — как глаз кровавый.

Гарь торфяных болот. — Рот пересох.
Не хочет дождь на грешные просторы!
— Гляжу на плащ — светлого плеску — плащ!
Ты за плащом своим придешь не скоро.

⟨Начало августа 1920⟩

□ □ □

Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи.
— И было что-то птичье в нас с тобой —
Когда — ночь соловьиную тревожа —
Мы обмирали — каждый над собой!

А Август — царь. Ему не до рулады,
Ему — до канонады Октября.
Да, Август — царь. — Тебе царей не надо, —
А мне таких не надо — без царя!

⟨Август 1920⟩

□ □ □

...... коль делать нечего!
Неу́жели — сталь к виску?
В три вечера я, в три вечера
Всю вытосковала — тоску.

Ждала тебя на подоконничке
— Ревнивее, чем враг — врага. —
Легонечко, любовь, легонечко!
У низости — легка нога!

Смотри, чтобы другой дорожкою
Не выкрался любовный тать.
Бессонная моя душа, сторожкая,
За молодость отвыкла спать!

Но все же, голубок неласковый,
Я в книжицу впишу Разлук:
— Не вытосковала тоски — вытаскивала
Всей крепостью неженских рук!

Проснулась поутру, как нищая:
— Все — чисто ....
Не вытосковала тебя, — не вытащила —
А вытолкала тебя в толчки!

8 августа 1920

(ОТРЫВОК)

Как пьют глубокими глотками
— Непереносен перерыв! —
Так — в памяти — глаза закрыв,
Без памяти — любуюсь Вами!

Как в горло — за глотком глоток
Стекает влага золотая,
Так — в памяти — за слогом слог
Наречья галльского глотаю.

Август 1920

□ □ □

В подвалах — красные окошки.
Визжат несчастные гармошки, —
Как будто не было флажков,
Мешков, штыков, большевиков.

Так русский дух с подвалом сросся, —
Как будто не было и вовсе
На Красной площади — гробов,
Ни обезглавленных гербов.

...... ладонь с ладонью —
Так наша жизнь слилась с гармонью.
Как будто Интернационал
У нас и дня не гостевал.

Август 1920

Все сызнова: опять рукою робкой
Надавливать звонок.
(Мой дом зато — с атласною коробкой
Сравнить никто не смог!)

Все сызнова: опять под стопки пански
Швырять с размаху грудь.
(Да, от сапог казанских, рук цыганских
Не вредно отдохнуть!)

Все сызнова: про брови, про ресницы,
И что к лицу ей — шелк.
(Оно, дружок, не вредно после ситцу, —
Но, ах, все тот же толк!)

Все сызнова: . . . .
. . . .
(После волос коротких — слов высоких
Вдруг: щебет — и шиньон!)

Все сызнова: вновь как у царских статуй —
Почетный караул.
(Я не томлю — обычай, перенятый
У нищих Мариул!)

Все сызнова: коленопреклоненья,
Оттолкновенья — сталь.
(Я думаю о Вашей зверской лени, —
И мне Вас зверски жаль!)

Все сызнова: . . . . . .
И уж в дверях: вернись!
(Обмен на славу: котелок солдатский —
На севрский сервиз)

Все сызнова: что мы в себе не властны,
Что нужен дуб — плющу.
(Сенной мешок мой — на альков атласный
Сменен — рукоплещу!)

Все сызнова: сплошных застежек сбруя,
Звон шпилек . . . .
(Вот чем другим, — а этим не грешу я:
Ни шпилек, ни . . . . . . !)

И сызнова: обняв одной, окурок
Уж держите другой.
(Глаз не открывши – и дымит, как турок
Кто стерпит, дорогой?)

И сызнова: между простынь горячих
Ряд сдавленных зевков.
(Один зевает, а другая – плачет.
Весь твой Эдем, альков!)

И сызнова: уже забыв о птичке,
Спать, как дитя во ржи...
(Но только умоляю: по привычке
— Марина – не скажи!)

1920

□ □ □

Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!

Живу – никто не нужен!
Взошел – ночей не сплю.
Согреть чужому ужин –
Жилье свое спалю.

Взглянул – так и знакомый,
Взошел – так и живи.
Просты наши законы:
Написаны в крови.

Луну заманим с неба
В ладонь – коли мила!
Ну а ушел – как не был,
И я – как не была.

Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажить
До первого чужого,
Который скажет: пить.

Август 1920

□ □ □

Бог, внемли рабе послушной!
Цельный век мне было душно
От той кровушки-крови.

Цельный век не знаю: город
Что ли брать какой, аль ворот.
Разорвать своей рукой.

Все гулять уводят в садик,
А никто ножа не всадит,
Не помилует меня.

От крови моей богатой,
Той, что в уши бьет набатом,
Молотом в висках кует,

Очи застит красной тучей,
От крови сильно-могучей
Пленного богатыря.

Не хочу сосновой шишкой
В срок — упасть, и от мальчишки
В пруд — до срока — не хочу.

Сулемы хлебнув — на зов твой
Не решусь, — да и веревка
— Язык высуня — претит.

Коль совет тебе мой дорог, —
Так, чтоб разом мне и ворот
Разорвать — и город взять —

— Ни об чем просить не стану! —
Подари честною раной
За страну мою за Русь!

30 августа 1920

□ □ □

Есть подвиги. — По селам стих
Не ходит о их смертном часе.
Им тесно в житии святых,
Им душно на иконостасе.

Покрепче нежели семью
Печатями скрепила кровь я.
— Так, нахлобучив кулаком скуфью
Не плакала — Царевна Софья!

⟨1920⟩

ПЕТРУ

Вся жизнь твоя — в едином крике:
— *На* дедов — *за* сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,

Не на своих сынов работал, —
Бесáм на торжество! —
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.

Не ты б — всё по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок[1].

[1] В Москве тогда думали, что Царь расстрелян на каком-то уральском полустанке *(примеч. М. Цветаевой)*.

Не ладил бы, лба не подъемля,
Ребячьих кораблёв —
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.

Ты под котел кипящий этот —
Сам подложил углей!
Родоначальник — *ты* — Советов,
Ревнитель Ассамблей!

Родоначальник — *ты* — развалин,
Тобой — скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град...

Соль высолил, измылил мыльце —
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!

Но нет! Конец твоим затеям!
У брата есть — сестра...
— *На* Интернацьонал — *за* терем!
За Софью — *на* Петра!

Август 1920

Есть в стане моем — офицерская прямость,
Есть в ребрах моих — офицерская честь.
На всякую му́ку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть!

Как будто когда-то прикладом и сталью
Мне выправили этот шаг.
Недаром, недаром черкесская талья
И тесный реме́нный кушак.

А зо́рю заслышу — Отец ты мой ро́дный! —
Хоть райские — штурмом — врата!
Как будто нарочно для сумки походной —
Раскинутых плеч широта.

Всё может — какой инвалид ошалелый
Над люлькой мне песенку спел...
И что-то от этого дня — уцелело:
Я слово беру — на прицел!

И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-сэром
Скрежещет — корми-не корми! —
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни.

Сентябрь 1920

(NB! Эти стихи в Москве назывались «про красного офицера», и я полтора года с неизменным громким успехом читала их на каждом выступлении по неизменному вызову курсантов)

□ □ □

Об ушедших — отошедших —
В горний лагерь перешедших,
В белый стан тот журавлиный —
Голубиный — лебединый —

О тебе, моя высь,
Говорю, — отзовись!

О младых дубовых рощах,
В небо росших — и не взросших,
Об упавших и не вставших, —
В вечность перекочевавших, —

О тебе, наша Честь,
Воздыхаю — дай весть!

Каждый вечер, каждый вечер
Руки вам тяну навстречу.
Там, в просторах голубиных —
Сколько у меня любимых!

Я на красной Руси
Зажилась — вознеси!

Октябрь 1920

ВОЛК

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Подыхает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, —
Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи, —
Не твоя вина — мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить — как Бог судил, —
К одному бабьё ревниво:
Чтобы лап не остудил.

Удержать — перстом не двину:
Перст — не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура —
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

□ □ □

Не называй меня никому,
Я серафим твой, легкое бремя.
Ты поцелуй меня нежно в темя,
И отпусти во тьму.

Все мы сидели в ночи без света.
Ты позабудешь мои приметы.

Да не смутит тебя сей — Бог весть! —
Вздох, всполохнувший одежды ровность.
Может ли, друг, на устах любовниц
Песня такая цвесть?

Так и иди себе с миром, словно
Мальчика гладил в хору церковном.

Духи и дети, дитя, не в счет!
Не отвечают, дитя, за души!
Эти ли руки — веревкой душат?
Эта ли нежность — жжет?

Вспомни, как руки пустив вдоль тела,
Закаменев, на тебя глядела.

Не загощусь я в твоем дому,
Раскрепощу молодую совесть.
Видишь: к великим боям готовясь,
Сам ухожу во тьму.

И обещаю: не будет биться
В окна твои — золотая птица!

25 ноября 1920

ЧУЖОМУ

Твои знамена — не мои!
Врозь наши головы.
Не изменить в тисках Змеи
Мне Духу — Голубю.

Не ринусь в красный хоровод
Вкруг древа майского.
Превыше всех земных ворот —
Врата мне — райские.

Твои победы — не мои!
Иные грезились!
Мы не на двух концах земли —
На двух созвездиях!

Ревнители двух разных звезд —
Так что же делаю —
Я, перекидывая мост
Рукою смелою?!

Есть у меня моих икон
Ценней — сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы — кроющий.

Пред ним — всё клонятся клинки,
Всё меркнут — яхонты.
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.

И будем мы судимы — знай —
Одною мéрою.
И будет нам обоим — Рай,
В который — верую.

Москва, 28 ноября 1920

□ □ □

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе
Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.
О милая! – Ни в гробовом сугробе,
Ни в облачном с тобою не прощусь.

И не на то мне пара крыл прекрасных
Дана, чтоб нá сердце держать пуды.
Спеленутых, безглазых и безгласных
Я не умножу жалкой слободы.

Нет, выпростаю руки! – Стан упругий
Единым взмахом из твоих пелен
– Смерть – выбью! Верст на тысячу в округе
Растоплены снега и лес спален.

И если всё ж – плеча, крыла, колена
Сжав – на погост дала себя увесть, –
То лишь затем, чтобы смеясь над тленом,
Стихом восстать – иль розаном расцвесть!

Около 28 ноября 1920

□ □ □

Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,
Со всей каторгой гуляла – нипочём!
Алых губ своих отказом не тружу,
Прокаженный подойди – не откажу!

Пока молода –
Всё как с гуся вода!
Никогда никому:
Нет!
Всегда – да!

Что за дело мне, что рваный ты, босой:
Без разбору я кошу, как смерть косой!
Говорят мне, что цыган-ты-конокрад,
Про тебя еще другое говорят...

А мне чтó за беда —
Что с копытом нога!
Никогда никому:
Нет!
Всегда — да!

Блещут, плещут, хлещут раны — кумачом,
Целоваться я не стану — с палачом!

Москва, ноябрь 1920

(ВЗЯТИЕ КРЫМА)

И страшные мне снятся сны:
Телега красная,
За ней — согбéнные — моей страны
Идут сыны.

Золотокудрого воздев
Ребенка — матери
Вопят. На паперти
На стяг
Пурпуровый маша рукой беспалой
Вопит калека, тряпкой алой
Горит безногого костыль,
И красная — до неба — пыль.

Колеса ржавые скрипят.
Конь пляшет, взбéшенный.
Все окна флагами кипят.
Одно — завешено.

Ноябрь 1920

□ □ □

Буду выспрашивать воды широкого Дона,
Буду выспрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет.

Скажет мне Дон: — Не видал я таких загорелых!
Скажет мне море: — Всех слез моих плакать — не хватит!
Солнце в ладони уйдет, и прокаркает во́рон:
Трижды сто лет живу — кости не видел белее!

Я журавлем полечу по казачьим станицам:
Плачут! — дорожную пыль допрошу: провожает!
Машет ковыль-трава вслед, распушила султаны.
Красен, ох, красен кизиль на горбу Перекопа!

Всех допрошу: тех, кто с миром в ту лютую пору
В люльке мотались.
Череп в камнях — и тому не уйти от допросу:
Белый поход, ты нашел своего летописца.

Ноябрь 1920

Я знаю эту бархатную бренность
— Верней брони! — от зябких плеч сутулых
— От худобы пролегшие — две складки
Вдоль бархата груди,

К которой не прижмусь — хотя так нежно
Щеке — к которой не прижмусь я, ибо
Такая в этом грусть: щека и бархат,
А не — душа и грудь!

И в праведнических ладонях лоб твой
Я знаю — в кипарисовых ладонях

Зажатый и склоненный – дабы легче
Переложить в мои –

В которые не будет переложен,
Которые в великом равнодушьи
Раскрытые – как две страницы книги –
Застыли вдоль колен.

2 декабря 1920

– Прощай! – Как плещет через край
Сей звук: прощай!
Как, всполохнувшись, губы сушит!
– Весь свод небесный потрясен!
Прощай! – в едином слове сем
Я – всю – выплескиваю душу!

8 декабря 1920

Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!

Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Про́резь зари – и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!

Москва, декабрь 1920

□ □ □

Короткие крылья волос я помню,
Метущиеся между звезд. — Я помню
Короткие крылья
Под звездною пылью,
И рот от усилья сведенный,
— Сожженный! —
И все сухожилья —
Руки.

Смеженные вежды
И черный — промежду —
Свет.
Не гладя, а режа
По бренной и нежной
Доске — вскачь
Всё выше и выше,
Не слыша
Палач — хрипа,
Палач — хруста
Костей.
— Стой!
Жилы не могут!
Коготь
Режет живую плоть!
Господь, ко мне!..

То на одной струне
Этюд Паганини.

Декабрь 1920

ПОЖАЛЕЙ...

— Он тебе не муж? — Нет.
Веришь в воскрешенье душ? — Нет.
— Так чего ж?
Так чего ж поклоны бьешь?

— Отойдешь —
В сердце — как удар кулашный:
Вдруг ему, сыночку, страшно —
Одному?

— Не пойму!
Он тебе не муж? — Нет.
— Веришь в воскрешенье душ? — Нет.
— Гниль и плесень?
— Гниль и плесень.
— Так наплюй!
Мало ли живых на рынке!
— Без перинки
Не простыл бы! Ровно ссыльно-
Каторжный какой — на досках!
Жестко!

— Черт!
Он же мертв!
Пальчиком в глазную щелку —
Не сморгнет!
Пес! Смердит!
— Не сердись!
Видишь — пот
На виске еще не высох.
Может, кто еще поклоны в письмах
Шлет, рубашку шьет...

— Он тебе не муж? — Нет.
— Веришь в воскрешенье душ? — Нет.
— Так айда! — ...нагрудник вяжет...
Дай-кось я с ним рядом ляжу...
Зако — ла — чи — вай!

Декабрь 1920

□ □ □

Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!
То шатаясь причитает в поле — Русь.
Помогите — на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!

И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
— Мама!

И только и это
И внятно мне, пьяной,
Из чрева — и в чрево:
— Мама!

Все рядком лежат —
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?

Белый был — красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был — белый стал:
Смерть побелила.

— Кто ты? — белый? — не пойму! — привстань!
Аль у красных пропадал? — Ря — азань.

И справа и слева
И сзади и прямо
И красный и белый:
— Мама!

Без воли — без гнева —
Протяжно — упрямо —
До самого неба:
— Мама!

Декабрь 1920

КОММЕНТАРИИ

19 Зак 199

ПОЭТ
МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Когда Марина Цветаева отдала в печать свою первую книгу стихов «Вечерний альбом», ей только что — 26 сентября 1910 г. — исполнилось восемнадцать лет...

Жизнью Цветаевой, с детства и до кончины, правило воображение. Воображение, которое пробудили книги и их герои, вымышленные и реальные. Знание с детства французского и немецкого языков расширяло границы проникновения в эпохи и характеры. Геракл и Ахилл, Ариадна и Дионис, Елена и Орфей, Венера и Психея воспринимались Цветаевой как ожившие мифологические персонажи — ожившие сначала в сознании юной девушки, а затем в зрелом творчестве поэта.

«Вечерний альбом» составили сто одиннадцать стихотворений, в большинстве случаев без дат написания, разбитых на три раздела: «Детство», «Любовь», «Только тени». Перед каждым разделом эпиграфы: Э. Ростан, Библия, Наполеон. Таковы столпы первого, возведенного Цветаевой здания поэзии. Конечно, в целом сборник был несовершенен. В нем немало инфантильных строф, впрочем, вполне самостоятельных. Но некоторые стихи уже тогда предсказывали настоящего поэта. В первую очередь это «Молитва», написанная Цветаевой 26 сентября 1909 г., в день ее семнадцатилетия.

Наивная первозданность, особое обаяние непосредственности подкупили первых читателей «Вечернего альбома». На книгу последовали одобрительные отклики М. Волошина, Н. Гумилева, В. Брюсова.

Следующий этап поэзии Цветаевой — «Юношеские стихи» (1913—1915). По сравнению с предыдущими — они более «взрослые» и эмоционально более выразительные. Юношеский эгоцентризм сочетается в них с удивительным прозрением:

...Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Это стихи последнего безоблачного периода в жизни Цветаевой. Она живет, окруженная пониманием и любовью; в стихах выражает радость

общения с близкими. Здесь стихи, обращенные к сестре Асе, с которой у нее полная гармония; она любуется мужем, создавая его поэтически-живописный портрет:

...Так Вы лежали в брызгах пены,
Рассеянно остановив
На светло-золотистых дынях
Аквамарин и хризопраз
Сине-зеленых, серо-синих,
Всегда полузакрытых глаз...

Пишет о «юности и смерти», о цветении юности и о конце — юности и жизни.

...Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли...

С 1916 г. начинается новый этап в творчестве Цветаевой. Она пробует писать по-иному, чем прежде: в стихах появляются дотоле не звучавшие фольклорные интонации, распевность и удаль русской песни, частушки:

Отмыкала ларец железный,
Вынимала подарок слезный,
С крупным жемчугом перстенек,
С крупным жемчугом...

Героиня поэзии весны 1916 г. предстает во всех гранях своего мятежного характера, исполненной любви и сложных переживаний:

Такое со мной сталось,
Что гром прогромыхал зимой,
Что зверь ощутил жалость
И что заговорил немой.

Свободный стих, подчиненный только интонации, создает *напевность*. Вообще большинство стихов 1916 г. по сути — *песни*.

Ее героиня и впрямь *поет* себя, свою тоску, удаль, боль и, конечно, свою любовь... Порою на нее находит благостно-умиленное состояние: «Устилают — мои — сени...», «В день Благовещенья...» Ощущает она, притом отнюдь не раскаянно, и собственную греховность, безбожность: «Иду по улице — //Народ сторонится,//Как от разбойницы,//Как от покойницы», «Как ударит соборный колокол — //Сволокут меня черти волоком». Но ничто не заставит ее отступиться от этих страстей. Она и на самом Страшном суде не струсит: «...скажу и Господу — //Что любила тебя, мальчоночка,//Пуще славы и пуще солнышка». Она мятежная, «неприручаемая», ничему и никому не подвластная:

Коль похожа на жену — где повойник мой?
Коль похожа на вдову — где покойник мой?
Коли суженого жду — где бессонница?
Царь-Девицею живу — беззаконницей!

С самых ранних, еще допоэтических лет Цветаева была по натуре беспощадно и вызывающе искренна. Ее лирика — дневник души; она пытается разобраться в себе, в тревожащих ее противоречивых чувствах...

Руки даны мне — протягивать каждому обе,
Не удержать ни одной, губы — давать имена,
Очи — не видеть, высокие брови над ними —
Нежно дивиться любви и — нежней — нелюбви.

А этот колокол там, что кремлевских тяжéле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, —
Это — кто знает? — не знаю, — быть может, —
должно быть —
Мне загоститься не дать на российской земле!

Нигде доселе поэт не сказал о себе так пронзительно, как в этом стихотворении. Слепота к видимой реальности, ясновидение к скрытой сути; «сокрытый двигатель» души — неутомимое сердце поэта и недолгий его век.

С начала 1917 г. обозначились два главных русла цветаевской поэзии. Первое: надуманное, книжно-театральное, романтическое — например, в цикле «Любви старинные туманы» с мелодраматическим расставанием нежной пары на берегу Сены или с роковым поединком страстей Дон-Жуана и Кармен в одноименных циклах; игра, флирт — в россыпи стихов под названием «Комедьянт». Все это — маски и плащи; мало души и много одежд. Такая декорированная лирика была не чем иным, как уходом от суровой, «неуютной» реальности. Этот путь продолжился в последующие два года, когда Цветаева, подружившись с актерами-студийцами Второй студии Московского Художественного театра и Третьей «Вахтанговской», стала писать романтические пьесы, навеянные произведениями любимого ею Ростана. Но под влиянием неразрывно слитых исторических и личных обстоятельств (гражданская война, разлука с мужем, поражение Добровольческой армии) в цветаевской лирике зазвучала трагическая нота, обозначенная ею так: «Добровольчество — это добрая воля к смерти» («Белая гвардия, путь твой высок://Черному дулу — грудь и висок»; «Бури-вьюги, вихри-ветры вас взлелеяли,//А останетесь вы в песне — белы-лебеди!»). Во всем этом

не было политики — Цветаева вообще по складу натуры не политический поэт. В стихах она скорбит, тоскует по обреченному герою — идеальному и благородному Воину; но больше всего в них — отвлеченной патетики и мифотворчества. Белая армия у нее «лебединый стан», Дон — французская Вандея. Романтика, замешенная на трагедии Разлуки и Обреченности. И отныне одним из девизов поэта станет формула: *«Прав, раз обижен»*. Для нее права царевна Софья, некогда заточенная Петром в монастырь, и Цветаева провозглашает: «За Софью — на Петра!» Романтическая защита побежденных, поверженных, даже если они вчерашние враги — вот что поэт всегда будет считать своим долгом.

Второе русло, в котором развивалась поэзия Цветаевой, — народное, или, как она говорила, «русское». Стихи с каждым годом становились все более «естественными». В одном из первых откликов, появившихся на публикации Цветаевой в это время, И. Эренбург отмечал: «...как буйно, как звонко поет она о московской земле и калужской дороге, об утехах Стеньки Разина, о своей любви шальной, жадной, неуступчивой. Русская язычница, сколько радости в ней...» (Новости дня. М. 1918. 13 апреля).

Любовь — блоковский «тайный жар», страстное небезразличие к жизни во всех ее проявлениях, даже ненавистных — ибо ненависть к *низшим* ценностям для Цветаевой есть обратная сторона любви — к *высшим* и составляет ее «сокрытый двигатель».

Если душа родилась крылатой —
Чтó ей хоромы и чтó ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных — и сытость сытых!

Одна из главных тем лирики Цветаевой в этот период — высокое предназначение поэта, отречение от страстей, пригибающих душу к земле:

Умирая, не скажу: *была*.
И не жаль, и не ищу виновных.
Есть на свете поважней дела
Страстных бурь и подвигов любовных.

Ты, — крылом стучавший в эту грудь,
Молодой виновник вдохновенья —
Я тебе повелеваю: — будь! —
Я — не выйду из повиновенья.

1921 год обозначил новый рубеж в цветаевской поэзии: аскетизм творческого самосожжения, дружба, преданность — таков лейтмотив ее творчества в эти годы. Поэзия Цветаевой достигла своего истинного

расцвета, своих вершин; почти каждое стихотворение стало классикой (циклы «Ученик», «Марина», «Разлука», «Хвала Афродите» и другие).

Большое влияние оказал на Цветаеву Сергей Михайлович Волконский, шестидесятилетний внук декабриста С. Г. Волконского, писатель, театральный деятель. *Учитель* — вот кем предстал он в воображении Цветаевой. «Учитель чего? — Жизни, — записала она. — Прекрасный бы учитель, если бы ему нужны были ученики»:

Быть мальчиком твоим светлоголовым, —
— О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика...

Любовь Ученика — идеальна, совершенна, высока. Она дана во всех оттенках чувств, на которые способен человек. Готовность к жертве, жажда ее: «...И — вдохновенно улыбнувшись — первым//Взойти на твой костер». Радость отречения от себя во имя Учителя: «Есть некий час — как сброшенная клажа://Когда в себе гордыню укротим...» Ученик всегда готов следовать за плащом Учителя «сапожком — робким и кротким». Стихи цикла «Ученик», вошедшие впоследствии в книгу «Ремесло», стали как бы камертоном цветаевского творчества этого времени.

Душа, не знающая меры,
Душа хлыста и изувера,
Тоскующая по бичу.
Душа — навстречу палачу,
Как бабочка из хризалиды!...
. . . .
— Саванароловой сестра —
Душа, достойная костра! —

Стихи, которые пишет Цветаева в последние месяцы перед отъездом из России, — подобны до предела натянутой струне, готовой внезапно разорваться.

Первородство — на сиротство!
Не спокаюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.

Русь входит в сердце лирической героини: она олицетворена в образе удалой, грешной мятежницы, что появилась еще в стихах 1916 г. Теперь она оплакивает покидаемую Москву и всю Россию, умытую кровью ее сыновей. Оплакивает всех, кто убит. Врагов для нее нет: все — братья, все равные сыны одной матери; неважно, сражались ли они за «правду» или «кривду». (Тем более что «правда — перебежчица», записала Цветаева в тетради...):

Враг — пока здрав,
Прав — как упал.
Мертвым — устав
Червь да шакал...

Вместо глазниц —
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын — раз в крови!

15 мая 1922 г. Цветаева вместе с дочерью Алей приехала в Берлин, где встретилась наконец после долгой разлуки с мужем. Прожив там два с половиной очень напряженных месяца, она успела написать больше двадцати стихотворений, совершенно непохожих на прежние и открывших новые черты ее лирического дарования. Эти стихи словно ушли в «подполье» тайных, интимных переживаний, выраженных изощренно-зашифрованно:

Есть час на те слова,
Из слуховых глушизн
Высокие права
Выстукивает жизнь...

В них говорится о *быте* любви тленной и *бытии* любви вечной, — тема для Цветаевой не новая, но теперь потребовавшая совершенно иного выражения:

Помни закон:
Здесь не владей!
Чтобы потом —
В Граде Друзей:

В этом пустом,
В этом крутом
Небе мужском —
Сплошь золотом —

В мире, где реки вспять,
На берегу — реки,
В мнимую руку взять
Мнимость другой руки...

Вот одно из стихотворений берлинского периода, ставшее хрестоматийным:

Ищи себе доверчивых подруг,
Не выправивших чуда на число.
Я знаю, что Венера — дело рук,
Ремесленник — и знаю ремесло.

От высокоторжественных немот
До полного попрания души:
Всю лестницу божественную – от:
Дыхание мое – до: не дыши!

Берлин не стал долгим пристанищем Цветаевой. Узнав, что правительство Масарика выплачивало русским эмигрантам стипендию-пособие, Марина Ивановна приняла решение ехать в Чехию и 1 августа 1922 г. перебралась в Прагу.

Есть в цветаевской лирике несколько таких вершин, смысл которых постигаешь постепенно. Таково стихотворение «Сивилла», рожденное в Чехии, на новом повороте жизни и судьбы поэта.

Это уже не та Сивилла, что «с нежностью и грустью» любуется чужою молодостью (1918), и не та, знающая, что мечты юных о славе – тщета, а слава – тлен (1921). Те обе Сивиллы – немы: они не размыкают уст, чтобы не огорчать смертных, не мешать их обольщению нищенской земной жизнью.

Чешская «Сивилла» – действующая пророчица, вернее – звучащая, а еще точней – поющая. Дерево с сожженной сердцевиной, с освободившимся пространством, заполненным Голосом. В ней есть что-то от амазонки с выжженной грудью и еще от «пожирающего огня» – в жертву ему приносится жизнь Поэта...

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Сивилла: выпита, сивилла: сушь,
Все жилы высохли: ревностен муж!

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! – Древо меж дев.
. . . .

Сивилла для Цветаевой в тот момент ее жизни стала тем же, что для Пушкина его Пророк: «И он мне грудь рассек мечом,//И сердце трепетное вынул,//И угль, пылающий огнем,//Во грудь отверстую водвинул...» Как всегда, у Цветаевой перегоревшие душевные, сердечные переживания, превратившиеся в «материал» для Поэзии, словно взмывали ввысь, к Вечности, бессмертными строками.

В Чехии Цветаева пробыла три с небольшим года. Бедность, тяжесть жизни внешней и сосредоточенность жизни внутренней – вот главное в положении поэта, впервые за много лет обретшего необходимое уединение.

Она полюбила Прагу – «летейский город», с пражским рыцарем, «стерегущим реку – дней» Влтаву у Карлова Моста. Она сердцем ощутила, услышала «голос сирых и малых», «прокопченных» трудяг на завод-

ской окраине, у заставы большого города. Прага вселяла вдохновение, словно живое существо,—да такой и воспринимала ее Цветаева; а жизнь в чешских деревнях позволила ей до самых недр души проникнуться природой вечной, непреходящей, стоящей над всеми людскими несовершенствами, «земными низостями дней». В Чехии Марина Цветаева выросла в поэта, в наши дни справедливо причисленного к великим. Ее поэзия говорила о бессмертном творческом духе, ищущем и алчущем абсолюта в человеческих чувствах. Самой заветной цветаевской темой в то время стала философия и психология любви—понятия, не имевшего для нее предела. Все, что не вражда, ненависть или безразличие, составляет любовь, вобравшую в себя бесчисленные оттенки переживаний. Отсюда «формула»: «Пол и возраст ни при чем», озадачивающая тех, кто не умеет или не хочет вдуматься в эти, по существу такие простые, слова. Можно влюбиться в ребенка, в старуху, в дерево, в дом, в собаку, в героя романа, в собственную мечту—любовь тысячелика, а поэт, как считала Цветаева, «утысячеренный человек». «Стихи Цветаевой эротичны в высшем смысле этого слова, они излучают любовь и любовью пронизаны, они рвутся к миру и как бы пытаются заключить весь мир в объятия»,—писал о ее стихах Г. Адамович (Последние новости. Париж. 1928. 21 июня).

Лирика Цветаевой чешских лет продолжила мотивы берлинского периода: погружение в «единоличье чувств» самых разноречивых и равно, как всегда, сильных. Здесь стихи, исполненные щемящей боли от убогости «жизни, как она есть», с ее неизбывной нищетой, отголоски собственных кочевий с квартиры на квартиру: «Спаси, Господи, дым!—//Дым-то, Бог с ним! А главное—сырость!...» Уродливость быта—лишь одна из многих причин того, отчего «Жизнь—это место, где жить нельзя». Здесь же лирические стихи, обращенные к Пастернаку,—собрату в не измеряемых земными мерами категориях. И стихи о поэте, его природе и сути, о его величии и беззащитности, могуществе и ничтожестве «в мире сем»: «Он тот, кто *спрашивает* с парты,//Кто Канта наголову бьет»; «Что же мне делать, певцу и первенцу, В мире, где наичернейший—сер!//Где вдохновенье хранят, как в термосе! С этой безмерностью//В мире мер?!» И стихи, где типично по-цветаевски трактуется коллизия Гамлета и Офелии, Христа и Магдалины, Тезея и Ариадны... Цветаева, как всякий крупный художник, творила в русле мировой культуры, перенося великие создания человеческого духа в свою поэтическую «страну», переосмысляя их на свой лад. Лирическая героиня Цветаевой всесильна и всемогуща. Ибо ее оружие—умыслы, вымыслы, «мнимости». Ибо сила ее души, чувств непобеждаема: «Где бы ты ни был—тебя настигну,//Выстрадаю—и верну назад». Ибо нет ничего сильнее Мечты: вездесущей, присваивающей, не подвластной ничему, кроме самой себя.

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы—как душу добудет Бог:

Через дыхание — в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! — Все уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!

В конце 1925 г. Цветаева с семьей перебирается в Париж. Этот период характерен для ее творчества созданием произведений большой формы. Одна за другой появляются поэмы и драмы, а с начала 1930-х гг. потоком идет проза. Именно во Франции написана значительнейшая часть очерков, статей, эссе. Стихов же (около ста), созданных Цветаевой за неполные четырнадцать лет жизни в Париже, едва хватило бы на скромный сборник. Зато почти любое из них может войти в число избранных. Медонская осень 1931 г. Старый дом, с тусклыми зелеными стеклами, прячущий свой возраст под густым плющом, дом, обреченный на слом, на сруб; Поэт олицетворил себя в этом приговоренном к смерти живом «пережитке»: «Дом — будто юности моей//День, будто молодость моя//Меня встречает: — Здравствуй, я!» Дом — «девический дагерротип» поэта, «автопортрет». Там, пишет Цветаева, в этом чертоге своей души, «...от улицы вдали//Я за стихами кончу дни — //Как за ветвями бузины...». И следом — тогда еще не законченное стихотворение «Бузина». Трагическая аллегория жизни и собственного в ней места. Поспевание, созревание бузины — не постепенное, плавное, а взрывчатое, кипящее: от безмятежной, кажущейся нескончаемой — молодой, зеленой, с внезапным преображением *в звон и огонь зрелости*. Куст бузины олицетворяет собой древо существования, которое взращивает неисчислимые множества отдельных жизней, обреченных на гибель. Бузина живет летом, а осенью начинает умирать, ронять ягоды:

Бузина казнена, казнена!
Бузина целый сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей.
Кровью сердца — твоей, моей...

Это — жизнь человеческая, и, конкретно, две жизни в горниле перемалывающей судьбы — с намеком слишком прозрачным... Рок над автором — Поэтом и его жизненным спутником.

И — конец: осень, закат жизни, конец всего былого, гибель ствола, на котором взросли...

— Дети, шею себе свернете! —
На котором-то повороте
Возле дома, который пуст, —
Одинокий бузинный куст.

Теперь, в тридцатые годы (как, впрочем, и всегда), Цветаева так и будет жить: постоянно возвращаясь к прошлому — ко всему и всем, что умерло, умерли... Поэт здесь ведет разговор не с Вечностью, не с Миром, а со своим временем, своим веком — больным, жестоким — и преходящим. Ведь ягоды бузины следующим летом вновь созреют, потом вновь будут «казнены», залив своей кровью землю и оголив куст... Но та бузина будет уже другая. И Цветаева, опережающая свое время, почти никем не понятая, «шею себе сворачивала», оглядываясь назад на канувшую в небытие Родину — ту, «где на монетах — молодость моя» (стихотворение «Страна»).

В июле 1933 г. Цветаева увлеченно работает над циклом стихотворений, посвященных самому верному другу, с которым никогда, начиная с детства, не расстается и о котором записывает в тетради: «Он и так уже был смертным одром — многим моим радостям». «Он» — это письменный стол. Поэт отмечает «тридцатую годовщину союза», ибо уже в десять-двенадцать лет начала писать стихи всерьез... И вот теперь льется поток, водопад благодарственных строк: «Мой заживо смертный тёс!//Спасибо, что рос и рос//Со мною...» Благодарность повелителю от пленницы, осчастливленной рабством ремесла; благодарность мудрому деспоту, учителю — да-да, именно так: «учивший, что нету — завтра,//Что только сегодня — есть.//И деньги, и письма с почты — //Стол — сбрасывавший в поток!//Твердивший, что каждой строчки//Сегодня — последний срок».

Деревья были прибежищем поэта от «земных низостей дней» (цикл «Деревья», написанный в Чехии), точно так же стол существовал

Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Обиде, нужде, беде,
Быть может — самой себе.

И наконец стол, письменный стол — последнее ложе Поэта на земле:

Квиты: вами я объедена,
Мною — живописаны.
Вас положат на обеденный,
А меня — на письменный...

«Вас» — значит «сытых», богатых, заклятых врагов Поэта; «Вы — с отрыжками, я — с книжками...//Вы — с оливками, я — с рифмами...» Даже смерть не примиряет с ними: «Табачку пыхнем гаванского//Слева вам — и справа вам.//Полотняная голландская//Скатерть вам — да саваном!» В могильную яму: «Вытряхнут вас всех со скатерти://С крошками, с огрызками». У этих «жрущих» душа заменена переваренной пищей. У Поэта — Психеи — только душа и есть, крылатая душа Поэта.

Каплуном-то вместо голубя
— Порх! — душа при вскрытии.
А меня положат — голую:
Два крыла прикрытием.

Анафема поэта — пресыщенной и равнодушной «черни», которую Цветаева давно ненавидит: «Кого я ненавижу (и вижу), когда говорю: чернь... Толстую руку с обручальным кольцом... юбку на жирном животе... все человеческое мясо — мещанство!». Это она писала еще в Москве.

События сентября 1938 г. (нападение гитлеровской Германии на Чехословакию) потрясли Цветаеву. Хлынула лавина антифашистских стихов. Она верила: «Россия Чехию сожрать не даст» — и с горячей любовью воспевала героический страдающий народ и прекрасную страну, в которой некогда нашла приют. Циклы «Сентябрь» и «Март», «Стихи к Чехии» образовали своего рода лирическое единое произведение. То была «лебединая песня» Марины Цветаевой на чужбине. Летом 1939 г. она с сыном возвратилась на родину. Дочь уехала в СССР еще в марте 1937 г. Муж, причастный к политическому убийству, бежал под чужим именем из Франции в Москву в октябре того же года.

В Москве Марина Ивановна на короткое время наконец-то воссоединилась со всей своей семьей, но и это последнее счастье длилось недолго: в августе была арестована дочь, а в октябре — муж. Начались скитания с сыном по чужим углам. Стихов почти не писала; приходилось заниматься различными переводами, в большинстве — с подстрочников...

Начавшаяся война привела поэта в состояние паники, безумного страха за сына, полной безысходности. Тогда-то, вероятно, и начала слабеть ее воля к жизни.

8 августа она с сыном уехала пароходом из Москвы в эвакуацию и 18-го прибыла вместе с несколькими писателями в Елабугу.

Роковое убеждение в безысходности привело к трагическому концу. 31 августа 1941 г. Марина Ивановна Цветаева покончила с собой.

О научном издании поэтического наследия Марины Цветаевой в настоящее время говорить преждевременно. Начиная с самого первого, посмертного (маленькая книжка, изданная в 1961 г. в Москве издательством «Художественная литература»), все дальнейшие так или иначе грешили непоследовательностью, подчас — неверным выбором варианта стихотворения. Принцип — печатать произведение непременно в последней авторской редакции, — принятый в советской текстологии по отношению к русской классической литературе, далеко не всегда оказывается правильным. В таком случае, например, знаменитый цикл «Ученик»

из семи стихотворений нужно было бы урезать до четырех и печатать его под названием «Леонардо», в так называемой «последней», а по сути — вынужденной авторской редакции 1940 г. В то время Цветаева составляла свой сборник с оглядкой на цензуру; ведь название «Ученик» восходило к Библии, в те годы — «крамольной» книге...

Когда откроется цветаевский архив и станут наконец доступными черновые тетради поэта — только тогда впервые появится возможность подготовить научное издание произведений Цветаевой. Разумеется, работать над архивом должен коллектив филологов, а не отдельные лица, как это было до сих пор.

В отличие от всех предыдущих изданий, как русских, так и зарубежных, в настоящем собрании сочинений применен хронологический принцип расположения текстов, позволяющий, по мнению составителей, глубже познакомиться с основными вехами творческого пути поэта. Лишь в двух случаях этот принцип не выдержан: во-первых, в подавляющем большинстве стихов из ранних книг М. Цветаевой («Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь»), где даты указаны всего в нескольких случаях; во-вторых, в авторских циклах, которые датируются по первому произведению. Завершенные стихотворения печатаются вместе с незавершенными, без искусственного их разделения. Такой подход вызван тем, что, по нашему мнению, это деление весьма условно: подчас стихотворение, над которым еще продолжается работа поэта, воспринимается как законченное. А кроме того, Цветаева имела «прискорбную манеру» даже в беловой тетради, написав стихотворение, не найти порою всего одной строки, а иногда — и единственного слова, — и вписывала их, когда отдавала стихи в печать. Таким образом, многие стихотворения (в большинстве написанные до отъезда за границу), которые она так и не опубликовала, остались в беловых тетрадях в незавершенном виде.

При подготовке настоящего тома за основу взяты тексты прижизненных сборников или публикаций (если стихотворения не вошли в сборники), а также следующие издания Цветаевой: Избранные произведения. М.; Л., 1965; Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1980 и 1988; Стихотворения и поэмы: В 5 т. Т. 1—3. Нью-Йорк, 1980—1983; Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений: В 3 т. Т. 1—3. М., 1990—1993; Стихотворения и поэмы. Л., 1990. Приняты во внимание также материалы готовившегося Цветаевой осенью 1940 г. сборника стихов. Сохранены в ряде случаев поздние приписки автора под стихами, сделанные в тех же тетрадях или при их последующем перебеливании. Составители стремились сохранить, по возможности, авторскую пунктуацию и орфографию.

Стихотворения, написанные до 1 февраля 1918 г., датированы по старому стилю.

А. Саакянц, Л. Мнухин

Маме. — Стихи, связанные с воспоминаниями о матери — Марии Александровне Мейн (1868—1906), занимают в раннем творчестве Цветаевой одно из важнейших мест. Ее влияние на поэта было огромным. Цветаева считала, что обязана матери всем самым главным в себе. Ей позже посвятила она и страницы своей прозы «Мать и музыка», «Сказка матери» и т. д.

(Отрывок). — *Вакх* (греч. миф.) — одно из имен Диониса, бога плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства и виноделия.

Лесное царство. — *Ася* — Анастасия Ивановна Цветаева (1894—1993), младшая сестра поэта. Ей посвящены многие стихотворения 1908—1913 гг. В «Воспоминаниях» А. Цветаевой, изданных «Советским писателем» в 1971, 1974 и 1983 гг., подробно описаны детские и юношеские годы Марины Ивановны.

В 5-м томе «Стихотворения и поэмы Марины Цветаевой» (Russica, Нью-Йорк, 1993) приведены три стихотворения, записанных со слов Цветаевой ее гимназической подругой:

1

По дорожке желтой лилового сада
Тихо листья падали, падали шурша.
От улыбки светлой солнечного взгляда
Захотелось нежиться тихо, не спеша.
Было жаль заката радостно огнистого,
Этой зыбкой радуги красок и тонов,
И цветов задумчивых у болота мшистого,
Всей осенней музыки, музыки без слов.
Захотелось крикнуть мне в эту даль прозрачную:
Прочь, тоска сомнения, прочь, отвага мрачная!
Жизнь! Будь вечной сказкою, жизнь, остановись!
С той душою странною, как мечта неверною,
Тихим ясным вечером шла я не спеша.
А вокруг томительно, с тишиною мерною
Тихо листья падали, падали шурша.

2

Ты не хочешь бесцветных мгновений
Серых буден осеннего дня.
О, тогда не зови повторений —
Это взор без былого огня.
Было пламя, великое пламя,
Были искры мятежны и злы.
А теперь на земле перед нами
Только серые кучки золы.
Уж погасшая искра не вспыхнет —
И не надо, не надо, и пусть
Там в былом никогда не затихнет
О былом бесконечная грусть.

Не гони ее, друг мой, надменно,
Грусть о прошлом наш вечный удел.
Только то хорошо, что мгновенно...
Догорел наш костер, догорел.

3

Огня не надо. Будем тихо
Вдвоем сидеть у камелька,
И пусть проходит ныне лихо,
И пусть поет, цветет тоска.
Нас тихий вечер, лиловея,
Рукою нежной обовьет,
И может быть, как угли тлея,
Вся наша жизнь пройдет, замрет...

«Месяц высокий над городом лег...» — Обращено к Петру Ивановичу Юркевичу (1889—1968). В дарственной надписи на книге «Волшебный фонарь» Цветаева назвала его «другом моих 15-ти лет». По свидетельству А. Цветаевой, поводом для написания стихотворения послужил реальный случай, когда П. Юркевич «не допроводил» ее сестру до дома. См. также письма к нему в т. 6.

У гробика. — Обращено к Е. П. Пешковой (1878—1965), жене М. Горького. В 1906 г. семьи Цветаевых и Пешковых жили в Ялте в одном доме. Дочь Е. П. Пешковой, Катя, умерла в возрасте 5 лет.

Последнее слово. — Обращено, как и последующее, к Лидии Александровне Тамбурер (1870—ок. 1940), зубному врачу, другу семьи Цветаевых. Особенно теплые отношения сложились у нее с сестрами Мариной и Асей.

Даме с камелиями. — Обращено к великой французской актрисе Саре Бернар (1844—1923). В драме Александра Дюма-сына (1824—1895) «Дама с камелиями» она исполняла главную роль. «В 1909 году летом Марина увидела Сару Бернар на сцене в Париже. После одного из спектаклей «Орленка» или «Дамы с камелиями» Марина дождалась ее и передала ей ее фотографии — для подписи на память. Это был ее новый кумир...» (Цветаева А. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1983. С. 305).

Сереже. — Стихотворение навеяно рассказом Л. А. Тамбурер о смерти ее трехлетнего сына: «Он смотрел на нее со страниц семейного альбома, с большой, выцветшей немного — или коричневого тона — кабинетной фотографии, круглолицый, большеглазый, с выражением обязательной насмешливости. От этого взгляда, детского, навсегда прерванного, ушедшего в темноту «того света», у Марины и меня сразу заныло сердце, и, прослушав рассказ матери, его без ума любившей (в мать был сын!), слушали мы с чем-то заполонувшим в груди, как он умер, всего несколько часов проболев» (там же. С. 257—258).

Дортуар весной. — *Аня Ланина* — подруга Цветаевой по гимназии фон Дервиз (зима 1906—1907 г.). По словам А. Цветаевой, «дружба эта была простая, веселая, озорная, протекала в быту, в ежедневных шалостях и проделках, хоть Марина... видимо очень тесно сошедшаяся с Аней Ланиной, имела к ней — за ее бойкий решительный нрав — прочное дружеское уважение. И позже уже взрослой, всегда с любовью она вспоминала Аню» (Из неизданных воспоминаний А. Цветаевой. Архив составителей).

Первое путешествие. — Обращено, так же как и «Второе путешествие», «Бывшему Чародею», «Чародею», «Ошибка», поэма «Чародей», к Эллису (Льву Львовичу Кобылинскому; 1874—1947), поэту-символисту, знакомому И. В. Цветаева. *Чародей* — домашнее прозвище Эллиса.

Второе путешествие. — *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — египетская царица, героиня многих литературных произведений. *Лорелея* — см. комментарий к стихотворению «Германии».

Нине. — Обращено к Нине Корнилиевне Виноградовой, сестре писателя А. К. Виноградова, близкой подруге отроческих лет М. Цветаевой. *Здесь, в Париже....* — Летом 1909 г. Цветаева слушала в Сорбонне курс по старофранцузской литературе.

В Париже. — *Ростан* Эдмон (1868—1918) — французский поэт и драматург. *...мученик Рейхштадтский* — единственный сын Наполеона, герцог, получил в 1818 г. во владение от императора Франца небольшой богемский город Рейхштадт. Воспитывался в «сумрачном» замке Шенбрунн (см. следующее стихотворение), где и умер от чахотки в 1832 г. в возрасте 21 года. Герцогу Рейхштадтскому Э. Ростан посвятил пьесу «Орленок». Сара Бернар была исполнительницей главной роли в этой пьесе. В юношеские годы «Орленок» был кумиром Цветаевой. В 1908—1909 гг. она перевела пьесу Ростана на русский язык. Перевод не сохранился. См. также стихотворение «Даме с камелиями» и комментарий к нему.

В Шенбрунне. — *Тюилери* (Тюильри) — дворец в Париже, резиденция французских королей и императоров.

Камерата. — Графиня *Камерата,* кузина герцога Рейхштадтского. *Прокеш,* Остен-Антон фон (1795—1876) — австрийский государственный деятель, автор многочисленных мемуаров. Персонаж пьесы «Орленок».

Колдунья. — *Эльфы* — духи, имеющие человеческий образ, обитают в воздухе, в лесу, на холмах, в жилищах людей (герм.).

Людовик XVII. — *Дофина бил сапожника кулак...* — Сын Людовика XVI, казненного во время французской революции, наследник французского престола, Людовик XVII Карл (1785—1795) в восьмилетнем возрасте был заключен в замок Тампль и отдан под надзор грубому якобинцу, сапожнику Симону.

На скалах. — Воспоминание об одиннадцатилетнем Володе Миллере, сыне хозяина пансиона в итальянском городе Нерви, в котором в 1902 г. жила семья Цветаевых. Сестры Цветаевы были дружны с ним.

В Ouchy. — *Ouchy* (Уши́) — предместье Лозанны, где сестры Цветаевы учились в пансионе (1903—1904).

Акварель. — Акростих, посвященный *Ане Калин,* соученице А. Цветаевой, подруге сестер Цветаевых.

Сказочный Шварцвальд. — Воспоминания о поездке в Германию летом 1904 г. с родителями.

Как мы читали «Lichtenstein» — «Лихтенштейн» *(«Lichtenstein»)* — роман немецкого писателя Вильгельма Гауфа (1802—1827) из истории Германии XVI в. Одна из самых любимых книг юной Цветаевой.

Книги в красном переплете. — *Григ* Эдвард (1843—1907) — норвежский композитор, пианист. *Шуман* Роберт (1810—1856) — немецкий композитор. *Кюи* Цезарь Антон (1835—1918) — русский композитор. *Том... Бэкки... Индеец Джо... Гекк Финн... Принц и Нищий* — герои произведений американского писателя Марка Твена (1835—1910).

В сумерках. — *Поль Шабас* (1869—1937) — французский художник. *Кланя Макаренко* — по-видимому, гимназическая подруга Цветаевой.

Памяти Нины Джаваха. — *Нина Джаваха* — героиня повести «Княжна Джаваха» русской писательницы Лидии Алексеевны Чарской (настоящая фамилия Чурилова; 1875—1937).

Пленница. — *Тюрьма Эскуриала.* — Эскориал — резиденция испанских королей, построена для Филиппа II (XVI в.).

Сестры. — Эпиграф. — После разговора с В. Нилендером, который передал М. Цветаевой предложение Эллиса выйти за него замуж (см. стихотворение «Ошибка»), обеим сестрам приснился один и тот же сон (Ц в е т а е в а А. Воспоминания, М.: Сов. писатель, 1983. С. 315). *Над ним, любившим только древность...* — Речь идет о Владимире Оттоновиче Нилендере (1883—1965), поэте, переводчике с древнегреческого. Был большим другом сестер Цветаевых. К нему обращены стихотворения «На прощанье», «Встреча» («Гаснул вечер, как мы умиленный...»), «Детская», «Невестам мудрецов», «Надпись в альбоме», «Очаг мудреца» и др.

Мама в саду. — *Галя Дьяконова* — соученица А. Цветаевой, подруга сестер Цветаевых. Впоследствии жена французского поэта Поля Элюара, затем испанского художника Сальвадора Дали. Умерла в 1982 г.

Ошибка. — Ответ на предложение Эллиса выйти за него замуж.

Бывшему Чародею. — Обращено к Эллису и является откликом на скандал, разразившийся после того, как Эллис легкомысленно вырезал несколько страниц из книг в библиотеке Румянцевского музея. В стихотворении Цветаева берет Эллиса под защиту. В письме к Андрею Белому Эллис писал: «Вчера вдруг получаю письмо из Парижа от старшей дочери Цветаева, Маруси, моей большой поклонницы. Она все узнала от Аси... Маруся мне пишет, что она, веря в меня и не требуя никаких доказательств, считает своей обязанностью сделать все, чтобы меня спасти... «Если с Вами что-либо сделают, я застрелюсь!» — пишет она... — «Вас не смеют судить, и если бы вы раскрали $^{1}/_{2}$ музея, то все

равно они не смеют вас судить!» (Белый А. Между двух революций. М.: Худож. лит., 1990. С. 536). Письмо Цветаевой, которое цитирует Эллис, не сохранилось.

Недоумение. — Обращено к Валерию Яковлевичу Брюсову (1873—1924). Стихотворение навеяно встречей А. Цветаевой с Брюсовым. «В один весенний день я ехала на трамвае по бульварному кольцу „А", как часто, с книгой стихов. На этот раз это был сборник Брюсова. Перевертывая страницу, я подняла глаза и заметила, восхищенно, с испугом: напротив меня сидел Валерий Брюсов... Я, будто глядя в книгу, а на деле — наизусть, начала вполголоса... читать — в воздух — его стихи... Брюсов не мог не слышать, не узнать своих стихов... Его лицо стало встревоженным... Наконец он не выдержал, встал и направился к выходу...» (Цветаева А. Воспоминания. М.: Сов. писатель, 1983. С. 282).

Сказки Соловьева. — *Соловьев* Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт и переводчик, впоследствии священник. *Звездоглазка, Жемчужная Головка, Апрельская Роза* и т. п. — персонажи сказок Соловьева из его книги «Crurifragium» (М., 1908).

Ricordo di Tivoli. — *Тиволи* — небольшой город в Италии.

У кроватки. — *Генерозова* Валентина Константиновна — гимназическая подруга Цветаевой (1906—1907).

В воспоминаниях В. К. Генерозовой (Перегудовой) говорится еще об одном стихотворении Цветаевой, ей посвященном и в ее памяти сохранившемся:

«Как-то, в бытность Марины в нашей гимназии, когда мы вечером были, как обычно, в классе для приготовления уроков, одна из девочек неожиданно обидела в моем присутствии другую девочку. Неожиданно для самой себя я вскочила с парты и весьма горячо (что вообще несвойственно было мне из-за ненужной застенчивости) выступила в защиту обиженной девочки. Тем же вечером, вернее, как всегда, ночью Марина принесла мне стихотворение, посвященное мне, сказав: «Увидела сегодня еще незнакомые мне огни в ваших глазах».

Я два озера встретил на дальнем пути —
Голубые, далекие, чистые.
В них дрожали огни убегавшей реки,
Отражалися звезды лучистые.
Темный лес их глубокий покой сторожил,
Их порывы ревниво берег,
Но порой в них метался и бил
Бурной жизни кипучий поток».

(Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 27—28). См. также письмо к В. К. Генерозовой в т. 6.

Плохое оправданье. — *Сад из Эдема.* — Эдем (библ.) — страна, где обитали Адам и Ева до грехопадения, синоним рая.

«Прости» Нине. — См. комментарий к стихотворению «Нине».

Правда. — *Vitam impendere vero* (лат.) — цитата из «Сатир», IV, римского поэта Децима Юния Ювенала (ок. 60 — ок. 127).

Невестам мудрецов. — См. комментарий к стихотворению «Сестры». — *Геката* (греч. миф.) — богиня луны. *Они покой находят в Гераклите,//Орфея тень им зажигает взор...* — Подразумеваются переводы Гераклита и гимнов Орфея, выполненные В. Нилендером. Книга Гераклита «Фрагменты» в его переводе вышла в 1910 г. в издательстве «Мусагет».

Осужденные. — Посвящено сестрам Тургеневым. Сестры Тургеневы — двоюродные внучки И. С. Тургенева: Наталья Алексеевна (1888 — 1943), Анна Алексеевна (1890 — 1966, Ася — жена Андрея Белого), Татьяна Алексеевна (1894 — 1966).

В зеркале книги М. Д.-В. — М. Д.-В. — Марселина Деборд-Вальмор (1786 — 1859) — французская поэтесса. Один из главных мотивов ее лирики — скорбь неразделенной любви.

«Безнадежно-взрослый Вы? О, нет!..» — Стихотворение было послано вместе с письмом от 27 декабря 1910 г. Максимилиану Александровичу Волошину (1877 — 1932). См. также цикл «Ici — Haut» и комментарии к нему.

За книгами. — *Давид (Дэвид) Копперфильд* — роман английского писателя Чарлза Диккенса (1812 — 1870). Одна из самых любимых книг Цветаевой. Много позднее, в письме к Анне Тесковой от 7 февраля 1938 г., она писала о том, как снова вернулась к любимой в детстве книге: «Утешаюсь еще Давидом Копперфильдом *(какая* книга!)...» (Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. Прага: Academia, 1969. С. 158).

Баярд. — *Баярд* Пьер дю Террайль (1476 — 1524) — французский военачальник, прозванный «рыцарем без страха и упрека». Обращено к юному другу Миллеру (см. стихотворение «На скалах» и комментарий к нему).

Очаг мудреца. — *Нереиды* (греч. миф.) — морские нимфы, дочери морского старца Нерея, олицетворяли спокойное, ласковое море.

Победа. — *Тень Эвридики* — см. комментарий к стихотворению «Как сонный, как пьяный...»

Распятие. — *Малютка Назарей* — от евр. *назореи* — отделенные, посвященные. Так назывались иудеи, давшие обет на время или на всю жизнь не употреблять вина и винограда, не стричь волос, не бывать на погребениях.

«И уж опять они в полуистоме...» — *Ундина* — героиня одноименной повести немецкого писателя Фридриха де Ламотт-Фуке (1777 — 1843). Любимая книга Цветаевой в детстве. На русский переведена В. А. Жуковским.

Гимназистка. — *Бурже* Поль Шарль Жозеф (1852 — 1935) — французский писатель.

После чтения «Les rencontres de M. de Bréot» Regner. — Роман «Встречи господина де Брео» французского поэта и романиста Анри де Ренье (1864—1936) Цветаева получила в подарок от М. Волошина. О прочтении книги, ее неприятии и возникшей вслед за этим недолгой размолвке с Волошиным Цветаева написала в очерке «Живое о живом» (см. т. 4).

В. Я. Брюсову. — Отклик Цветаевой на поверхностную и пренебрежительную рецензию В. Брюсова на ее первый сборник «Вечерний альбом» (Русская мысль. М. 1911. № 2). *«Острых чувств» и «нужных мыслей».* — Цветаева обыгрывает выражения критика из его статьи.

Бабушкин внучек. — Посвящено, как и два последующих, Сергею Яковлевичу Эфрону (1893—1941), будущему мужу. «Они встретились — семнадцатилетний и восемнадцатилетняя — 5 мая 1911 года на пустынном, усеянном мелкой галькой коктебельском, волошинском берегу. Она собирала камешки, он стал помогать ей, красивый грустной и кроткой красотой юноша, почти мальчик... — с поразительными, огромными, в пол-лица, глазами... Обвенчались Сережа и Марина в январе 1912 года...» (Эфрон А. С. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Сов. писатель, 1989. С. 50).

Белоснежка. — *Александр Давидович Топольский* — литератор, знакомый Цветаевой.

На радость. — *С. Э.* — С. Я. Эфрон.

Герцог Рейхштадтский. — См. комментарий к стихотворению «В Париже». *Вендомская (Вандомская) колонна* — знаменитая колонна на Вандомской площади в Париже. На высоте 44 метров увенчана статуей Наполеона.

Неразлучной в дорогу. — Обращено к А. Цветаевой.

Бонапартисты. — Посвящено Наполеону, кумиру Цветаевой в юношеские годы. «...она была увлечена Наполеоном Бонапартом, нет, влюблена в него, готова за него жизнь отдать — столетие спустя; как всякая страсть, которая не есть призвание, это было наваждением, и, как всякое наваждение, это вскоре прошло...» — писала А. Эфрон (там же. С. 66). *Там, на гранитной скале...* — Последние годы жизни Наполеон провел в заточении на острове св. Елены, где и умер в 1821 г. *День Аустерлица* — 2 декабря 1805 г., в битве под городом Аустерлицем (ныне Славков), Наполеон одержал победу над войсками Австрии и России.

Конькобежцы. — *Борис* — Трухачев Борис Сергеевич (1893—1919) — первый муж Анастасии Цветаевой.

«Прости» волшебному дому. — В связи с предстоящим замужеством Цветаева в конце 1911 г. покинула свой дом в Трехпрудном переулке. См. также стихотворение «Ты, чьи сны еще непробудны...»

Из сказки — в сказку. — Обращено к С. Эфрону.

В. Я. Брюсову. — Цветаева вновь откликается на критику В. Брюсова, теперь уже на ее второй сборник «Волшебный фонарь» (Русская мысль. М. 1912. № 7). В своей рецензии В. Брюсов отмечал узость темы, небрежность и слабость сборника.

«Он приблизился, крылатый...» — стихотворение имело заглавие «Смертный час Марии Башкирцевой», позднее снятое так же, как эпиграф:

Принцесса, на земле не встретившая принца,
Оставшаяся нам загадкой и цветком,
Наш мир не стоит твоего мизинца
С точеным ноготком!

«Идешь, на меня похожий...» — В ранней редакции после четвертой строфы шли строки:

Я вечности не приемлю!
Зачем меня погребли?
Я так не хотела в землю
С любимой моей земли!

«Сердце, пламени капризней...» — Этим стихотворением Цветаева сопроводила дарственную надпись художнику Константину Федоровичу Богаевскому (1872—1943) на экземпляре своего первого сборника «Вечерний альбом» (М., 1910). Печатается по оригиналу (архив составителей). См. также комментарий к письму Цветаевой к Ж. и К. Богаевским (т. 7).

«Мальчиком, бегущим резво...», «Я сейчас лежу ничком...» — Обращены к Михаилу Соломоновичу Фельдштейну (1884—1939), впоследствии — мужу В. Я. Эфрон, сестры С. Я. Эфрона. См. письма к нему т. 6.

Сергею Эфрон-Дурново (1—2). — Дурново — фамилия матери С. Эфрона Елизаветы Петровны (1855—1910).

1. *«Есть такие голоса...»* — В рукописи была вычеркнута четвертая строфа:

Девушкой — он мало лун
Встретил бы, садясь за пяльцы...
Кисти, шпаги или струн
Просят пальцы.

Аля («Аля! — Маленькая тень...»). — Аля — дочь Цветаевой, Ариадна Сергеевна Эфрон (1912—1975). «Я назвала ее Ариадной, — писала Цветаева в 1913 г., — вопреки Сереже (мужу), который любит русские имена, папе, который любит имена простые, друзьям, которые находят, что это „салонно“... Назвала от романтизма и высокомерия, которые руководят всей моей жизнью... — Ариадна! Ведь это ответственно! — Именно потому». Ариадна Сергеевна сохранила архив матери, много работала над ним, занималась публикацией произведений Цветаевой, подготовила к изданию ее книги. Обладала незаурядным литературным дарованием: оставила замечательные воспоминания о Цветаевой (О Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1989). Была талантливым переводчиком-поэтом. *Диана* (рим. миф.) — богиня растительности, родовспомогательница,

олицетворение луны, покровительница охоты и женского целомудрия. *Минерва* (рим. миф.) — богиня мудрости, покровительница наук и искусств.

Генералам двенадцатого года. — Посвящено С. Эфрону. В первоначальном варианте стихотворение начиналось строфой, позднее опущенной:

Одна улыбка на портрете,
Одно движенье головы, —
И чувствуется, в целом свете
Герои — вы.

Тучков-четвертый Александр Алексеевич (1778—1812) — генерал-майор, павший в Бородинском сражении. Дочь Цветаевой А. С. Эфрон писала А. А. Саакянц 23 марта 1961 г.: «...история стиха такова (истории, связанные со многими стихами, помню!) — на толкучке, в той, старой Москве, которую Вы знаете только по стихам, а я еще застала ребенком, — мама купила чудесную круглую высокую (баночку? коробочку?) из папье-маше с прелестным романтическим портретом Тучкова-четвертого в мундире, в плаще на алой подкладке — красавец! И, хотя в те годы мама явно предпочитала Наполеона его русским противникам, но перед красотой Тучкова не устояла — вот и стихи! Коробочка эта сопутствовала маме всю жизнь, стояла на ее столе, с карандашами, ручками. Ездила из России, вернулась в Россию... Где она теперь?..»

«Вы родились певцом и пажем...» — По свидетельству М. Кудашевой, стихотворение написано совместно с нею. (Архив составителей). Кудашева (урожденная Кювилье) Мария Павловна (1895—1986), впоследствии жена Р. Роллана.

«Макс Волошин первый был...» — *Майенка* — М. П. Кудашева-Роллан. *Бальмонт* — см. комментарий к стихотворению «Бальмонту». *Вячеслав Иванов* — см. комментарий к стихотворению «Вячеславу Иванову».

«В огромном липовом саду...» — *«О, Дафнис, вспомни Хлою!»* — Юные герои романа греческого писателя Лонга (2—3 вв. н. э.) «Дафнис и Хлоя».

С. Э. («Я с вызовом ношу его кольцо...») — Посвящено мужу, С. Эфрону; свадьба их состоялась 27 января 1912 г. Кольцо, на внутренней стороне которого выгравирована дата свадьбы и имя Марина, находится ныне в Государственном Литературном музее в Москве; «его» кольцо, с именем Сергей, не сохранилось.

Але (1—2) — Обращено к дочери. См. выше комментарий к стихотворению «Аля».

П. Э. — Цикл посвящен брату мужа Цветаевой, Петру Яковлевичу Эфрону (1884—1914), умиравшему от туберкулеза. К нему обращено также незавершенное стихотворение «Я видела Вас три раза...» П. Я. Эфрон скончался 28 июля. См. также письма к нему в т. 6.

Бабушке. — Посвящено памяти Марии Лукиничны Бернацкой, в замужестве Мейн (1841 — 1869), бабушке Цветаевой по материнской линии.

Подруга (1 — 17). — Цикл стихотворений обращен к поэтессе Софье Парнок (1885 — 1933), с которой Цветаеву связывала пылкая дружба-любовь в 1914 — 1915 гг. См. также «Письмо к Амазонке» и комментарий к нему (т. 5).

5. *«Сегодня, часу в восьмом...»* — *Кай* — персонаж сказки датского писателя Х.-К. Андерсена «Снежная королева».

10. *«Могу ли не вспомнить я...»* — *«О, будьте моим Орестом!»* — Цветаева обыгрывает миф (греч.) о двоюродных братьях, Оресте и Пиладе, связанных тесной дружбой, готовых пожертвовать друг ради друга жизнью.

14. *«Есть имена, как душные цветы...»* — *Моя душа спартанского ребенка.* — См. комментарий к стихотворению «Нá смех и нá зло...»

Германии («Ты миру отдана на травлю...» — *Над вечным Рейном — Лорелей* — Лорелея — по немецким сказаниям, рейнская фея. Своими песнями заманивала едущих по Рейну к себе в подводное царство.

Анне Ахматовой. — См. комментарии к циклу «Ахматовой».

«Мне нравится, что Вы больны не мной...» — Обращено к Маврикию Александровичу Минцу (1886 — 1917), впоследствии мужу А. И. Цветаевой.

Асе («Ты мне нравишься: ты так молода...») — Записано со слов А. И. Цветаевой. Написано по случаю разрешения, полученного А. И. Цветаевой от цензуры на печатание книги ее прозы «Королевские размышления» (М., 1915). *«Что за книгой книгу пишешь...»* — Вслед за «Королевскими размышлениями» у А. И. Цветаевой вышла книга «Дым, дым и дым» (М., 1916). *Кант* Иммануил (1724 — 1804), *Шеллинг* Фридрих Вильгельм Иозеф (1775 — 1854), *Ницше* Фридрих (1844 — 1900) — немецкие философы.

«Спят трещотки и псы соседовы...» — *Кордова* — город в Испании, знаменит своими церквами и монастырями.

«Все Георгии на стройном мундире...» — Имеются в виду все четыре степени русского военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Был учрежден в 1769 г. *Овидий* — Овидий Публий Назон (43 до н. э. — ок. 18 н. э.) — римский поэт. *Сафо* (конец VII — начало VI в. до н. в.) — древнегреческая поэтесса.

«Лорд Байрон! — Вы меня забыли!...» — *Кондотьер* (итал.) — предводитель наемного отряда воинов.

«Как жгучая, отточенная лесть...» — *Ars Amandi* — так Цветаева называет «не читанную ею» поэму Овидия «Искусство любви». См. также стихотворение «В гибельном фолианте...», написанное в тот же день.

«Лежат они, написанные наспех...» — В 1938 — 1939 гг. Цветаева изменила первую строчку стихотворения («Летят они, — написанные наспех...») и передатировала его на январь 1916 г.

«Никто ничего не отнял!..» — Обращено к поэту Осипу Эмильевичу Мандельштаму (1891 — 1938), с которым Цветаева познакомилась в 1915 г. во время его приезда в Москву. Поэзию Мандельштама Цветаева всегда ценила высоко, видела в ней «магию», «чару», несмотря на «путаность и хаотичность мысли», а также утверждала, что на поэзии Мандельштама лежит след «Десницы Державина» (статья «Поэт-альпинист», см. т. 5). Мандельштам посвятил Цветаевой в том же 1916 г. стихотворения «В разноголосице девического хора...», «Не веря воскресенья чуду...», «На розвальнях, уложенных соломой...».

«Собирая любимых в путь...», «Ты запрокидываешь голову...», «Откуда такая нежность?..», «Разлетелось в серебряные дребезги...» — Обращено к О. Мандельштаму (см. комментарий к стихотворению «Никто ничего не отнял!..»).

«Не сегодня-завтра растает снег...» — Обращено к поэту Тихону Васильевичу Чурилину (1885 — 1946); короткое время был другом Цветаевой. Анастасия Цветаева в своих воспоминаниях (текст не вошел в ее книгу) дает портрет Чурилина тех дней: «...черноволосый и не смуглый, нет — сожженный. Его зеленоватые, в кольце темных воспаленных век, глаза казались как ночь (а были зелено-серые). Его рот улыбался и, прерывая улыбку, говорил из сердца лившиеся слова, будто он знал и Марину и меня... целую уж жизнь, и голос его был глух... рассказывал колдовскими рассказами о своем детстве... и я писала в дневник: „Был Тихон Чурилин, и мы не знали, что есть Тихон Чурилин — до марта 1916 года“» (Архив составителей). Чурилин посвятил Цветаевой прозу «Из детства далечайшего. Главы из поэмы» (1916). *Рогожин* — персонаж романа Ф. М. Достоевского «Идиот».

«Голуби реют серебряные, растерянные, вечерние...» — Обращено к Т. Чурилину (см. комментарий к предыдущему стихотворению).

«Гибель от женщины. Во́т зна́к...», «Приключилась с ним странная хворь...» — Обращены к О. Мандельштаму (см. комментарий к стихотворению «Никто ничего не отнял!..»).

«В день Благовещенья...» — *Распростившись с гостями пернатыми.* — В день Благовещенья 25 марта (7 апреля), по народным обычаям, выпускали на волю птиц.

«Четвертый год...» — Обращено к дочери Ариадне. См. комментарий к стихотворению «Аля».

«Димитрий! Марина! В мире...» — См. комментарий к циклу стихотворений «Марина».

Стихи о Москве (1 — 9). — Цикл был вдохновлен поездкой зимой 1915 — 1916 г. в Петербург. Позднее Цветаева описала эту поездку в очерке «Нездешний вечер» (см. т. 4).

1. *«Облака — вокруг...»* — *Первенец* — дочь Цветаевой Ариадна. *Семихолмие.* — По преданию, Москва была заложена на семи холмах. *Ваганьково* — московское кладбище.

2. *«Из рук моих — нерукотворный град...»* — Стихотворение, как и следующее, обращено к О. Мандельштаму, которому Цветаева «дарила Москву» (см. комментарий к стихотворению «Никто ничего не отнял!..»). *Часовня звездная* — стоявшая у входа на Красную площадь Иверская часовня с голубым куполом, украшенным золотыми звездами. *Пятисоборный... круг* — площадь в Кремле с пятью соборами. *Нечаянныя Радости* — церковь в Кремле.

3. *«Мимо ночных башен...»* — *Иверская* — см. комментарий к стихотворению «Из рук моих — нерукотворный град...»

5. *«Над городом, отвергнутым Петром...»* — *Отвергнутым Петром.* — В 1712 г. Петр I перенес столицу из Москвы в Петербург. Помета Цветаевой под стихотворением, сделанная 23 февраля 1939 г.: «NB! Никто не отвергал. Так. А ведь как — обиженно и заносчиво — и убедительно! — звучит».

7. *«Семь холмов — как семь колоколов!..»* — *Иоанн Богослов* — один из апостолов Христа. День его памяти по церковному календарю приходился на 26 сентября, день рождения Цветаевой.

8. *«Москва! Какой огромный...»* — *Пантелеймон* — имя святого-«исцелителя», изображавшегося на иконах в облике отрока. *Иверское сердце// Червонное горит.* — В Иверской часовне находилась икона Иверской Божией матери в окладе из червонного золота. *Аллилуйя* — хвала Господу.

Бессонница (1 — 11).

11. *«Бессонница! Друг мой!..»* — Посвящено Татьяне Федоровне Скрябиной (урожденной Шлецер; 1883 — 1922), вдове композитора. Т. Ф. Скрябина страдала бессонницей, ускорившей ее кончину. Цветаева не раз ночами дежурила у кровати больной. В письме к Б. Пастернаку от 29 июня 1922 г. она писала: «11-го (по старому апреля 1922 г. — Похороны Т. Ф. Скрябиной. Я была с ней в дружбе 2 года подряд, — ее единственным женским другом за жизнь. Дружба суровая: вся на деле и в беседе, мужская, вне нежности земных примет».

Стихи к Блоку (1 — 17). — Цветаева не была знакома с Блоком. Она видела его дважды во время его выступлений в Москве 9 и 14 мая 1920 г. Свое преклонение перед поэтом, которого она называла «сплошной совестью», воплощенным «духом» и считала явлением, вышедшим за пределы литературы, Цветаева пронесла через всю жизнь. Она не раз упоминала Блока в своей прозе. Доклад «Моя встреча с Блоком», прочитанный ею 2 февраля 1935 г., не сохранился.

3. *«Ты проходишь на Запад Солнца...»* — Первые две строки стихотворения, перефразированные слова молитвы «Свете тихий»: «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...». *Свете тихий, святыя славы* — слова из этой же молитвы.

5. *«У меня в Москве — купола горят!»* — *В них царицы спят, и цари.* — В Кремлевском Архангельском соборе находится усыпальница русских царей.

9. *«Как слабый луч сквозь черный морок адов...»* — Написано после блоковского вечера 9 мая 1920 г. *Под рокот рвущихся снарядов.* — В этот день в Москве взорвалось несколько артиллерийских складов. *Как станешь солнце звать...* — Речь идет о стихотворении «Голос из хора», прочитанном Блоком на этом вечере.

10. *«Вот он — гляди — уставший от чужбин...»;* 12. *«Други его — не тревожьте его!..»;* 13. *«А над равниной...»;* 14. *«Не проломанное ребро...».* — Все четыре стихотворения написаны, судя по пометам в тетради, на девятый день после кончины Блока.

В эти же дни Цветаева писала Ахматовой: «Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил. Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным (в нашей любви). Ничего не оборвалось — отделилось. Весь он такое явное торжество духа, такой воочию — дух, что удивительно, как жизнь — вообще — допустила.

Смерть Блока я чувствую как Вознесение.

Человеческую боль свою глотаю. Для него она кончена, не будем и мы думать о ней (отождествлять его с ней). Не хочу его в гробу, хочу его в зорях».

11.. *«Останешься нам иноком...»* — *Крест на Смоленском кладбище.* — Похороны Блока состоялись на Смоленском кладбище в Петрограде 10 августа. Впоследствии прах поэта был перенесен на Литераторские мостки Волкова кладбища.

15. *«Без зова, без слова...»* — *До трубы* — до Страшного суда, на котором Бог, по Библии, после конца света будет судить людей и их дела; ангелы «трубным гласом» созовут всех живых и мертвых. В окончательный текст стихотворения не вошли строки:

Надбровного свода
Все та ж роковая дуга...
Над сальной колодой
Захожая медлит судьба.

Где старец тот Осип
С девицею-свет-наш-явлен?
Звезда-моя-россыпь,
Которая — в град Вифлеем?

См. также цикл «Вифлеем» и комментарий к нему.

16. *«Как сонный, как пьяный...»* — *Не ты ли//Ее шелестящей хламиды//Не вынес — //Обратным ущельем Аида?* — Подразумевается эпизод из мифа о древнегреческом певце и музыканте Орфее и его жене Эвридике, за которой он спустился в подземное царство (Аид), чтобы вывести ее оттуда. Но, ведя за собой Эвридику, он не должен был оглядываться, однако не выдержал — и навсегда потерял ее. *Гебр* — древнее название реки Марицы во Фракии. *Голова* — Орфея. См. стихотворение «Так плыли: голова и лира...» и комментарий к нему.

17. *«Так, Господи! И мой обол...»* — *Обол* (греч.)—монета. *На утвержденье храма.* — Имеется в виду евангельская притча о бедной вдове, положившей две лепты (мелкие монеты) в сокровищницу Иерусалимского храма.

«В оны дни ты мне была, как мать...» — Обращено к С. Парнок. См. комментарий к циклу «Подруга».

«Я пришла к тебе черной полночью...» — Посвящено С. Эфрону.

«Много тобой пройдено...» — Первоначально входило четвертым стихотворением в цикл 1916 г. «Стихи к Блоку» (журнал «De Visu». М. 1993. № 9. С. 8).

Ахматовой (1—13).

С творчеством А. А. Ахматовой (1889—1966) Цветаева познакомилась в 1912 г., когда прочла ее книгу «Вечер», и на долгие годы сохранила восторженное отношение к ней. К весне 1917 г. относится запись Цветаевой о стихах Ахматовой:

«Все о себе, все о любви. Да, о себе, о любви—и еще—изумительно—о серебряном голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губернии, о смуглых главах херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложенном на Песни Песней, о воздухе, «подарке Божьем»... и так без конца... и есть у нее одно 8-стишие о юном Пушкине, которое покрывает все изыскания всех его биографов. Ахматова пишет о себе—о вечном. И Ахматова, не написав ни одной отвлеченно-общественной строчки, глубже всего—через описание пера на шляпе—передаст потомкам свой век... О маленькой книжке Ахматовой можно написать десять томов—и ничего не прибавишь... Какой трудный и соблазнительный подарок поэтам—Анна Ахматова!»

О своей любви к Ахматовой Цветаева пишет и в 1926 г., из-за границы. Однако впоследствии Цветаева несправедливо изменила отношение к Ахматовой. В 1940 г. она дает такую оценку ахматовскому сборнику «Из шести книг»: «...прочла, перечла почти всю книгу Ахматовой, и—старо, слабо. Часто... совсем слабые концы, сходящие (и сводящие) на нет... Но что она делала с 1917 по 1940 гг.? Внутри себя... Жаль». Встреча Цветаевой и Ахматовой состоялась 7—8 июня 1941 г. в Москве.

4. *«Имя ребенка—Лев...»* — *Лев* — сын А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева. Родился в 1912 г., умер в 1992 г.

8. *«На базаре кричал народ...»* — *Сергий-Троица* — Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде под Москвой. *Богородицею хлыстовскою.* — *Хлыстовщина* — раскольническое течение на Руси. Хлысты, его приверженцы, отвергали святых и церковь, допускали возможность сделаться каждому человеку Христом. Эта тема впоследствии нашла отражение в рассказе Цветаевой «Хлыстовки» (см. т. 5).

«Белое солнце и низкие, низкие тучи...» — Стихотворение написано в городе Александрове Владимирской губернии, где Цветаева проводила лето 1916 г. и где видела проводы солдат на войну. В «Истории одного посвящения» (1931) она вспоминает об этом: «Городок в черемухе,

в плетнях, в шинелях. Шестнадцатый год. Народ идет на войну... Махали — мы — платками, нам фуражками. Песенный вой с дымом паровоза ударял в лицо, когда последний вагон давно уже скрылся из глаз».

«Искательница приключений...» — *Пятая заповедь* (библ.) — «Чти отца твоего и матерь твою». *Асти* — красное вино, которое производится в окрестностях итальянского города Асти. *Веттурино* (итал.) — возница. *Коринна и Освальд* — герои романа французской писательницы Анны Луизы Жермены де Сталь (1766 — 1817) «Коринна, или Италия».

Даниил (1 — 3). Цикл, так же как и стихотворения «Бог согнулся от заботы...», «И другу нá руку легло...», «...Я бы хотела жить с Вами...», «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...», «Кабы нас с тобой да судьба свела...», «Из Польши твоей спесивой...» и еще ряд стихотворений 1916 — 1918 гг., посвящены Никодиму Акимовичу Плуцер-Сарна (1881 — 1945), другу Цветаевой. В послереволюционные годы он помогал ей и поддерживал в трудных житейских обстоятельствах.

1. *«Села я на подоконник, ноги свесив...»* — *Терзают львы.* — По библейскому преданию, враги бросили пророка и тайновидца Даниила в ров со львами, но Бог уберег его от гибели.

2. *«Наездницы, развалины, псалмы...»* — *Иегова* — одна из форм имени Бога.

«Бог согнулся от заботы...» — См. комментарий к циклу «Даниил».

«Чтоб дойти до уст и ложа...» — *Мимо страшной церкви Божьей.* — Среди записей Цветаевой, сделанных в 1921 г., следующая: «Внучка священника — а в церкви чувствую себя нечистым духом, или Хомой Брутом: жуть порчи, риз и ряс, золота и серебра. Иконы (лики!) и свечи (живой огонь!) — люблю». Позже, в 1933 г., она заметила: «Я человек вне-церковный, даже физически: если стою — всегда у *входа*, т. е. у *выхода*, чтобы идти дальше».

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...» — *У того, с которым Иаков стоял в ночи* — то есть у Бога, с которым, по библейской легенде, вступил в единоборство Иаков и получил за это благословение. См. комментарии к циклу «Даниил».

«И поплыл себе — Моисей в корзине!..» — *Моисей в корзине.* — По библейскому преданию, младенец Моисей, будущий пророк, был найден дочерью египетского фараона на берегу Нила в тростниковой корзине. Этот образ Цветаева не раз использовала в своих произведениях.

«Соперница, а я к тебе приду...» — Обращение к жене Н. А. Плуцер-Сарна, Татьяне Исааковне (1887 — 1972). (Сообщено Е. И. Лубянниковой).

«И другу нá руку легло...» — См. комментарий к циклу «Даниил».

Евреям («Кто не топтал тебя — и кто не плавил...») — *Марк, Матфей, Иоанн, Лука* — евангелисты, авторы святых благовествований книг Нового завета.

«Словно ветер над нивой, словно...» — *Элоим* (Элои) — Боже мой (арам.).

«Счастие или грусть...» — В стихотворении идет речь о Н. Н. Гончаровой (Пушкиной), вторично вышедшей замуж за генерала П. П. Ланского. «Было в ней одно: красавица, — писала Цветаева в 1929 г. — Только — красавица, просто — красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И — сразила. Просто — красавица. Просто — гений... Тяга Пушкина к Гончаровой... — тяга гения — переполненности — к пустому месту. Чтоб было куда... Он хотел нуль, ибо сам был — всем» (очерк «Наталья Гончарова» — см. т. 4).

«У камина, у камина...» — ...по Нилу//Плыть, дитя в корзине: — См. комментарий к стихотворению «И поплыл себе — Моисей в корзине!..» *...Агарь в своей пустыне//Шепчет Измаилу...* — См. комментарий к стихотворению «По загарам — топор и плуг...»

«Август — астры...» — Яблоком своим имперским... Именем своим имперским. — Свое название месяц получил в честь римского императора Августа (63 до н. э. — 14 н. э.). На одной из его монет имеется изображение шара как символа владычества (шар-держатель-«яблоко»).

Дон-Жуан. В письме Цветаевой к О. Е. Колбасиной-Черновой от 22 февраля 1925 г. читаем: «...будь Дон-Жуан *глубок,* мог ли бы он любить всех? Не есть ли это „всех“ неизменное следствие поверхностности? Короче: можно ли любить всех — трагически? Ведь Дон-Жуан смешон... Или это *трагическое* всех, трагедия вселюбия — исключительное преимущество женщин? (Знаю по себе)».

«И сказал Господь...» — Дочь Иаира. — См. комментарий к циклу «Дочь Иаира».

Царю — на Пасху. — В своем Селе — то есть в Царском Селе, под Петербургом (после 1918 г. — город Пушкин).

«За Отрока — за Голубя — за Сына...» — Алексей — наследник престола цесаревич Алексей Николаевич (1904 — 1918). *Голубь углицкий — Димитрий.* — Царевич Дмитрий (1582 — 1591), сын Ивана Грозного, был убит в Угличе, как полагают, по тайному приказанию Бориса Годунова.

«Чуть светает...» — Просфóра (просвира) — хлебец особой выпечки, употребляемый в христианских обрядах. *Николай* — царь Николай II.

«А всё же спорить и петь устанет...» — под стихотворением поздняя приписка: «(Написано накануне рождения моей второй дочери — Ирины — род<ившейся> 13-го апреля 1917 г. — умершей 2-го февраля 1920 г., в Сретение, от голода, в Кунцевском приюте. Снега, сосны)».

Стенька Разин. — Обращение Цветаевой к данному эпизоду вдохновлено любимым ею с детства произведением — «Ундина» («старинной повестью» Жуковского — стихотворным переложением прозаической повести немецкого писателя-романтика Фридриха де Ламот-Фуке). На тему «Персияночка Разина и Ундина» см. запись 1919 г. в записной книжке Цветаевой (т. 4).

Гаданье (1 — 3).

1. «В очи взглянула...» — под стихотворением в тетради приписка: «Трехпрудный пер<еулок>, рядом с нашим домом, гадали на заборе — 19-го мая 1917 г.

NB! *Линии* мало — точное слово цыганки, к<оторо>го я бы никогда в цыганском гадании не употребила.

„...Но Аллах — мудрее...“»

2. «Как перед царями да князьями стены падают...» — поздняя приписка: «переписываю 27-го мая 1939 г. (в Париже, 32, Б<ульва>р Пастер) накануне Троицына дня — *22* года спустя. И — одобряю. Эти стихи, кстати, горячо одобрил — на каком-то вечере, в Чехии, в 1923 г. какой-то древний и ученый старичок с зелеными глазами змея, оказавшийся мировым ученым археологом Кондаковым. Одобрил — за настоящесть цыганской речи. — Где же Вы так изучили цыган? — О, они мне только гадали... — Замечательно! (На К<ондако>ва никогда ничем нельзя было угодить, а тут — сам подошел)».

На эту приписку А. И. Цветаева заметила: «Где научилась? «С молоком» — кормилицы. Марину кормила цыганка. Меня — мать». (Архив составителей).

«И кто-то, упав на карту...» — Обращено к Александру Федоровичу Керенскому (1881 — 1970) — министру-председателю Временного правительства. *Повеяло Бонапартом...* — Ср. с воспоминаниями сына Керенского, Глеба Александровича: «В прессе того времени часто появлялись насмешки по поводу того, что отец все время держал правую руку за отворотами пиджака, что в глазах газетчиков придавало ему жалкий наполеоновский вид» (Неделя, 1989. № 30). *Гряди, жених!* — в те дни в столице появились «разговоры о якобы намерении Керенского бросить семью и сочетаться браком с актрисой Тиме» (Лосский Б. Н. Наша семья в пору лихолетья 1914 — 1922 гг. — Минувшее, Вып. 11, Париж, 1991. С. 185). *Тиме* Елизавета Ивановна (1884 — 1968) — актриса Александринского театра. *Горит на мундире впалом — // Солдатский крест.* — Речь идет об эпизоде, описанном 21 мая 1917 г. в газете «Утро России» в заметке «Георгиевский крест А. Ф. Керенского». В заметке говорилось, что «гражданин солдат третьего кавказского инженерного полка Д. А. Виноградов, воодушевленный призывом министра к защите свободной России, сорвал со своей груди (Георгиевский крест 2-й степени. — *Сост.*) и передал министру в знак своей преданности и понимания долга». Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990. С. 716. Об отношении Цветаевой к Керенскому см. ее письма к Р. Гулю и А. Тесковой (т. 6) и к А. Берг (т. 7) и комментарии к ним.

«Из строгого, стройного храма...» — *Бальмонт* — см. комментарий к стихотворению «Бальмонту».

«Голубые, как небо, воды...» — Обращено к дочери Ариадне. См. комментарий к стихотворению «Аля». *Марс* (рим. миф.) — бог войны.

Але («А когда — когда-нибудь — как в воду...»). — Обращено к дочери. См. комментарий к стихотворению «Аля».

Переписывая в 1939 г. стихотворение в тетрадь, Цветаева заметила: «(Странно это переписывать на одном из парижских бульваров — кстати, ненавижу — *почти* старой — 22 года спустя.)»

Иоанн (1–4). – *Иоанн* – см. комментарий к стихотворению «Семь холмов – как семь колоколов...»

2. «Запах пшеничного злака...» – в тетради позднее примечание: «(NB! Если бы я эти стихи писала – сейчас, я бы *не* сказала: единородный, а искала бы (и нашла) именно *не* единородного, а сына души моей, дороже сына, такое. Но – это написано 22 года назад, и не трогаю. 28-го мая 1939 г. Париж.)»

Князь тьмы (1–4).

3. «Да будет день! – и тусклый день туманный...» – под стихотворением примечание (NB! Правильнее бы: моим стихам и мне, ибо ночей у меня не было (NB) кроме страшных снов – или прогулок) – были вечера и рассветы – но: *ночам* звучит лучше и больше.)»

«Ну вот и окончена метка...» – «для меня это дневник: если не дел так – чувств...» – написала об этом стихотворении Цветаева в тетрадь в 1939 г.

Юнкерам, убитым в Нижнем. – *Нижний* – Нижний Новгород. См. письмо 13 к Е. Я. Эфрон и комментарии к нему в т. 6.

«С головою на блещущем блюде...» – См. комментарий к стихотворению «Стой!» Не Федра ли под небом...»

«Нет! Еще любовный голод...» – *Шираза лепестки!* – Шираз – персидский город, славившийся своими розами.

Иосиф. – *Иосиф* – в библейской мифологии любимый сын Иакова и Рахили, после долгих злоключений стал правителем Египта. См. также комментарий к стихотворению «И вот исчез, в черную ночь исчез...». *Иакова единоборство* – см. комментарий к стихотворению «Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...».

«Без Бога, без хлеба, без крова...» – *Взирали на Хиос и Смирну...* – Хиос, Смирна – значительные в древности города в Малой Азии; расположены на берегах Эгейского моря.

«Я помню первый день, младенческое зверство...» – Под стихотворением позднее Цветаева приписала: «Я писала за многих. Я *все* понимала, но я не всем – была. 1939 г.»

«Ввечеру выходят семьи...» – В 1939 г. Цветаева дает комментарий к стихотворению: «NB! Напоминает Крысолова. По-моему – XVIII в<ек> в Германии, деревенский. А бледный чужестранец пьяный – француз: либэртэ, фратэрнитэ – и т. д. *Либэртэ, фратэрнитэ* (liberté, fraternité) – свобода, братство *(фр.)*.

«Аймéк-гуарýзим – долина роз...» – *Сарагосса* – город в Испании, бывшая столица королевства Арагон. *Давидов щит* – символ силы и веры иудейского народа.

«Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн...» – Под стихотворением помета: «(NB! Птицы были – пьяные.)» Перебеливая стихотворение в тетрадь, Цветаева записала в 1939 г.: «Такой перерыв – гостила на юге, в имении (абрикосовое дерево) и все время была нá людях – и очень радовалась – и стихи в себе просто заперла)». *Такой перерыв* – предыдущее стихотворение было написано более двух месяцев назад.

Корнилов. — *Корнилов* Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал Белой армии. В стихотворении (и примечании к нему) Цветаева пишет о выступлении Корнилова 14 августа 1917 г. на Московском Государственном Совете, где он призывал применить военную силу в революционном Петрограде.

Руан. — Посвящено памяти Жанны д'Арк (1412—1431), казненной в Руане. В 1939 г., уезжая из Франции, Цветаева отметила в письме к А. А. Тесковой: «Подъезжаем к Руану, где когда-то людская благодарность сожгла Иоанну д'Арк...» *Карл Седьмой* (1403—1461) — французский король. Коронован в Реймсе в 1429 г. при содействии Жанны д'Арк.

Москве (1—3).

1. *«Когда рыжеволосый Самозванец...»* — *Самозванец* — Лжедмитрий I (см. комментарий к циклу «Марина»). *Боярыней Морозовой на дровнях//Ты отвечала Русскому Царю.* — Феодосия Морозова, боярская вдова, после смерти мужа приняла обет старой веры. На известной картине В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» (1877) изображена в санях, на которых ее провозили по улицам Москвы на пути в ссылку, с рукой, поднятой в старообрядческом двуперстном знамении.

2. *«Гришка-Вор тебя не ополячил...»* — *Гришка-Вор* — беглый монах Григорий Отрепьев, которому историки приписывают самозванство на царский престол (Лжедмитрий I).

«Расцветает сад, отцветает сад...» — *И цветет, цветет Моисеев куст.* — По библейскому преданию, Бог, находясь в вечно горящем кусте, говорил с пророком Моисеем.

«Кавалер де Гриэ! — Напрасно...» — *Кавалер де Гриэ, Манон* — герои романа французского писателя Антуана Франсуа Прево д'Экзиля (1697—1763) «История кавалера Де Гриё и Манон Леско».

Братья (1—3). — Цикл обращен к Павлу Григорьевичу Антокольскому (1896—1978) — поэту и в то время актеру, а также к Ю. А. Завадскому, о котором см. цикл «Комедьянт» и комментарии к нему. О возникновении цикла см. также «Повесть о Сонечке» (т. 4).

«На кортике своем: Марина...» — Обращено к С. Я. Эфрону.

«Beau ténébreux! — Вам грустно. — Вы больны...» — Обращено к Ю. А. Завадскому (см. цикл «Комедьянт» и комментарии к нему). *Казанова* Джакомо (1725—1798) — легендарный искатель приключений. Его «Мемуары» Цветаева считала ценнейшим документом эпохи. О Казанове ею написаны пьесы «Приключение» и «Феникс» (см. т. 3).

Плащ (1—3).

2. *«Век коронованной Интриги...»* — *Век, коронованный Голгофой.* — Намек на то, что XVIII в. завершился событиями Великой французской революции 1793 г., в период которой королевская семья и многие представители знати окончили жизнь на эшафоте. *Голгофа* (еванг). — место распятия Иисуса Христа. *За океаном — Лафайет.* — Французский военный и политический деятель Мари Жозеф *Лафайет* (1757—1834) участвовал в войне за независимость американских колоний от англий-

ского владычества. *Согласно сердцу — и Руссо — //Купались в море детских кружев.* — То есть сами нянчили детей, согласно взглядам французского философа и писателя Жан-Жака Руссо (1712 — 1778), проповедовавшего отказ от роскоши и «возврат к природе». *Тюилери* — см. комментарий к стихотворению «В Шенбрунне». *Королева-Колибри* — Мария-Антуанетта (1755 — 1793). *Калиостро,* он же Джузеппе Бальзамо (1743 — 1795) — знаменитый авантюрист XVIII в.

3. *«Ночные ласточки Интриги...»* — *Лозэн* — герцог Арман-Луи Бирон-Гонто (1753 — 1793) — французский военный и политический деятель, прославившийся своими любовными похождениями. Ему посвящена пьеса Цветаевой «Фортуна». *Антуанетты домино* — подразумевается страсть к маскарадам королевы Марии-Антуанетты. *Казанова, Калиостро* — см. комментарии к предыдущему стихотворению. *Плащ цвета времени* — из сказки «Ослиная шкура» французского писателя Ш. Перро (1628 — 1703).

«Кровных коней запрягайте в дровни!..» — *В чертову дюжину — календарь!* — С 1 февраля 1918 г. в России был введен новый календарь. Для получения числа по новому стилю надо было к старому прибавить «чертову дюжину» (тринадцать).

Дон (1 — 3),

1. *«Белая гвардия, путь твой высок...»* — *Вандея — Дон* — проводится параллель между сражением на Дону Добровольческой армии с Красной армией и Вандеей — последним оплотом королевской власти в борьбе против революционных войск в годы Великой французской революции.

«Идет по луговинам лития...» — *Лития* — молитва об упокоении душ усопших.

«...О, самозванцев жалкие усилья!..» — *Запрет на Кремль?* — имеется в виду введенный большевиками порядок входа в Кремль исключительно по пропускам.

«Марина! Спасибо за мир!..» — Обращено к дочери Ариадне. *Саваоф* — одно из имен Бога. *Давид* — см. комментарий к стихотворению «Быть мальчиком твоим светлоголовым...».

Андрей Шенье (1 — 2). — Цикл посвящен французскому революционному поэту *Андре Шенье* (1762 — 1794). Был казнен якобинцами накануне падения диктатуры.

2. *«Не узнаю в темноте...»* — *Консьержерия* — парижская тюрьма, в которую был заключен поэт.

«Не самозванка — я пришла домой...» — *Твой день седьмой...* — На седьмой день, по библейскому преданию, Бог создал человека. *Психея* (греч. миф.) — олицетворение души.

«Ходит сон со своим серпом...» — В беловой тетради помета: «(NB! Смерть показывает людям «птичку»... 1939 г.)».

«Серафим — на орла! Вот бой!..» — Посвящено, как и стихотворение «Заклинаю тебя от злата...», режиссеру и актеру Евгению Багратионовичу Вахтангову (1883 — 1922). *Над церковкой Бориса — и — Глеба.* — Церковь

Бориса и Глеба была расположена на Поварской ул., недалеко от дома Цветаевой в Борисоглебском переулке (не сохранилась).

«Коли в землю солдаты всадили — штык...» — Жанлис Стефани де (1746—1830) — гувернантка детей графа Орлеанского, автор многочисленных работ по воспитанию и сентиментальных исторических новелл.

«Это просто, как кровь и пот...» — «(а оставалось ему жить меньше трех месяцев!)» — поздняя приписка Цветаевой. Царь Николай II со своей семьей был расстрелян в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге.

«Московский герб: герой пронзает гада...» — На гербе Москвы изображен святой Георгий Победоносец.

«В черном небе слова начертаны...» — «Одно из лучших стихотворений во всей книге. МЦ». (Помета 1939 г.)

«Простите меня, мои горы!.. — Под стихотворением помета: «(*Настоящая* молитва солдата. Рассказ владимирской няньки Нади)».

«Благословляю ежедневный труд...» — «NB! Тоже один из лучших стихов в книге». (Помета 1939 г.)

«Я — есмь. Ты — будешь. Между нами — бездна...» — в черновой тетради приписка: «NB! а прошли уже целых двадцать (и весен! и зим!) и *та* шестнадцатилетняя уже десять лет как замужем за тем, кто меня тогда (говорил, что) любил! МЦ. — 26-го августа 1938 г., Париж, Пастер».

«Умирая, не скажу: была...» — Ты, — крылом стучавший в эту грудь. — Речь идет о крылатом Гении, по Цветаевой — мужском олицетворении Музы (см. стихотворение «Разговор с Гением»).

«Ночи без любимого — и ночи...» — Под стихотворением помета: «Попутная мысль: я с необыкновенной легкостью — чувствовала: все — за всех — и говорила это *окончательно* точно, никогда ничего другого (кроме данного) не чувствовала. Это вводило в обман».

«Белизна — угроза Черноте...» — Бледный праведник грозит Содому// Не мечом — а лилией в щите. — Содом (библ.) — Два города, Содом и Гоморра, были испепелены небесными силами за то, что их жители погрязли в распутстве. *Лилия* — в библейских сказаниях символ чистоты, непорочности.

«Я — страница твоему перу...» — приписка 1939 г.: «NB! один из лучших стихов в книге».

«Так, высокó запрокинув лоб...» — «Черновая тетрадь, где написаны все эти стихи, кончена 14-го июля 1918 г. — Ветреный, грустный, радужный вечер. Китайцы. Пометка 1918 г., переписываю из черной чистовой книжки».

«Как правая и левая рука...» — «одни из лучших стихов в книге. 1939 г.»

«Свинцовый полдень деревенский...» — Как — древле — девушка одна... — Речь идет о Жанне д'Арк.

«Белогвардейцы! Гордиев узел...» — Гордиев узел (греч. миф.) — сложнейший узел, завязанный фригийским царем Гордием. По предсказанию оракула, человек, сумевший распутать этот узел, должен был стать властителем всей Азии. Александр Македонский рассек его мечом.

«Стихи растут, как звезды и как розы...». — *...сквозь каменные плиты,//Небесный гость в четыре лепестка.* — Эти слова навеяны эпизодом, записанным маленькой дочерью Цветаевой Алей: «Был теплый и легкий день, и мы с Мариной гуляли... Наверху была большая церковь... Вдруг я увидела, что под ногами у меня растет клевер. Там перед ступеньками были ровно уложенные старинные камни. Каждый из них был в темной рамке из клевера... Я... стала искать четырехлистник... вдруг я нашла... Я бросилась к Марине и подарила ей свою добычу... Она поблагодарила меня и положила его засушить в записную книжку». Приведя стихотворение Цветаевой в своих воспоминаниях, А. С. Эфрон пишет о том, что в нем возникает «счастливый, четырехлистный листок клевера, разысканный некогда... у подножья грациозной громады Покрова в Филях». См. также комментарий к стихотворению «Аля».

Позднее Цветаева сделала приписку: «NB! На эти стихи написана музыка Ф. Гартманом — в Париже, приблизительно в 1935 г. — и кажется издана в 1938 — 1939 гг.» Ф. А. Гартман — см. письма к нему в т. 7.

«Пожирающий огонь — мой конь!..» — В цветаевской трактовке конь, красный конь — символ поэтического вдохновения. Этой теме посвящена поэма Цветаевой «На Красном Коне» (1921) (см. т. 3). См. также стихотворение «Разговор с Гением».

Але (1 — 3). — Обращено к дочери. См. комментарий к стихотворению «Аля».

3. *«И как под землею трава...»* — *Сивилла* — см. комментарий к стихотворению «Сивилла: выжжена, сивилла — ствол...»

«Что другим не нужно — несите мне...» — *Феникс* (миф.) — птица, возрождающаяся из пепла.

«Под рокот гражданских бурь...» — Это и следующее стихотворение обращены к младшей дочери Цветаевой, Ирине (1917 — 1920). *Даю тебе имя — мир.* — В переводе с греческого Ирина означает мир.

«Поступью сановнически-гордой...» — *Орден Льва и Солнца — лист кленовый.* — В своих комментариях к сборнику М. Цветаевой «Лебединый стан» (Анн Арбор, 1980) Р. Кэмбалл приводит суждение С. Карлинского: Цветаева обыгрывает известную иллюстрацию из детской антологии к рассказу А. П. Чехова «Лев и Солнце» (1887), изображающую сановника, любителя нагрудных знаков, на груди которого висел орден с персидской символикой «Лев и Солнце». Но в трактовке Цветаевой орден из чеховского иронического символа превращается в поэтический — пятиконечный кленовый лист, смотрящийся как орден, посланный Богом, что является противопоставлением пятиконечной звезде революционного правительства.

«Был мне подан с высоких небес...» — *Иоанна, Дева-Царь* — Жанна д'Арк.

«Молодой колоколенкой...» — Обращено к дочери Ариадне. См. комментарий к стихотворению «Аля».

«Любовь! Любовь! Куда ушла ты?...» — *Орлеанская Дева* — Жанна д'Арк.

«А всему предпочла...» — *Казанова* — см. комментарий к стихотворению «Beau ténébreux! — Вам грустно. — Вы больны...»

«Я берег покидал туманный Альбиона...» — Обращено к Байрону (см. также стихотворение «Байрону»). Эпиграф и первая строка — из элегии К. Н. Батюшкова (1787 — 1855) «Тень друга» (1814), посвященной памяти погибшего на войне друга. *Рыдай, Эллада.* — Байрон погиб за независимость Греции. *Ада* — дочь Байрона.

Але («Есть у тебя еще отец и мать...») — Обращено к дочери. См. комментарий к стихотворению «Аля». *Иордань* (Иордан) — главная река в Палестине.

«Новый Год. Ворох роз...» — *Смитсон* — речь, возможно, идет о револьвере (правильное название системы — смит-и-вессон), широко распространенном в России в конце XIX в. *Россетти* Данте Габриэль (1828 — 1882) — английский поэт и живописец. В своих произведениях Россетти уходит в мир грез, в «обитель красоты».

Барабанщик (1 — 2).

2. *«Молоко на губах не обсохло...»* — *Аустерлиц* — см. комментарии к стихотворению «Бонапартисты».

Комедьянт (1 — 25). — Цикл обращен к Юрию Александровичу Завадскому (1894 — 1977), актеру и режиссеру. Под именем «Юра З.» выведен одним из героев «Повести о Сонечке» (см. т. 4). Цикл печатается по копии беловой тетради Цветаевой (сентябрь 1918 — декабрь 1920), переписанной А. С. Эфрон.

Посвящение. — *Снежная повинность* — уборка снега.

8. *«Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...»* — *Челлини* Бенвенуто (1500 — 1571) — итальянский скульптор, ювелир.

10. *«Нá смех и нá зло...»* — *Спарта* — государство в Древней Греции, население которого, по преданию, отличалось исключительной суровостью характера и выносливостью. *Помнишь лисёнка, сердце спартанца?* — Имеется в виду легенда о спартанском мальчике, который скрывал за пазухой лисенка и, не желая, чтобы об этом узнали, вытерпел страшные муки, так как лисенок стал вгрызаться в его тело.

13. *«Сядешь в кресла, полон лени...»* — *С перстеньком китайским — руку.* — Серебряный китайский перстень Завадскому подарила Цветаева. В «Повести о Сонечке» она писала: «...А З⟨авад⟩ский свой начищает мелом. — И не знает, что там написано, потому что он — китайский... Этот мел тут же обернула девятистишием... Юрию З. — серебряный китайский, Павлику А. — немецкий, чугунный с золотом...» См. стихотворение «П. Антокольскому» («Дарю тебе железное кольцо...»).

19. *«Друзья мои! Родное триединство!..»* — Обращено к актерам Вахтанговской студии Павлу Антокольскому, Юрию Завадскому (о них см. комментарии к циклу «Братья» и циклу «Комедьянт») и Владимиру Васильевичу Алексееву (1892 — 1919). В. Алексееву посвящена вторая часть «Повести о Сонечке» — «Володя». *Сивилла* — см. комментарии

к циклу «Сивилла». *Жорж Занд* — с французской писательницей Жорж Санд (1804—1876) Цветаеву сравнил В. Алексеев в первый день их знакомства. «Первое слово — мне, в конце вечера, где нами друг другу не было сказано ни слова... — Вы мне напоминаете Жорж Занд — у нее тоже были дети — и она *тоже* писала — и ей тоже так трудно жилось — на Майорке, когда не горели печи».

«Я Вас люблю всю жизнь и каждый день...» — Стихотворение примыкает к циклу «Комедьянт» (см. комментарии).

П. Антокольскому. — См. комментарии к циклам «Братья» и «Комедьянт»

Памяти А. А. Стаховича (1—3). — *Стахович* Алексей Александрович (1856—1919) — актер Московского Художественного театра; преподавал студийцам уроки манер. Покончил с собой. Облик Стаховича, его характер и судьба послужили отправными точками для создания пьесы «Феникс» (см. т. 3). Ему Цветаева посвятила также дневниковый очерк «Смерть Стаховича» (см. т. 4).

3. *«Пустыней Девичьего Поля...»* — А. Стахович был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Посылка к маленькой сигарере. — Обращено к С. Е. Голлидэй (см. комментарий к циклу «Стихи к Сонечке»).

Стихи к Сонечке (1—11). — Цикл обращен к Софье Евгеньевне Голлидэй (1894—1934), актрисе Второй студии МХТ. Помимо цикла стихотворений и большой прозаической вещи «Повесть о Сонечке» (см. т. 4), Цветаева написала специально для нее роли в пьесах «Фортуна», «Приключение», «Каменный Ангел», «Феникс» (см. т. 3).

7. *«Маленькая сигарера!..»* — Цветаева считала, что С. Е. Голлидэй внешним обликом очень схожа с испанской девушкой, например с работницей сигарной фабрики (отсюда — «сигарера»).

10. *«Ландыш, ландыш белоснежный...»* — В письме к Цветаевой от 1 июля 1919 г. С. Е. Голлидэй просила: «Марина, когда я умру, на моем кресте напишите эти ваши стихи:

Так и кончилась с припевом: — «Моя маленькая!»

Але («В шитой серебром рубашечке...») — Обращено к дочери Ариадне. См. комментарий к стихотворению «Аля». *Казанская* — празднество в честь знаменитой Казанской иконы Богоматери.

Тебе — через сто лет. — В черновой тетради 1919 г. к стихотворению Цветаева сделала запись: «Вчера целый день думала о том — через 100 лет — и писала ему стихи. Стихи написаны — он будет». *Летейски воды* — воды Леты, реки забвения в царстве мертвых (греч. миф.).

В ранней редакции после четвертой строфы шли строки:

Твоя ладонь нежна — но сколь нежнее
Сия ладонь — держу ее! — была б,
Когда б сейчас — вот так — ко мне на шею
Тихонечко легла б!

(Прости за повторенья и длинноты, —
Ведь женщина, дружок! — И потому,
Что столько раз сказать вам нужно — кто ты?! —
Как здесь — ни одному!)

После пятой:

Идите, старьтесь над считаньем петель
И жалуйтесь на рост дороговизн!
Ее могильный холм, где прах и пепел,
Живей, чем ваша жизнь!

«Консуэла! — Утешенье!..» — Обращено, как и два последующих цикла «Але», к дочери Ариадне. См. комментарий к стихотворению «Аля».

«А человек идет за плугом...» — Рахилью — Лия. — По библейской легенде, Иаков, обманутый отцом невесты, красавицы Рахили, получил вместо нее в жены ее старшую сестру Лию.

«Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!..» — Чердачная комната в мезонине дома № 6 в Борисоглебском переулке, где жила Цветаева. *Фландрия* — средневековое графство, позднее одна из провинций Нидерландов.

С. Э. — Обращено к С. Я. Эфрону.

«Дорожкою простонародною...» — Обращено к дочери Ариадне.

Бальмонту. — Дружба Цветаевой с поэтом Константином Дмитриевичем *Бальмонтом* (1867—1942) началась в Москве и продолжилась за границей. В трудные послереволюционные годы их отношения отличались взаимной поддержкой и помощью. «В голодные годы Марина, — вспоминал позднее Бальмонт, — если у ней было шесть картофелин, приносила три мне. Когда я тяжко захворал из-за невозможности достать крепкую обувь, она откуда-то раздобыла несколько щепоток настоящего чаю» (Бальмонт К. Где мой дом? Прага, 1924). Цветаева посвятила Бальмонту два очерка в 1925 и 1936 гг. (см. т. 4).

В рукописи после четвертой строфы были строки:

Что ж! — А всё ж чумную челядь
В страхе держит, как держала,
Оттопыренная челюсть
Всех...... Эскуриала.

Не коснемся взором нищим,
Сволочь! — твоего корыта,
Ибо отродясь пресыщен
Жизнью — взор полузакрытый.

Эскуриал (Эскориал) — см. комментарий к стихотворению «Пленница».

«Поцеловала в голову...» — Обращено к Александру Сергеевичу Ерофееву, мужу В. К. Звягинцевой, в то время — актрисы Передвижного театра; оба были друзьями Марины Ивановны, в трудные годы помогали ей. См. письма к ним (т. 6).

«Между воскресеньем и субботой...» — *Между воскресеньем и субботой.* — «Родилась я ровно в полночь с субботы на воскресенье (26-го сентября на 27-е)», — писала Цветаева.

«Звезда над люлькой — и звезда над гробом!..» — Стихотворение навеяно поездкой Цветаевой в Кунцевский приют, где находилась тяжелобольная дочь Ариадна.

«Дитя разгула и разлуки...» — *Мариула* — имя, упоминаемое в «Цыганах» А. С. Пушкина.

«Править тройкой и гитарой...» — Обращено к Сергею Борисовичу Алексееву (1894—1943), племяннику К. С. Станиславского, талантливому гитаристу и страстному любителю лошадей. *Полукровка* — в роду Алексеева была французская кровь.

«У первой бабки — четыре сына...» — *Первая бабка* Цветаевой (по отцовской линии) — Екатерина Васильевна Цветаева (умерла 35-ти лет). *Четыре сына* — старший Петр Владимирович (ум. 1902), священник в селе Талицы Владимирской губернии; Федор Владимирович (ум. 1901), преподаватель гимназии, инспектор Московского учебного округа; Дмитрий Владимирович (1852—1920), историк, публицист, педагог; Иван Владимирович (1847—1913), отец Цветаевой, профессор, основатель Музея изящных искусств в Москве (ныне — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина). *Другая* (бабка) — Мария Лукинична Бернацкая. См. стихотворение «Бабушке» и комментарий к нему.

По поводу стихотворения И. Г. Эренбург заметил: «...Цветаева говорила о своих бабках: одна была простой русской женщиной, сельской попадьей, другая — польской христианкой. Марина совмещала в себе старомодную учтивость и бунтарство, высокомерность и застенчивость, книжный романтизм и душевную простоту» (Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. С. 98.)

Психея («Пунш и полночь...»). — *Психея* — см. комментарий к стихотворению «Не самозванка — я пришла домой...». В стихотворении говорится о жене А. С. Пушкина Наталье Николаевне. «Заставать ее по вечерам и думать нечего, — вспоминал современник, — ее забрасывают приглашениями то на бал, то на раут. Там от нее все в восторге, и прозвали ее Психеею». См. также стихотворение «Счастие или грусть...» и комментарий к нему.

«Старинное благоговенье». — *Экклезиаст* (Екклесиаст) и *Песнь Песней* — книги Ветхого завета. В первой из них утверждается невозможность полного человеческого счастья, вторая — о страстной любви, преодолевающей все преграды.

Памяти Г. Гейне. — *Спор наш не кончен, а только начат!..//Мальчик поет, а девчонка плачет.* — Цветаева полемизирует с «Книгой песен» Гейне («юноша любит девушку»).

«А следующий раз — глухонемая...» — *Коринна* — романтическая поэтесса и артистка, отстаивающая право женщины на свободу чувств и мнений. См. также комментарий к стихотворению «Искательница приключений».

«Две руки, легко опущенные...». — Посвящено памяти младшей дочери Цветаевой Ирины. «Ирина была... прехорошенькая девочка с пепельными кудрями, лобастая, курносенькая, с огромными отцовскими глазами» (письмо А. С. Эфрон к П. Г. Антокольскому от 21 июня 1966 г. Архивы составителей). *Старшую у тьмы выхватывая — //Младшей не уберегла.* — В том же письме А. С. Эфрон пишет о том, как Цветаева отдала на время дочерей в Кунцевский приют под Москвой. Аля там тяжело заболела и была взята домой; «пока мама билась со мной и меня выхаживала, Ирина умерла в приюте — умерла с голоду».

Сын. — Строфы, отклоненные Цветаевой:

Отбросив лиру, небожитель юный,
В тоске не разожмет висков,
Доколь не выманит на струны
Семь золотистых волосков!

. . . .
Ах, за голову бы тебя! На грудь бы!
А там — хотя живою в гроб!
Но не дерзнув, народов судьбы
Решает напряженный лоб.

Вячеславу Иванову (1 — 3). — С поэтом Вячеславом Ивановичем *Ивановым* (1866 — 1949) Цветаева встречалась мало; писала, что у нее с ним была всего «одна беседа за жизнь». В 1915 г. Вяч. Иванов посвятил Цветаевой стихотворение «Исповедь земле». *Ты пишешь перстом на песке.* — Ср. Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 6: «Но Иисус... писал перстом на земле...» *Равви* — еврейское обращение к учителю.

〈Н. Н. В.〉 (1 — 27). — Цикл стихотворений, вдохновленный встречей поэта с художником Николаем Николаевичем Вышеславцевым (1890 — 1952). Печатается по копии беловой тетради Цветаевой (сентябрь 1918 — декабрь 1920).

14. *«Суда поспешно не чини...»* — Вариант стихотворения (зачеркнуто в рукописи):

Ведь был же мне на полчаса
Ты другом дорогим!
Кто виноват, что родился
Собой, а не другим?

Обоим нам — вниз головой
В рай прыгать. — Там решат,
Что лучше: мой ли цирковой,
Твой ли морской канат.

19. *«Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя...»* — *Абеляр* Пьер (1079 — 1142) — французский философ, богослов, поэт. Трагическая история его любви к *Элоизе* (ок. 1100 — 1164) отразилась в их переписке. Они были насильно разлучены и ушли в монастырь. Письма Элоизы и Абеляра вдохновили многих писателей и поэтов (Петрарку, Руссо и др.).

21. *«И не спасут ни стансы, ни созвездья...»* — *Эрос* (греч. миф.) — бог любви.

«Сижу без света, и без хлеба...» — Обращено к мужу, С. Я. Эфрону.

«Писала я на аспидной доске...» — Обращено к С. Я. Эфрону. *Внутри кольца.* — См. комментарий к стихотворению С. Э. («Я с вызовом ношу его кольцо...»).

«Руку нá сердце положа...» — Эпиграф — из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». *Пепел Гришки.* — Речь идет о Григории Отрепьеве, выдававшем себя за царя Дмитрия, сына Ивана Грозного. В 1606 г. убит боярами-заговорщиками.

«Одна половинка окна растворилась...» — Написано вместе с дочерью Алей.

Песенки из пьесы «Ученик» (1 — 9). — В 1920 г. Цветаева работала над пьесой «Ученик» (рукопись не уцелела). В тетради — запись от июля того же года: «Целый день писала... „Ученика“... написала... песенку — с таким припевом: „Я, выношенная во чреве//Не материнском, а морском. Пусть у меня в 1-й картине — на сон грядущий — поет Ученик“».

Евреям («Так бессеребренно — так бескорыстно...»). — *... напрасно имя Гарри//на Генриха он променял!* — имеется в виду Генрих Гейне.

«Был Вечный Жид за то наказан...» — *Вечный Жид* (Агасфер) — еврей-скиталец, осужденный Богом на вечные скитания за то, что не дал Христу отдохнуть по пути на Голгофу.

«Дом, в который не стучатся...» — *Каин* (библ.) — старший сын Адама и Евы, проклятый Богом за братоубийство.

Ex-ci-Dévant (отзвук Стаховича) — см. цикл «Памяти А. А. Стаховича» и комментарий к нему.

«Я вижу тебя черноокой, — разлука!..» — *...Анна над спящим Сережей...* — *Анна, Сережа* — герои романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

«Другие — с очами и с личиком светлым...» — *Эол* (греч. миф.) — бог ветров.

«И вот исчез, в черную ночь исчез...» — *Как некогда Иосиф, плащ свой бросив* (библ.) — Проданный братьями в рабство Иосиф, спасаясь от домогательств жены своего господина Потифара, «оставил одежду свою в руках ее».

«Есть подвиги. — По селам стих...» — Так, нахлобучив кулаком скуфью||Не плакала — Царевна Софья! — Царевна Софья Алексеевна (1657—1704) в 1689 г. была свергнута своим единокровным братом Петром I и заточена в монастырь. *Скуфья* — повседневный головной убор православного духовенства.

Петру. — Обращено к Петру I (1672—1725). *За Софью — на Петра!* — см. комментарии к предыдущему стихотворению.

«Не называй меня никому...» — Обращено к Евгению Львовичу Ланну (настоящая фамилия Лозман; 1896—1958), поэту и переводчику. В 1920—1921 гг. Цветаеву с ним связывала недолгая дружба. См. поэму «На Красном Коне» и комментарии к ней (т. 3), а также письма к Е. Ланну (т. 6).

Чужому. — В архиве Цветаевой хранится рукопись стихотворения, озаглавленная: «А. В. Луначарскому (после выступления в Доме печати)». *Луначарский* Анатолий Васильевич (1875—1933) — писатель, критик, с 1917 г. нарком просвещения. В письме к Волошину от 21 ноября (4 декабря) 1921 г. Цветаева писала: «Луначарский — всем говори! — чудесен. Настоящий рыцарь и человек».

«Буду выспрашивать воды широкого Дона...» — В основу стихотворения положен трансформированный Цветаевой «Плач» Ярославны, жены Игоря, из «Слова о полку Игореве». *Белый поход, ты нашел своего летописца.* — Последнему этапу «Белого похода» Цветаева посвятила поэму «Перекоп» (см. т. 3).

«Я знаю эту бархатную бренность...» — Как и следующее стихотворение, обращено к Е. Л. Ланну. См. также стихотворения «Не называй меня никому...» и «Короткие крылья волос я помню...» и комментарии к ним.

«Короткие крылья волос я помню...» — Стихотворение вдохновлено Е. Ланном и его стихами. *...режа||По бренной и нежной доске.* — Речь идет о деревянной скульптуре С. Т. Коненкова (1874—1971) «Паганини». В письме к Ланну от 6 декабря 1920 г. Цветаева передает разговор о нем: «...И — заметили ли Вы, что он совершенно похож на Коненковского Паганини, — точно с него делано!» — Я, оживляясь: «Коненковского Паганини я не рассмотрела, — близорука, но — как странно — в первую же встречу, через 10 минут после того, как он вошел, сказала ему, что он похож на Паганини».

СОДЕРЖАНИЕ

Цветаева М.

Ц 25 Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1.: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. — М.: Эллис Лак, 1994. — 640 с.

ISBN 5-7195-0013-8 (Т. 1)

В первый том вошли стихотворения 1906 — 1920 гг.

Ц $\frac{4700000000\text{-}012}{130(03)\text{-}94}$ Без объявл. **ББК 84Ря44**

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна
Собрание сочинений в семи томах
Том первый

Редакторы *Т. Е. Волкова, Т. А. Горькова*
Художественный редактор *В. Н. Сергутин*
Технический редактор *Л. В. Жигульская*
Корректор *Ю. П. Баклакова*

Сдано в набор 09.09.93. Подписано к печати 21.02.94. Формат $60 \times 90^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 40,0. Усл. кр.-отт. 42,75. Уч.-изд. л. 29,12.
Тираж 30 000 экз. Заказ 199. С 14.

ЛР № 040571 от 19.01.93

Издательство «Эллис Лак»
123242, Россия, Москва, ул. Большая Грузинская, 3, стр. 1
Тел.: 254-74-72, 254-26-11
Факс 227-59-40

Типография ИПО «Полигран»
125438, Москва, Пакгаузное шоссе, 1.